

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальное издание избранных материалов

Февральская революция

На фото, слева направо: князь Г. Львов, П. Милуков, восставшие солдаты, А. Керенский, А. Гучков.

- По стране: Сахаров в Москве, освобождение политзаключенных, смерть А. Марченко, волнения в Казахстане, Чернобыль...
- Возможно ли политическое урегулирование войны в Афганистане?
- Дискуссия: реформируем ли советский социализм?
- Воспоминания о февральской революции
- О некоторых проблемах религиозного пробуждения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство „Посев” видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический ежемесячник „Посев”, литературный ежеквартальный журнал „Грани”; с благословения Антония, архиепископа Женевского и Западно-Европейского, в изд. „Посев” типографским способом переиздается самиздатский православный сборник „Надежда”. Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

Другие, наиболее известные, русские периодические издания на Западе:

«ЕДИНЕНИЕ», еженедельная газета, выходящая в Мельбурне (Австралия).

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке (США).

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ», ежедневная газета, выходящая в Сан-Франциско (США).

«РУССКАЯ МЫСЛЬ», еженедельная газета, выходящая в Париже (Франция).

Все указанные газеты информируют читателей о международном положении, о жизни русской эмиграции, о положении в СССР.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже. Богословие, Церковь, философия, культура, судьбы России.

«ВЕЧЕ», ежеквартальный альманах. Издатель — Российское национальное объединение в ФРГ. Национально-религиозная публицистика, история и судьбы России, документы.

«КОНТИНЕНТ», ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий в Париже. Современная проза, поэзия и публицистика авторов Восточной Европы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ», ежеквартальный литературный и публицистический журнал, выходящий в Нью-Йорке. Проза, поэзия, литературная критика, литературоведение, публицистика и пр.

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», независимый русский православный национальный журнал. Издается ежеквартально Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси (Нью-Йорк). История и судьбы России, проблемы русского национально-религиозного движения.

„СТРАНА И МИР”, ежемесячный общественно-политический журнал выходящий в Мюнхене. Либерально-демократическое направление.

Фонд Свободной России создан в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения.

Фонд обращается с призывом ко всей мировой общественности. Но освобождение России — дело не Запада, а нашего народа. Главный источник сил и средств — в нашей стране. Ищите возможность переправлять нам из СССР пожертвования для издания литературы, для ее провоза в страну, для обеспечения борющихся групп типографской техникой, для поддержания с ними связи. Оказывайте сами материальную помощь борцам внутри страны.

Адрес Фонда: M. Zalewsky, Freies-Russland-Fonds, D-6000 Frankfurt/M-18, Postfach 18 0451.

Банковский счет: A/C 461 971, Rubr. Free Russia, Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel.

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

Настоящий выпуск содержит
избранные статьи за три месяца:
январь — февраль — март 1987 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СТРАНЕ. В. Рыбаков. „Гуманный акт“ тоталитарной власти (2). — Письмо В. Осипова Горбачеву о журнале „Вече“ (3). — Е. Миркович. Сахаров в Москве (4). — Смерть Анатолия Марченко. Из письма Ларисы Богораз (6). — Е. Брейтбардт-Самсонова. Светлой памяти Анатолия Марченко (6). — Демонстрация в Риге (8). — События в Казахстане (9). — А. К. Антиядерный форум (10). — Л. Сергеева. Народная беда и общественность (11). — Экономические новости (13). — Нам рассказывают... (15)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. В. Надеждин. Афганской войне — семь лет (16). — Афганская хроника (17). — В. Рыбаков. Политическое урегулирование (19)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. В. Мишин. Латинская Америка между тоталитаризмом и демократией (22). — А. Ковенский. Студенты на площади Тяньаньмынь (27). — Китайская армия: дошла очередь (29)

ЭКОНОМИКА, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. Ф. Незнанский. Роль социальных механизмов (31). — А. Ряднов. Государственная приемка (37). — Ф. Незнанский. Неразрешимые проблемы социализма (41). — А. Ряднов. Туфта с ускорением (45). — Р. Едлех, А. Югов. Не мешать требованиям жизни. Обсуждение закона „Об индивидуальной трудовой деятельности“ (49)

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА: ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ОППОЗИЦИЯ. В. Рыбаков. Политизация и антиполитика (53). — М. Назаров. Как реформировать советский социализм? (57). — Р. Едлех. В рамках системы (65). — А. Югов. Перестройка — реальность и фикция (71). — А. Артемов. Январский пленум ЦК КПСС (79)

„ПОСЕВ“ — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„Посев“ участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал „Посев“ выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. Февральская революция (82). — Хроника февральских дней (83). — Воспоминания: А. В. Тырковой-Вильямс (85), С. П. Мельгунова (89), Г. М. Каткова (90)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. Н. Петров. Советские перебежчики. О книге В. Краснова (91). — Н. Росс. „Вестник РХД“ № 147 (95). — М. Назаров. „А что, если это способ торжества таких идей?..“. О романе Ч. Айтматова „Плаха“ (97)

КУЛЬТУРА. А. Жуковский. Роковый вопрос (101). — А. К. Умер Андрей Тарковский (104)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. Н. Общая позиция: выжидательно-недоверчивая (106). — Чудо в городе Львове (107)

ПРИЛОЖЕНИЕ. А. Бутаков. О некоторых проблемах религиозного пробуждения (108)

«Гуманный акт» тоталитарной власти

В середине февраля коммунистическая власть в нашей стране начала освобождать узников совести. Эта операция названа „гуманным актом“. Требуют, чтобы заключенные писали просьбу о помиловании. Сыну Генриха Алтуниана, члена-учредителя в 1969 году первой правозащитной организации, Инициативной группы по защите прав человека в СССР, прямо сказали, что происходящее „не реабилитация и не амнистия“, что его отец „остается преступником“, который, если хочет выйти на свободу, должен письменно заявить, что обещает не заниматься больше „антисоветской деятельностью“. Валерий Сендеров написал в заявлении, что согласен соблюдать Уголовный кодекс, когда он не противоречит международным пактам, христианской морали и национальным интересам России. У некоторых освобожденных создалось впечатление, что в трех пермских лагерях освобождают всех, осужденных за „пропаганду“, а тех, которых судили за „измену родине“, фотографируют для паспортов и „справок об освобождении“; что в лагерях заколачивают штрафные изоляторы.

Об условиях освобождения и количестве освобожденных приходят самые разные и порой противоречивые сведения.

Ни реабилитация, ни амнистия...

В советской прессе, в частности в „Известиях“, был опубликован 14 февраля 1987 года следующий текст:

В Президиум Верховного Совета СССР обратилась группа лиц, всего около 140 человек, ранее осужденных в соответствии со статьями 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 190¹ (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) Уголовного кодекса РСФСР, с заявлениями о том, что они впредь не будут заниматься противоправной деятельностью.

Президиум Верховного Совета СССР рассматривает эти заявления и принимает решения об освобождении. Этот гуманный акт находится в полном соответствии с процессом демократизации и отвечает духу перестройки, происходящей в нашей стране. Лицам, освобожденным от наказания, предоставляется возможность принять активное участие в общественно полезном труде.

Со своей стороны, представительница министерства иностранных дел Г. Герасимов заявила 9 февраля, что „освобождаются 140 заключенных“, а 11 февраля добавил, что „рассматриваются еще 140 дел“. Ко времени сдачи этого номера „Посева“ в набор этого действительно освобождены около ста человек.

В свете происходящей в нашей стране, „перестройки“ эти освобождения чрезвычайно интересны и, вероятно, представляют собой один из краеугольных камней разрабатываемой новой политики борьбы коммунистической власти с оппозицией. Власть назвала освобождение „гуманным актом“, а не реабилитацией и не амнистией. Для чего?

Коммунистическая власть в нашей стране пытается в настоящее время осуществить такие экономические реформы, которые могли бы спасти СССР как сверхдержаву. Можно только гадать, как далеко пойдут эти реформы, насколько власть решится присвоить личную и частную инициативу советских граждан. Однако можно с уверенностью предположить, что так или иначе, но тоталитарная власть постарается добиться своей цели, идя по двум направлениям: создание Западу взаимовыгодных условий для разработки непосредственно на советской территории современной промышленности и научной технологии (первым крупным шагом был закон о совместных предприятиях) и создание для советского населения (или части его) выгодных для него условий работы (началом можно считать закон об индивидуальной трудовой деятельности). Для того, чтобы эти мероприятия привели в будущем к конкретным, успешным результатам, им необходимо дать определенное культурное, административное, бытовое и политико-экономическое свободное пространство, иначе они задохнутся на корню.

Правовое свободное пространство для тоталитарной власти означает прежде всего изменения в определении понятий „политическая оппозиция“ и „экономическое преступление“.

„Гуманный акт“ можно, вероятно, считать одним из предварительных решений, ведущих к пересмотру ряда статей советского уголовного кодекса.

Освобождение Сахарова и других, присутствие Сахарова на Международном форуме в Москве 14–16 февраля, его аплодисменты в адрес Горбачева были и будут использованы властью для создания на Западе иллюзии происходящей в СССР настоящей либерализации, возможно, даже иллюзии начала существования в СССР — пока лишь в лице Сахарова — „легальной оппозиции“. Однако вряд ли можно считать, что все эти меры были предприняты исключительно для внешнего потребления. Возможно, в расширяющемся правовом пространстве определенные категории людей, ратующих за права человека, активно верующих, желающих эмигрировать, стремящихся свободно творить, бороться за сохранение среды и так далее, перестанут считаться „политическими“ и, не без усилий со стороны власти, будут восприниматься общественными силами свободных стран как „легальная оппозиция“.

Пересмотр статей УК, касающихся „экономических преступлений“, будет связан с шириной охвата и глубиной экономических реформ и будет, разумеется, непосредственно этим реформам служить.

Трудно сомневаться в том, что освобождение политзаключенных будет продолжаться, но и в том, что это — начало нового этапа борьбы коммунистической власти с той оппозицией, которую власть считает действительно политической, действительно социальной. Весьма вероятно, видоизмененный УК отразит стремление власти бороться без по-

щады, более жестоко, чем сегодня, с членами политических и национальных организаций, со свободными профсоюзами и с религиозными объединениями, отстаивающими свою независимость от государства. КГБ будет обязан охранять всеми силами уступленное властью обществу свободное пространство, не допускать его расширения.

В. Рыбаков

Письмо В. Осипова Горбачеву о журнале «Вече»

Проживающий в г. Таруса Калужской области (просп. Пушкина, 37) Владимир Осипов, отбывший в общей сложности 15 лет в заключении, в августе 1986 года написал письмо М. Горбачеву, в котором снова указывал на то, что издаваемый им журнал „Вече“ (9 номеров) не был антисоветским, как его пытаются все время представить власти, а что „Вече“ — исторический сборник статей и документов и что сейчас в советской печати свободно обсуждаются все те проблемы и вопросы, которые раньше обсуждались на страницах „Вече“. Поэтому в издании такого журнала он не видит криминала. Если же по каким-либо соображениям издание затруднено или невозможно, он просит Горбачева разрешить ему на 1–2 года выехать на Запад, где бы он смог прочесть курс лекций по истории славянофильства (Киреевский, Аксаков, бр. Хомяковы) с гарантированным возвращением.

Ниже мы публикуем список имен политзаключенных, освобожденных после „странной амнистии“ 2.2.87, состояние на середину марта с. г. Итого — 60 человек:

Алтунян Генрих (правозащитник), Альбрехт Владимир (правозащитник), Анцупов Евгений (историк), Арутюнян Вардан (армянский правозащитник), Ахонен Хейки (эстонский правозащитник), Барац Василий (пятидесятник), Барац Галина (пятидесятница), Барканс Янис (латвийский правозащитник), Басаргин Виктор (правозащитник), Бегун Иосиф (еврейский правозащитник), Бедарков Анатолий (украинский правозащитник), Волохонский Лев (СМОТ), Голиков Петр (пятидесятник), Грезин Борис (поэт и правозащитник), Григорянц Сергей (писатель и правозащитник), Долинин Вячеслав (самиздатский автор), Евдокимов Ростислав (СМОТ), Зеленченко Рояльд (еврейский правозащитник), Иващенко Игорь (правозащитник), Игнатенко Никола (украинский правозащитник), Исаев Григорий (марксист), Ковалев Иван (правозащитник), Корб Яна (эстонский правозащитник), Корягин Анатолий (правозащитник), Мальшев Леонид (правозащитник), Маркевич Вениамин (баптист), Мейлах Михаил (правозащитник), Огородников Александр (православный христианин), Осипова Татьяна (правозащитник), Остренко Валерий (украинский правозащитник), Петруновский Анатолий (правозащитник), Плосконис (украинский правозащитник), Погорильный Валентин (правозащитник), Поляков Михаил (правозащитник), Попальюк Зоран (украинский правозащитник), Попов Кирилл (правозащитник), Ривкин Михаил (еврейский правозащитник), Розкалнс Янис (латвийский правозащитник), Румачик Петр (баптист), Сендеров Валерий (СМОТ), Сквирский Владимир (член независимого профсоюза), Скуодис Витаутас (литовский католик), Смирнов Алексей (правозащитник), Таубертс Альфредс (латышский правозащитник), Тереля Иосип (глава украинский католиков), Тимофеев Лев (писатель), Фрейманис Гунарс (латышский правозащитник), Хмара Степан (украинский правозащитник), Ходорович Сергей (правозащитник), Хомизури Георгий (грузинский правозащитник), Цурков Аркадий (правозащитник), Чаликов Рахим (таджикский правозащитник), Черных Борис (журналист), Чукаев Александр (русский социал-демократ), Шевченко Виталий (украинский писатель), Шиханович Юрий (правозащитник), Якунин Глеб (священник), Яненко Виктор (СМОТ), Янков Вадим (правозащитник).

Сахаров в Москве

Они пришли на квартиру А. Д. Сахарова в Горьком 15 декабря 1986 года в 10 часов вечера, — один гебистский чин и два телефониста, установили телефон и предупредили о предстоящем важном звонке (сосланный в Горький Сахаров, находясь под постоянным надзором, не имел права не только на телефон, но и на общение с людьми по своему выбору). 16 декабря в 3 часа дня позвонил генсек Горбачев, сообщил ссыльному академику, что ему разрешено вернуться в Москву (вместе с Боннэр, которую „помиловали“), возобновить научную деятельность в Академии наук, и призвал его выполнить там свой „патриотический долг“ (такими звонками в свое время Сам, то есть Сталин, любил ошарашивать избранных своею милостью или немилостью). Во время этого телефонного разговора Сахаров напомнил Горбачеву о своем письме от февраля 1986 года, в котором он настаивал на освобождении заключенных за свои убеждения, и заметил, что это — тоже его патриотический долг.

На очередной пресс-конференции МИДа, 19 декабря, заместитель министра В. Петровский объявил иностранным журналистам о „милости“ партии и предстоящем возвращении Сахарова в Москву. Он подчеркнул, что „просьба“ (?) Сахарова о возвращении была положительно рассмотрена соответствующими инстанциями, в том числе Академией наук. На пресс-конференции присутствовал заместитель президента АН Е. Велихов. Сам президент АН Ю. Марчук тем временем посетил Сахарова в Горьком.

Поставленный телефон не отключили. Сахаров имел возможность разговаривать со своими родственниками в США, дали проваться к нему иностранным журналистам. Линия оказалась открытой и для проживающего в ФРГ Л. Копелева, имеющего там известное влияние в левых политических и интеллектуальных кругах.

Утром 23 декабря А. Сахаров и Е. Боннэр прибыли в Москву. На вокзале их встретила толпа журналистов, телевидение. Сахарова повезли в Академию наук, где ему была устроена овация. Так академик Сахаров перестал быть официально „поднадзорным объектом“.

Последовали газетные интервью. Телеинтервью для одной из американских кампа-

ний проводилось в студии гостелевидения. В своих выступлениях Сахаров повторил и дополнил сказанное им по телефону Горбачеву о необходимости полной амнистии заключенных за свои убеждения. Он выразил надежду, что нынешний год станет годом такой амнистии, связывая такой шаг с реализацией обещанных властью реформ. Признав важность допущенной теперь гласности, Сахаров заметил, что возможность открытого высказывания, — а это благо для страны — может изменить значение слова „диссидент“. Но, сказал он, Афганистан остается самой большой точкой советской внешней политики. В отношении СОИ (американской стратегической оборонной инициативы) Сахаров высказал такое мнение: СОИ не может быть абсолютной защитой — сильный противник с развитой технологией может ее преодолеть, и это потребует от него значительно меньшего вклада средств, чем сама отстройка СОИ. Требовать от американцев приостановить разработку проекта СОИ — нереально; надо искать компромисса, поэтому, по мнению Сахарова, советская сторона допускает грубую ошибку, ставя общие соглашения с США по вопросам разоружения в зависимость от их отказа от СОИ. Далее Сахаров подчеркнул, что он будет заниматься наукой, а по общественным вопросам выступать по велению совести.

Существующий у нас режим гласности (пресса, радио и телевидение) утаил от советских граждан первые выступления Сахарова, поэтому советские граждане не увидели изможденное лицо Сахарова, на котором оставило след унижительное обращение с ним в горьковской ссылке. Сахаров, в частности, сказал, что во время насильственного питания, когда он держал голодовку, у него случился удар. Не могли советские граждане также убедиться, что, несмотря на все испытания, Сахаров остался прежним — морально чистым и благородным человеком. О самом освобождении Сахарова страна узнала лишь из опубликованного сообщения о пресс-конференции МИДа.

Правда, советские граждане также не видели позорный фильм, снятый КГБ скрытой камерой в Горьком, показывающий Сахарова на базаре, в больнице, во время медицинского осмотра, фильм, который шустрий

Виктор Луи (остался ли он еще „у дел“?) продавал на Западе. Но советские граждане зато читали в советской прессе клевету и пасквили о А. Сахарове и Е. Боннэр, видели фильм „Заговор против страны советов” (комментировал фильм ныне преуспевавший гебист Генрих Боровик), в котором в омерзительном замысле смешаны бандеровцы, сионисты, гестаповцы, ЦРУ, кардинал Слипий, Сахаров и Е. Боннэр. Как, сопоставив прошлую клевету с нынешним шагом власти, не усомниться в искренности нынешней политической „перестройки”?

Академик Сахаров — ученый с мировым именем, отец советской водородной бомбы, предупреждавший еще Хрущева об ужасах атомной катастрофы, болеющий за судьбы нашей страны, за разруху и бесправие в ней. В 60-х годах в общественности остро ощущалась необходимость реформ. Тогда А. Солженицын написал свое „Письмо вождям”, а Сахаров — „Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”. Солженицына арестовали и выслали из страны, Сахарова отстранили от научной работы и начали притеснять. Сахаров был неутомимым защитником преследуемых, возглавлял Комитет прав человека, продолжал борьбу в одиночку. После советского вторжения в Афганистан он предложил план политического урегулирования афганского конфликта. В 1980 году его схватили на улицах Москвы и без суда отправили в горьковскую ссылку. Сахаров — один из представителей реформистской мысли последнего периода нашей истории. И таким он остается.

Возвращение Сахарова вписывается в нынешний курс власти на „перемены”. Идя на этот шаг, власть, конечно, преследовала свои выгоды. Снимается растущее (и мешающее) давление на государственном уровне. Открывается возможность более интенсивного сотрудничества с западными учеными. Коротко, убирается помеха для возможной разрядки периода „перестройки”. Что же касается высказываний Сахарова о СОИ, то при нужде и их можно использовать. Возвращением Сахарова как бы подкрашивается „правочеловеческое лицо” власти, стремящейся, в частности, следующую „хельсинкскую конференцию” провести в Москве. Но тут уместно задать первые элементарные вопросы. Если иностранные ученые захотят встречаться с Сахаровым, — допустят ли это власти? Если

конференция будет в Москве, — выступит ли на ней Сахаров или ему на это время „разрешат” выехать к родственникам или на лечение за границу?

Были у власти и внутривластные замыслы и надежды: возвращением Сахарова приглушить, хотя бы временно, беспокойство в среде реформистски настроенных ученых, вызванное тем, что „перестройка” продвигается больше на словах, чем на деле; нейтрализовать какие-то не очень радикальные оппозиционные настроения; завлечь кого-то из выехавших „диссидентов”. Но нельзя не видеть и попытки власти приуменьшить политическое значение возвращения Сахарова: почти одновременно был пышно разыгран спектакль „возвращения на родину” эмигрантов, якобы отрезвевших от лживых приманок Запада.

Власти понадобилось двадцать лет, чтобы вернуть Сахарова то положение, которое он занимал до публикации Меморандума. Конечно, власти проще замолчать преследование Сахарова за этот документ и допущенный ею произвол КГБ. Тем более что чистой „отщепенцев” и „диссидентов” руководил возглавлявший КГБ Андропов, открывший, став генсеком, Горбачеву подступы к власти. Но начавшееся движение в общественности подтачивает испытанный принцип системы — считать бывшее не бывшим.

Е. Миркович

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАНКФУРТЕ
СКОРБИТ**

**В СВЯЗИ С ГИБЕЛЬЮ В ГУЛАГЕ
РОДОНАЧАЛЬНИКА НЕПОДЦЕНЗУРНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В СССР ПИСАТЕЛЯ**

**✠ АНАТОЛИЯ ТИХОНОВИЧА
МАРЧЕНКО**

**И ВЫРАЖАЕТ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ
СЕМЬЕ УБИЕННОГО.**

**В эти трагические для всех друзей свободы
дни мы преисполнены надежды на то, что дело,
за которое Марченко отдал свою жизнь,
не погибнет: России быть свободной.**

Смерть Марченко

Девятого декабря 1986 года жене политзаключенного Анатолия Марченко Ларисе Богораз было официально сообщено, что ее муж скончался в Чистопольской тюрьме. Незадолго перед этим, 21 ноября, КГБ предложил всей семье подать документы на выезд в Израиль. Марченко отказался от израильской визы, мотивируя это своим нееврейским происхождением; он требовал официального разрешения на выезд в Америку. Принципиально.

Принципиальность, упрямый отказ лгать даже во спасение своей свободы и жизни — вот что заставило Анатолия провести 20 лет своей жизни в ссылках и лагерях, заставила четыре раза отказываться от израильской визы, которую ему предлагал КГБ, заставила начать длившуюся с 4 августа голодовку протеста с требованием предоставления ему свидания с женой и суда над избившими его надзирателями. До сих пор существует два мнения о причине смерти Марченко — следствие голодовки или повреждения черепа в результате побоев.

Власти отказались выдать тело Марченко его вдове — он был похоронен недалеко от Чистопольской тюрьмы.

Когда весть о смерти правозащитника достигла Вены, где в этот момент проходила Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе, глава американской делегации Уоррен Циммерман прервал свою речь и призвал всех делегатов почтить память Марченко минутой молчания. Все поднялись. Советская и болгарская делегации демонстративно покинули зал и вернулись только через 25 минут...

Имя Марченко пока что заканчивает список погибших за свои убеждения в лагерях политзаключенных Бориса Евдокимова, Юрия Галанскова, Олексы Тихого, Василя Стуса, Валерия Марченко, Марка Морозова и многих других. Но пока что нет оснований считать, что список этот не будет продолжен.

*

„Тайна, которой власти окружили гибель моего мужа, не скрывает главного: Анатолий Марченко погиб в бою. Этот бой для него начался четверть века назад, и никогда, ни разу

не выкинул от белого флага перемирия. Двадцать лет из этих двадцати пяти его вояна шла в тюремных камерах, в лагерных бараках, в ссылках. Анатолий мог жить на воле, но сознательно выбрал тюрьму, чтобы другие были свободны.

Я бесконечно благодарна всем, кто принял участие в судьбе моего мужа. Я прошу всех, близких и далеких, не забывать: „дело Марченко” не закрыто. Всеобщая политическая амнистия, свобода всем политзаключенным — за это святое дело Анатолий отдал свою жизнь, за это он голодал последние четыре месяца, за это погиб в страшной Чистопольской тюрьме 8 декабря 1986 года.

Лариса Богораз

13 декабря 1986”.

Светлой памяти Анатолия Марченко

От вести о безвременной гибели в Чистопольской тюрьме Анатолия Марченко у всех знавших его лично, заочно, по его книгам или правозащитным выступлениям сердца сжались от глубочайшей скорби, а кулаки — от бессильного гнева: вот и еще один убит. Как подчеркнула в своем заявлении на смерть Марченко поэтесса Ирина Ратушинская: „Смерть в советских лагерях и тюрьмах — всегда убийство”. Двадцать пять лет своей короткой жизни посвятил Марченко борьбе за элементарную справедливость и гражданские права в СССР. Из них двадцать эта его борьба прошла в тюрьмах, лагерях, ссылках. Власть жестоко мстила Марченко,

ему, рабочей косточке, представителю класса, именем которого эта власть уже семьдесят лет прикрывает все свои преступления.

Анатолий Тихонович Марченко родился в 1938 г. в сибирском городе Барабинске в рабочей семье. После окончания 8-го класса он начал работать на комсомольских стройках Сибири, стал буровым мастером. В первый раз был арестован в 1958 году как участник драки между рабочими поселка и спецпереселенцами-чеченцами. Всех арестованных осудили огулом, не разбираясь, кто прав, кто нет. Приговор — 8 лет. Так он попал в Карлаг. Позднее дело было пересмотрено, приговор изменен: 2 года. И тем не менее, Марченко бежал, а поскольку „беглому” ох как трудно начать новую жизнь, то он решил на уход за границу. Вместе с напарником был пойман и осужден не „за попытку перейти границу”, как его подельник, сотрудничавший со следствием, а за измену родине на шесть лет. Он провел их во Владимирской тюрьме и мордовских лагерях.

„Значительно позже я понял, что словами „изменник родины” мне искалили не шесть лет, а всю жизнь. Тогда же у меня было только одно ощущение: совершена несправедливость, узаконено беззаконие, и я бессилён, я могу только собирать, копить в себе обиду, отчаяние, копить, пока меня не взорвет, как перегретый котел”.

Но что-то было в нем, в рабочем парне, такого, что помогло ему понять: ненависть — не просто разрушительна, она саморазрушительна. Хотелось бы сказать, что такое понимание дается внутренней врожденной культурой души. Ведь эта ненависть толкала его на готовность кинуться на тюремщиков с единственной целью — погибнуть самому. Вот это-то как раз и было бы на руку им — одним меньше.

„Меня останавливало одно, одно давало мне силы жить в этом кошмаре — надежда, что я выйду и расскажу всем о том, что видел и пережил. Я дал себе слово ради этой цели вынести и вытерпеть все. Я обещал это своим товарищам, которые еще на годы оставались за решеткой, за колючей проволокой”.

И он написал свое свидетельство — книгу „Мои показания”, где он рассказал правду о сегодняшних лагерях и тюрьмах для политзаключенных, рассказал тем, кто хотел услышать. Уже ходили по рукам горько-трагические лагерные рассказы В. Шаламова, но еще не разорвался над миром солженицынский

„ГУЛаг” — а здесь было документальное свидетельство не о сталинско-бериевских лагерях, а о хрущевских и брежневских. Последующие же свидетельства вплоть до сегодняшних дней только подтверждали глубину правды, вскрытой Марченко. О его книге Солженицын сказал, что она „даже притерпевшееся сердце лагерника сжимает болью и ужасом”.

В издательстве „Посев” эта книга выдержала два издания — в 1969 и 1973 годах.

Марченко понадобилось больше года, чтобы после безуспешного объезда чуть не половины страны в поисках работы и жилья устроиться, наконец, недалеко от Москвы. Уже в декабре 1967 года ему впервые было предложено уехать из СССР: „Мы вас выпустим в любую страну, в противном случае будем судить, но не за книгу”.

Марченко отказывается выезжать и активно включается в становящееся на ноги демократическое движение. В 1968 г. он пишет открытое письмо А. Чаковскому, в Советский Красный Крест и писателям о положении в советских политлагерях. 26 июля 1968 года появляется его открытое письмо об угрозе вторжения в Чехословакию:

„Беспокоит ли на самом деле наших руководителей то, что происходит в ЧССР? По-моему, не просто беспокоит, но и пугает — но не только потому, что это угроза социалистическому развитию стран Варшавского содружества, а потому, что события в ЧССР могут подорвать авторитет руководителей этих стран и дискредитировать сами принципы и методы руководства, господствующие сейчас в социалистическом лагере...”

В этом письме я хочу не только высказать свое собственное отношение к событиям, отличающееся от „единодушной” поддержки решений Пленума ЦК КПСС. Газетная кампания последней недели вызывает у меня опасения — не является ли она подготовкой к интервенции под любым предлогом, который подвернется или будет создан искусственно”.

Через три дня Марченко был арестован — конечно, не за книгу или письма, а за нарушение паспортного режима и приговорен к одному году заключения. Стоит напомнить, что 22 августа советские войска оккупировали Чехословакию.

За два месяца до окончания срока в 1969 году против Марченко в лагере было возбуждено новое дело по статье 190¹ УК РСФСР. Приговор — 2 года. Эта практика накручивания новых дел до окончания срока недавно была узаконена новым генсеком-либералом.

Освободился Марченко в июле 1970 года и был направлен под надзор в поселок Чуна Иркутской области. К 1972 году ему, наконец, удалось поселиться в Тарусе. Все как-то потихоньку стало налаживаться — семья, быт. Там же, в Тарусе, у них — Анастолія и Ларисы — в феврале 1974 года родился сын. Марченко задумал строить свой дом. Но разве возможно молчать такому человеку, как Марченко. Он подписывает „Московское обращение”, в котором выдвигались требования опубликовать „Архипелаг ГУЛаг”, архивы ЧК—КГБ, оградить Солженицына от нападок и преследований. Он также постоянно выступает в защиту А. Д. Сахарова.

26 февраля 1975 года Марченко вновь был арестован и снова за нарушение правил надзора. Ни на следствии, ни на суде виновным себя не признал и был отправлен в четырехгодичную ссылку в Сибирь. Но и там он вместе с женой Ларисой Богораз, отправившейся за ним в ссылку, не прекратил правозащитной деятельности. Там же написал книгу „От Тарусы до Чуны” (1975 год).

В сентябре 1978 года был освобожден из ссылки и в ноябре поселился в городке Карабаново Владимирской области, где работал оператором газовых котельных. И опять — ох, эта неистребимая российская хозяйственность — строил своими руками домик для семьи. По свидетельству очевидцев, после ареста Марченко в Тарусе снесли его дом. Сейчас там пустое место.

Продолжал Марченко также и свою публицистическую деятельность. Он дал для публикации в историческом сборнике „Память” главы из новой книги „Живи, как все”. Полный текст книги так и затерялся в архивах КГБ. В марте 1980 года он обратился с открытым письмом к академику П. Л. Капице с призывом защитить А. Д. Сахарова от незаконных и незаконных преследований.

После отказа принять требование КГБ (апрель 1980 года) эмигрировать в Израиль, в марте 1981 года был вновь арестован. А 4 сентября 1981 года Владимирский областной суд признал Анатолия Марченко „особо опасным рецидивистом” и приговорил его к 10 годам лагеря особого режима и 5 годам ссылки — фактически смертный приговор. В своем последнем слове он сказал:

.... Да, в шестой раз мне приходится сидеть на этой скамье, но в этот раз я доволен, так как впервые меня судят не по фальшивому обвинению, судят за то, что я действительно сделал. Вон они, на

столе — книги, статьи, публицистические очерки, которые я написал...

Если этот государственный строй считает, что единственный способ опровергнуть таких, как я, это держать их за решеткой, у меня нет тогда возражений. Значит, я буду вечно, до конца дней за решеткой, буду ваш вечный арестант...”

Он должен был освободиться в марте 1996 года — да вышло ему, человеку очень больному, остаться-таки „их” вечным арестантом.

Анатолий Марченко занимает совершенно особое место в том, что теперь принято называть правозащитным движением. И не по количеству написанного, подписанного, проведенного в тюрьмах и лагерях, хотя и по количеству, наверное, будет одним из первых. Да просто, не будь движения, он бы все равно был, таким, каким он остался теперь в памяти страны и в нашей. Во все времена и у всех народов находятся одиночки, которые в какой-то момент озаряются истиной: человек сам должен играть роль в своей, условно говоря, биографии, иначе получается „живи, как все”. Он этого не мог.

Е. А. Брейтбарт-Самсонова

Демонстрация в Риге

Это произошло в ночь с 27 на 28 декабря 1986 года. Все началось с рок-концерта, организованного на одной из центральных площадей города. После концерта толпа молодежи двинулась вдоль по улице Ленина (до советской оккупации — улица Свободы) к высотному отелю „Латвия”, где живут в основном туристы-иностранцы.

Вооруженные мегафонами демонстранты скандировали: „Советы — вон, да здравствует свободная Латвия!” Была вызвана милиция, которая вела себя довольно осторожно, не желая углублять конфликт, но несколько милиейских машин все же было перевернуто. Об арестованных или раненых никаких известий пока нет.

Характерно, что точно так же началась молодежная демонстрация в Ленинграде 4 июля 1978 года (см. „Посев” № 2, 1979). Тогда в газетах было объявлено о совместном выступлении советских и американских артистов, которое отменили в последний момент. Около 10 тысяч человек, собравшихся на площади, начали выражать свое возмущение этим обманом, вскоре переросшее в демонстрацию, разогнанную впоследствии спецчастями милиции.

События в Казахстане

В состав Политбюро ЦК КПСС, сформированного во время XXVII партсъезда, которое должно было демонстрировать завершение перетряски партийной верхушки и образование стабильного руководства, был, среди прочих, переизбран и первый секретарь ЦК КП Казахстана Динмухамед Кунаев. Выдвигенец Брежнева, академик, трижды Герой соц. труда, президент республиканской Академии наук в 1952—55 годах, председатель Совета министров КазССР в 1955—60 и 1962—64 годах, первый секретарь ЦК КП Казахстана в 1960—62 и с 1964 по сей год, он входил в состав кандидатов с 1966, а членов Политбюро ЦК КПСС с 1971 года.

Еще недавно состоялась сессия Верховного совета КазССР (2—3 декабря), и „в работе сессии принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев” („Правда” 3.12). Но уже в поездке председателя Совета министров СССР Рыжкова в Гурьевскую область Казахстана (8—9 декабря) его сопровождают председатель Совета министров КазССР Назарбаев, второй секретарь ЦК КП Казахстана Мирошхин, а „хозяин” республики Кунаев отсутствует („Правда” 10.12). Затем, 16 декабря в Алма-Ате „состоялся пленум ЦК Компартии Казахстана, рассмотревший организационный вопрос. Пленум освободил Д. А. Кунаева от обязанностей первого секретаря ЦК компартии республики в связи с уходом на пенсию. Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана избран Г. В. Колбин, член ЦК КПСС, работавший первым секретарем Ульяновского обкома партии” („Правда” 17.12).

В начале января нового года Кунаеву исполнялось 75 лет, и было бы чего проще отпустить его на пенсию, со всякими благодарностями. Но вот собирается пленум республиканского ЦК, посвященный лишь одному организационному вопросу, и долголетнего вожака, члена Политбюро ЦК КПСС, вышвыривают без каких-либо наград и почестей. Это должно демонстрировать решимость верхов, но это же демонстрирует и нестабильность партийной верхушки всего через 9 месяцев после ее формирования.

Первым секретарем ЦК КП Казахстана „избран” привезенный Геннадий Колбин — первый секретарь Ульяновского обкома, а до того — второй секретарь ЦК КП Грузии

(т. е. наместник-контролер от ЦК КПСС). Почему-то надо было привозить „варгга” с русской фамилией, когда в Бюро республиканского ЦК было достаточно казахов (при втором секретаре Мирошхине). Может быть, новый хозяин КПСС решил напомнить, что в союзной республике Казахстане сами казахи составляют меньшинство населения (36%, русских 40%, украинцев 6%).

Как бы то ни было, но это, видимо, послужило поводом к необычно широкому выражению недовольства положением в республике. И столь же необычна была реакция центральных властей и средств массовой информации. Московское радио 18 декабря, а центральная пресса 19 декабря опубликовали сообщение ТАСС от 18 декабря следующего содержания:

„Вчера вечером и сегодня днем в Алма-Ате группа учащейся молодежи, подстрекаемая националистическими элементами, вышла на улицы, высказывая неодобрение решения состоявшегося на днях пленума ЦК Компартии Казахстана. Сложившейся ситуацией воспользовались хулиганствующие, паразитические и другие антиобщественные лица, допустив противоправные действия в отношении представителей правопорядка, а также учинив поджоги продовольственного магазина, личных автомобилей, оскорбительные действия против граждан города.

Прошедшие собрания на заводах, фабриках, в вузах, в других трудовых коллективах, а также партийные и комсомольские активы города и районов, одобряя решения пленума ЦК КП Казахстана, осудили ничем не обоснованные действия группы учащихся и высказались за принятие решительных мер к хулиганам и восстановление полного порядка в городе. Принимаемые действия в этом направлении поддерживаются трудящимися. Они активно участвуют в мероприятиях, проводимых советскими и партийными органами. Все предприятия, учреждения, учебные заведения, магазины, служба быта, городской транспорт работают нормально”.

Настырные журналисты, однако, тоже необычными для советского порядка способами, сумели выяснить некоторые немаловажные подробности. Так, корреспондент французского информационного агентства АФП позвонил по телефону в редакцию „Казахстанской правды”, где его соединили с ведущим отделом писем, и тот сообщил, что были ранены и убиты, студенты выразили недовольство учебными планами, к учащимся присоединились молодые рабочие, выдвигались требования... В той же

„Казахстанской правде” 20 декабря появилось сообщение о том, что президиум Верховного совета Каз ССР занялся проблемами народного образования и наметил необходимые реформы.

Уже 18 декабря в Алма-Ату прилетел член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля Соломенцев и на следующий же день выступил перед собранием партийно-хозяйственного актива города, где в первую очередь обсуждались вопросы „улучшения условий труда и быта трудящихся”.

20 декабря Соломенцев с Колбиным побывали на колхозном рынке, в магазинах, встречались с профессорами и студентами в университете, всюду „выясняли обстановку”, „намечали мероприятия”, давали советы и руководящие указания.

21 декабря они приняли участие в расширенном заседании Совета министров республики, где рассматривался вопрос о программе социально-экономического развития, об „устранении имеющихся недостатков” в этом развитии.

22 декабря в ЦК Комсомола они провели беседу с комсомольским активом Алма-Аты, вели разговор о коммунистическом воспитании молодежи, нажимая на „интернациональное и идейно-нравственное воспитание”.

23 декабря состоялось заседание бюро ЦК КП Казахстана с участием первых секретарей обкомов и ответственных работников аппарата ЦК. В присутствии Соломенцева Колбин инструктировал вверенный ему руководящий состав компартии республики о „неотложных мерах”, которые нужно принимать, учитывая „имевшие место нездоровые проявления 17—18 декабря”.

В последующие дни при ЦК КП Казахстана был создан особый Совет по борьбе с преступностью, алкоголизмом, наркоманией и нетрудовыми доходами. На первом же его заседании в реестр „негативных явлений” были внесены еще протекционизм, кумовство, взяточничество, злоупотребление служебным положением.

Не впервые компартия Казахстана возглавляется неказахами: были там Пономаренко, Брежнев, Беляев. И замена Кунаева Колбиным стала лишь предлогом для прорыва широкого недовольства общей политикой КПСС, включая новое руководство с его обещаниями и нажимом.

Пока еще нет точных данных о том, какие размеры приняла на самом деле демонстрация протеста в Алма-Ате, были ли беспорядки в других местах, а также — какие части были брошены на подавление волнений. Известно пока только, что среди демонстрантов было убито примерно 20 человек, а на стороне органов „порядка” — семь, раненых было 200, а арестованных свыше 1000 человек. Для оценки общего положения в республике следует отметить, что Соломенцев выступил с резкой критикой пограничных войск.

Остается пока открытым вопрос, какими мерами власть собирается „улучшать” положение в республике, в частности, национальную проблему, принявшую столь острые формы исключительно благодаря нелепой национальной политике власти. Стоит вспомнить, что в период освоения целины ходили слухи о возможном присоединении северной части Казахстана, плотно населенной русскими, к РСФСР.

Антиядерный форум

Международный форум „За безъядерный мир, за выживание человечества” был проведен 14—16 февраля в Москве по инициативе и приглашениям советских устроителей. Приглашено было около 1600 видных личностей по различным областям человеческой деятельности; прибыло из 80 стран около 900, к ним добавились 350 советских представителей.

Из советских активных участников — академик Е. Велихов, физик, профессор Е. Чазов (сопредседатель организации „Врачи мира за предотвращение ядерной войны”), историк Д. Лихачев, писатель Чингиз Айтматов, митрополит Питирим. Приглашен и выступал академик А. Д. Сахаров, и его выступление даже кратко приведено в советской прессе.

Участники форума были распределены по „круглым столам” (секциям), которые заседали в разных местах столицы. Таких секций было семь: политики, ученые, врачи, экологи, деловые круги, деятели культуры, религиозные круги. Общая тема форума обсуждалась с разных позиций.

В последний день руководители секций выступили с короткими отчетами, изложенными в обтекаемых формулировках. Из них

не видно, как протекали дискуссии на заседаниях секций, а журналисты туда не были допущены. Всё же из скудных корреспонденций „Правды”, общего характера, можно было заметить, что не всё там идет гладко. Так, в сообщении о работе „круглого стола” ученых заключительные строки говорят о том, что „по вопросу о контроле за проведением ядерных взрывов разногласия сохраняются”.

Касательно выступления Сахарова в той же секции сказано, что он „отметил несостоятельность позиции сторонников СОИ. Он также отметил, что неправильным является утверждение, что наличие программы СОИ побудило СССР к переговорам о разоружении. Программа СОИ мешает переговорам. Ученый предложил также свой вариант решения вопроса о 50-процентных сокращениях ядерных вооружений”. В действительности, как стало известным из иностранных кругов, он критиковал как американский, так и советский проект стратегической обороны, разработанный задолго до первого, критиковал также советское требование к США отказаться от разработки СОИ как условие для переговоров. И он требовал освобожде-

ния всех узников совести, требовал свободы слова в СССР, свободы передвижения и выбора местожительства.

В заключение перед форумом выступил Горбачев. Он призывал создать всеобъемлющую систему международной безопасности, основанную на договорах. А уже подсчитано, что СССР заключил и нарушил около двадцати договоров о ненападении, неприменении силы и т. п.

И такие форумы в защиту мира СССР устраивал в разных местах на протяжении тридцатых годов, а в 1939 году побратался с Гитлером и приступил к агрессиям против всех своих европейских лимитрофов. И теперь СССР — единственная держава, воюющая на истребление непокорного народа.

В своей речи Горбачев сказал, между прочим, что его внешняя политика определяется политикой внутренней: для перестройки нужен мир, нужно доверие. Видимо, и форум — для ловли доверчивых людей. Однако большого впечатления на мировую общественность он не произвел.

А. К.

Народная беда и общественность

Фонд помощи пострадавшим от Чернобыльской катастрофы в конце апреля 1986 года был создан лишь несколько недель спустя — в мае 1986 года. Как бы первой заявкой был концерт рок-музыки с участием Аллы Пугачевой 30 мая в Лужниках, выручка от которого была переведена в Фонд. В газетах потом появлялись сведения о дальнейших мероприятиях. Устраивались субботники, поступали добровольные взносы с зарплат, гонораров, жертвовали колхозы, пенсионеры. Писатели устраивали вечера, передавая выручку в Фонд. Святослав Рихтер, выехав в августе в концертное турне по восточной части страны, выручку с концерта в Горьком предоставил как добровольный взнос в Фонд помощи.

Жертвовала Православная Церковь, но сведения об этом в прессу, как правило, не попадают. Заслуга спецкорра „Литературной газеты” Ю. Щербака, — что он прорвал эту засекреченность. В статье „Без домислов и недомолвок” („Литературная газета” от 23 июля 1986 г.) он писал о своей встрече с

митрополитом Киевским и Галицким Филаретом. На вопрос, „как реагировала русская православная церковь на чернобыльскую аварию”, митрополит ему ответил:

„...Церковь не отделяется от народа, а считает, что это ее печаль, ее скорбь. Вместе с тем мы считаем, что следует не только терпеть это бедствие, но и поднимать дух народа. Потому что дух может побеждать многое. И наоборот — уныние отражается на состоянии здоровья человека. Вкладом русской православной церкви является также и то, что священники жертвуют денежные суммы в фонд помощи пострадавшим от аварии. Значительную сумму, в частности, перечислило киевское епархиальное управление”.

На статье Щербака надо остановиться, так как в ней с необычной остротой переданы настроения молодежи, привезенной со всех концов страны для очистки „площадки реактора”. Щербак встретил их в районе, „непосредственно примыкающих к 30-километровой зоне”, и там окупился „в жаркую круговерть дел и забот тех, кто борется с авари-

ей". С возмущением и обидой эта молодежь требует иного отношения даже не столько к себе, как к выполняющим подчас на самом деле героическую работу, сколько к общей беде, постигшей страну. Щербак пишет, как ребята:

„...со страстью и бескомпромиссностью молодости говорят о том, что закончился первый период борьбы с аварией, когда не до бытовых мелочей было, а сейчас началась обычная плановая работа... и все мои собеседники, не сговариваясь, требуют одного — гласности... Пора наконец, говорят они, решительно изменить тон многих газетных и телевизионных сообщений, перестать петь на одной — порою восторженно-героической, порою славашовой — ноте”.

Один из его собеседников, голос которого срывался „от гнева и обиды”, вспоминал

„о не привезенных вовремя газетах, не полученных журналах, о неприехавших артистах — кружок где-то по отдаленным районам, никак не могут заглянуть сюда, на передний край...”

Подытоживая свои впечатления от этих встреч, Щербак пишет: „Не должно быть зон, выводимых из-под критики”, надо говорить и „про бани”, которых не хватает, и „о нехватке кинопередвижек”, но надо говорить и о:

„...нечастых встречах с руководителями высшего ранга, разгильдяйстве и расхлябанности отдельных должностных лиц, желающих свою нерадивость списать под шумок — обо всем этом уже пришло время говорить в полный голос”.

И, ставя вопрос об ответственности, в частности, за чернобыльский Фонд, Щербак делает вывод, что без включения общественности не изменить ни отношения к всенародной беде, ни положения:

„Пришло, очевидно, время обнародовать информацию о том, кто, где и по-хозяйски ли распоряжается огромными денежными суммами, собранными по всей стране в помощь пострадавшим от аварии. Вероятно, следует создать для этого общественную организацию или комиссию, куда войдут известные в стране, уважаемые люди, которые бы несли личную ответственность за распределение средств и гласно отчитывались бы перед теми, кто вносил свои трудовые рубли в этот фонд”.

Всказанное в полный голос недоверие к властвующему аппарату внесло, видимо, переполох в его устойчивые ряды. Не сразу и далеко не полный, но „отчет” все же был опубликован в прессе 1 сентября 1986 года

ЗАЯВЛЕНИЕ

ПРОШУ ПРИНЯТЬ ДОБРОВОЛЬНЫЙ ВЗНОС В ФОНД ПОМОЩИ В СВЯЗИ
С АВАРИЕЙ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС от _____
(фамилия, имя, отчество)

_____

проживающего (ей) по адресу _____
(полностью адрес)

или коллектива (группы) работников _____
(наименование предприятия, организации)

в сумме _____ рублей
(цифрами и прописью)

_____

(указывается наличными деньгами, облигациями)

_____ 19__ г.

_____

(подпись вносителя)

Тит. Госбанка 06 г. Заг. 0007

— первый за время существования Фонда. В „Правде” под заголовком „В Госбанк СССР, на счет № 904” был опубликован сжатый ответ В. Деменцева, председателя правления Госбанка. В нем показано движение поступающих сумм, отдельные виды пожертвованных — должествующие показать народный отклик на „призыв партии”. Указана общая сумма поступлений — „488,7 миллиона рублей, кроме того поступления в иностранной валюте — 1.356 тысяч инвалютных рублей” (включены ли в последнюю сумму 500 тысяч долларов, пожертвованных частным лицом в Англии, о чем в английском издании журнала „Московские новости” сообщил директор Внешторгбанка, — неизвестно). Сообщается, что изготовлено „памятное свидетельство”, которое отныне, вместе с квитанцией, будет вручаться жертвователям.

Средства предназначены, согласно отчету Деменцева, „пострадавшим в Киевской и Гомельской областях”, а о том, как они расходовались, дано было сообщить в том же выпуске „Правды” председателям Гомельского и Киевского облисполкомов, вероятно, как представителям общественности.

18 сентября в прессе появилось сообщение ТАСС о том, что взносы достигли 500 миллионов рублей. С тех пор прошло полгода, но дальнейших отчетов о поступлениях в Фонд и об их использовании — нет.

Заметим, что ни в одном из отчетов не было ни слова об особой заботе, оказанной эвакуированным детям (о которых с такой болью пишет Щербак), ни о помощи пострадавшим от радиации, ставшим в результате полученных травм нетрудоспособными или об-

реченными на медленное умирание, — а у многих из них есть семьи, дети...

Осталось неразрешенным и главное требование Щербака — допустить полноправное участие в распределении и отчетности средств Фонда представителей общественности, авторитет которых признан ею, а не отстранен партией. Можно быть уверенным, что отразил Щербак не только свое личное мнение, а также настроения и беспокойство, существующие сегодня в рядах общественности, исторической наследницы общественных сил, помогавших не раз стране и народу в годину несчастий и бед. Вспомним хотя бы, как во время страшного голода в Поволжье в 1891—92 годах Л. Толстой поднял общественность на помощь пострадавшим и умирающим крестьянам. И российское правительство приняло эту помощь. Правда, как раз эту помощь тогда резко критиковал Плеханов, считая, по-марксистски, что ухудшение положения крестьян выгодно пролетарской революции — обострение социальных противоречий капитализма ускорит ее наступление.

Однако косвенный ответ на современные требования общественности все же был дан в упомянутом выше сообщении ТАСС. Цитируя сообщение Деменцева о взносах в

Фонд, ТАСС подытоживает: „Нет сегодня такой пережившей беду семьи, о которой не побеспокоилось бы наше государство“ (выделено нами). Тем самым дальнейшее участие общественности в облегчении народной беды — исключается. Тут ничего нового нет — подтверждается лишь позиция власти: частная и общественная благотворительность, включая и церковную, запрещены, поскольку государство само заботится о благосостоянии своих подданных. По логике этой позиции преследовались помогающие крестьянам, умирающим миллионами от голода во время коллективизации. По той же логике не дается право на создание добровольных обществ взаимопомощи или помощи обездоленным — будь то заключенные, наркоманы или алкоголики... Цепкой хваткой держится система за принципы, отделяющие интересы власти от стремлений крепнущего общества. К добру такое упорство не приведет, а лишь к развалу государства или к стихийному взрыву.

В современной обстановке такая позиция еще аморальнее, чем идеологический фанатизм Плеханова, представлявшего тогда не власть, а лишь небольшую группу марксистов.

Л. Сергеева

Экономические новости

● В 1985 году СССР купил у Европейского экономического сообщества (ЕЭС) 200 000 тонн сливочного масла. Цена, по которой ЕЭС продало масло, была настолько низкой, что убыток Сообщества составил 200 миллионов долларов. Сделкой Внешторг остался доволен, оно и понятно. Более, казалось бы, удивительно, что и ЕЭС в восторге... Дело в том, что если СССР хронически страдает от недостатка продовольствия, то Западная Европа страдает от его избытка. Не так давно один из авторов американского журнала „Ньюсвик“ вычислил, что из зерновых излишков стран ЕЭС можно построить семь пирамид Хеопса; в излишках вина может легко развернуться океанский лайнер, а из излишков сливочного масла можно соорудить несколько небоскребов. Хранение продуктов сельскохозяйственного производства стоит ЕЭС очень дорого — до 5 миллионов долларов в день. Поэтому ЕЭС с удовольствием встретила советское предложение ку-

пить у него в нынешнем году 400 тысяч тонн сливочного масла. Для России, бывшей до революции экспортером своих сельскохозяйственных излишков, это позор; для СССР и советского руководства — печальная, но уже привычная необходимость. Но весьма возможно, что на Западе многие сельскохозяйственные экспортеры уже задают себе вопрос: а если Горбачев и уже с ним разрешат существование в СССР мелкой и средней частной собственности? На этот вопрос нет пока однозначного ответа, но ясно, что только существование частного сектора может решить продовольственный вопрос в СССР.

● Дефицит торгового баланса СССР в торговле с западными странами составил в 1986 году 5 миллиардов долларов. При общем объеме торговли в 40 млрд. долларов это весьма значительный дефицит. Его главные две причины — падение цен на нефть на мировом рынке и падение курса доллара.

По сравнению с концом 1985 года, цена на нефть упала почти в два раза, доллар — на 25%. Значительная часть советского промышленного импорта оплачивается марками ФРГ или японскими иенами, в то время как валюту за нефть СССР получает в основном в долларах. По расчетам западных специалистов, „недобор” твердой валюты в 1986 году составил 8-9 млрд. долларов. В результате Советскому Союзу пришлось резко, примерно на одну треть, сократить закупки западного промышленного оборудования.

● После двухлетнего снижения нефтедобычи в 1986 г. она повысилась примерно на 15 млн. тонн и достигла рубежа 610 млн. тонн. Капиталовложения в нефтяную промышленность непрерывно растут, нефтяники лихорадочно стремятся достичь намеченных партий 630—640 млн. тонн к 1990 году. Однако в газетах множатся свидетельства тому, какую дорогую цену платит страна за конквистадорскую политику „покорителей сибирского Севера”. Разрушается оленеводство, рыболовство, вообще приходят в негодность тундра и тайга Западной Сибири. Экономисты подсчитали, что общие потери выше, чем выгода от продажи сырой нефти. Но руководству в Кремле очень нужна твердая валюта...

● Американское правительство сняло ограничения на продажу Советскому Союзу современного оборудования для добычи нефти и газа. Эти ограничения были введены при президенте Картере в знак протеста против расправы советских властей с правозащитной Хельсинкской группой. По мнению руководителей министерства торговли США, эти ограничения не сыграли своей роли, так как европейские союзники США и Япония продают СССР аналогичное оборудование без всяких ограничений. За истекшие 8 лет доля США в торговле нефтегазовым и бурильным оборудованием с коммунистическими странами упала с 25 до 2%. Американское оборудование позволит Советскому Союзу снизить себестоимость добычи нефти и газа, особенно в северных районах и морских шельфах.

● Советско-американская торговля переживает упадок. Если в 1979 г. американский экспорт в Советский Союз составлял более 3,5 млрд. долларов, то в 1986 г. он упал до 2,5 млрд. Советский экспорт в США спустил-

ся с 300 млн. долларов до 200 млн. Более 80% американского экспорта в СССР — это сельскохозяйственные продукты, в первую очередь зерно. Сейчас советские закупочные организации, не только из экономических, но и из политических соображений, стараются побольше зерна закупить в других странах — Канаде, Аргентине, Австралии, даже Франции. Советскому же Внешторгу практически просто нечем торговать в Соединенных Штатах. Качество советских промышленных изделий гораздо ниже требований американского рынка. Торгуют преимущественно „гастрономическим” товаром — водка, шампанское, икра, лососевые. Так сказать, во исполнение заветов пролетарского поэта Маяковского: „Ешь ананасы, рябчиков жуй...”. Ну, а что же остается советским людям?

● На пресс-конференции, состоявшейся 18 декабря в помещении британского посольства в Москве, министр энергетики Великобритании Питер Уолкер сообщил, что советское правительство приняло решение не строить в дальнейшем атомные реакторы того типа, который применялся в Чернобыльской АЭС. Отыгн в Советском Союзе будут строиться только такие реакторы, в которых переносчиком тепла и замедлителем нейтронов служит вода, а не графит. Именно такого типа атомные реакторы применялись во всех промышленных странах Запада. Уже имеющиеся реакторы „чернобыльского типа” будут переоборудованы, на них будет установлена независимая от операторов автоматическая система отключения при аварийном режиме. Эти сообщения П. Уолкера не были подтверждены советской прессой. Советский Союз, по слухам, ведет переговоры о закупке западногерманских систем защиты АЭС, общая сумма сделки должна составить 5 млрд. марок ФРГ.

● В статистическом сборнике „Народное хозяйство СССР в 1986 году” впервые опубликованы данные валового сбора зерна за период 1981—85 гг. Интересно, что эти данные с точностью до 1 млн. тонн (0,5%) каждый год указывались министерством сельского хозяйства США. Среднегодовой сбор зерна в последней пятилетке (1981—85 гг.) на 25 млн. тонн меньше, чем в предыдущей. А сколько собранного зерна сгнило по элеваторам и зернохранилищам страны, не может точно указать даже министерство сельского хозяйства США.

● Согласно советским официальным источникам, вклады в сберкассы в целом по стране составляют 260 миллиардов рублей. Анализ данных, опубликованных в последние годы в советских газетах, привел западных специалистов к выводу, что половина сбережений, то есть 130 миллиардов рублей, приходится на 8 миллионов человек (3% населения страны). Это означает, что накопления человека, входящего в привилегированные 3% населения, в 30 раз (!) больше, чем накопления рядового жителя. Такое резкое имущественное неравенство характерно лишь для самых бедных стран мира, типа Индии или Бразилии.

● В 1986 г. Советский Союз поставил Никарагуа вооружений на сумму в 650 млн. долларов. А за весь период правления санднистской хунты, с 1979 года, советская военная помощь Никарагуа составила 2 млрд. долларов.

Нам рассказывают...

Под этим заголовком мы периодически публикуем высказывания наших соотечественников, временно находящихся за рубежом, или только что выехавших эмигрантов, а также отрывки из писем, переданных в редакцию. Мы сохраняем стиль этих писем и высказываний. Основная цель — передать обстановку, полную слухов, предположений, противоречивых мнений, сообщить читателю факты, характеризующие жизнь в нашей стране.

...Наша теперешняя перестройка отличается от виденной мною оттепели тем, что сейчас отсутствует политическая окраска. Тем, что народ молчит. Оттепель шла ведь и снизу, а „перестройка” — только сверху. Иногда, грешным делом, даже жалко Горбачева становится. Но нужно помнить, что и оттепель, и заморозки, и теперешняя перестройка — все на протяжении одной человеческой жизни, а человек может и устать от этих перестроек и разувериться в них”.

*

...Трудно сказать, коснется ли амнистия осужденных по ст. 190^{1,2,3} и „религиозников” (ст. 227 УК РСФСР), а также находящихся в спецназ на принудительном лечении — их-то сколько! В. Гершуни отметили второй диагноз, по которому он признан душевнобольным, но неизвестно, когда будет комиссия — лишь говорят, говорят. То же самое и о Валерии Тюричеве. Как будто и нет его вовсе, одни лишь обещания. Да, от всех освобожденных потребовали

письменного заверения в своей лояльности, по крайней мере во всех известных мне случаях, но формулировку каждый писал свою, вплоть до „филькиной грамоты”, и „начальство” как будто и не очень-то заинтересовано, что они там напишут — лишь бы написали. И тем не менее сколько осталось людей в лагерях по той же 190 и 227 ст. ст., чьи имена никому не известны и кто также неповинен ни в каких таких сляких преступлениях... А ведь скоро 1000-летие Крещения Руси, а эта злополучная 227 статья продолжает существовать.

Прим.: Статья 227 УК РСФСР: Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. — Р е д.

*

Когда Щербицкий после Чернобыльской катастрофы звонил в Москву и просил отменить первомайскую демонстрацию в Киеве, ему приказали „не создавать паники”. На демонстрацию пошли как всегда молодые: рабочие, студенты, школьники. С утра и, по крайней мере, до обеда люди провели на воздухе. В это время радиация в воздухе была до трех рентген в час (допустимой дозой считают до 500 миллирентген в год). А к 4–5 мая, когда ветер повернул совсем, радиацию понесло на юго-восток и доза возросла. Тогда было до 5 рентген в воздухе в час. В это время люди еще купались в Днепре, удли рыбу...

Некоторые люди начали покидать Киев уже 30-го апреля. Но 4–6 мая началась настоящая паника. Были даны дополнительные поезда. До 6-го числа женщинам разрешили брать отпуск за свой счет и увести детей. Шестого эта возможность была закрыта. Вокзал в Киеве был совершенно забит людьми. Ночь напролет стояли за билетами.

Урожай зерновых был отравлен. Но, несмотря на советы ученых, ликвидирован не был, просто зараженное зерно перемешали с нормальным. Никто, в конце концов, не знает, куда пошло радиоактивное зерно. Газеты, естественно, об этом не говорят. Позже были выданы рекомендации в разных, не в последнюю очередь партийных учреждениях: срезать с хлеба корку толщиной в полтора сантиметра. О мясе: если мясо не кормили радиоактивным кормом, то съест можно употребить в пищу без опасений. Поди же, спроси свинью, чем ее кормили!

*

Людям надо дать инициативу, свободу, и они сами прекратят пить. Много пьющих среди людей искусства, но если бы им разрешили свободу творчества, свободу передвижения, то 90% из них забросили бы пьянку. Молодежь пьет, так как не видит перед собой никаких перспектив: ни в продвижении по службе, ни в получении квартир. Многие женятся, ища в семейном очаге какую-то защиту от окружающего их безобразия жизни, но через год разводятся, так как это безобразие делает их семейную жизнь невыносимой...

Афганской войне – семь лет

27 декабря исполнилось семь лет со дня вторжения наших войск в Афганистан. Но уже во время Апрельского коммунистического переворота 1978 года погибли первые десятки советских военнослужащих. А сколько наших солдат и офицеров, технического и медицинского персонала погибло или стало инвалидами еще до вторжения, когда силы сопротивления громили в гражданской войне войска коммунистического афганского режима, не раз осаждали Кабул и готовились к решающему штурму? Сколько наша страна потеряла людей за годы после вторжения: убитыми, ранеными, пленными, от желтухи? Списки есть только у советского руководства, и оно хранит тайну от народа. Мы только знаем, что в этих списках, все увеличивающихся, десятки тысяч фамилий. И знаем, что большинство погибли не столько из-за умения афганских партизан воевать, сколько из-за бездарности и безответственности собственного командования, бросавшего первые три-четыре года войны громоздкие воинские формирования в горы без достаточного прикрытия с воздуха, не обеспечившего войскам надежного тыла, не снабдившего их необходимым обмундированием, лекарствами, питанием и так далее. Оно скопировало и начало применять в Афганистане американскую тактику во Вьетнаме только тогда, когда афганские партизаны, накопив огромный опыт войны, стали получать и умело использовать современное западное зенитное, противотанковое и иное вооружение.

В бездарности командования повинно прежде всего советское руководство, отбравшее еще во время нашей гражданской войны у офицера право на инициативу (человек, командующий вооруженными гражданами, потенциально опасен тоталитаризму).

И советское руководство не сумело в Афганистане в конце 70-х годов (при Дауде) и дальше пользоваться дружественным ему Афганистаном в своих целях и удержать созданные в СССР военные и административные афганские кадры. Вместо этого, оно пошло им, жаждающим власти, навстречу и помогло организовать и провести переворот 1978 года, создать единую компартию (до сих пор разделенная на враждующие „Халк” и „Парчам”) и обеспечить, раз уж переворот про-

изошел, новому режиму стабильность, заставить его вести умеренную политику по отношению к населению и укрепить афганскую правительственную армию.

Советскому руководству понадобились интервенция, семь лет войны, уничтожение более миллиона афганцев, гибель нескольких наших дивизий (по численности потерь), чтобы наконец понять необходимость проведения реформ, заговорить о создании афганского „коалиционного” правительства и призвать людей, чьи семьи, дома, поля, кишлаки были уничтожены, пойти на компромисс. Даже если призыв был бы искренним, он мог бы найти отклика у афганского сопротивления, у сотен тысяч его бойцов.

Война будет продолжаться.

Вероятно, долго еще будет матери получать из Афганистана похоронки, не понимая, за что же погиб сын. В первые годы войны советское руководство говорило об „интернациональном долге”, затем прибавило „прочную безопасность наших южных границ”, а теперь представляет войну как „патриотическую” и все чаще осмеивается сравнивать ее с Великой Отечественной.

Но с каждым годом миллионы советских граждан приходят к выводу, что Афганская война — война захватническая и невыгодная во всех отношениях: она стоит крови и денег, приносит нашей армии славу палача, но не дает нашей стране ни стратегических, ни политических, ни экономических преимуществ, способных хоть частично оправдать интервенцию. Она была в основном вызвана страхом советского руководства перед назревающим в 1979 году фактом: страна, граничащая с СССР и вступившая „на путь социализма”, готова в ходе гражданской войны отказаться от социализма и продолжить самостоятельный путь развития. Не этого ли боялись советские руководители, наблюдая за немецкими событиями 1953 года, венгерскими 1956-го, чехословацкими 1968-го?

Правду об Афганской войне несут в нашу страну прежде всего демобилизованные, и им с первых дней войны стала помогать политическая оппозиция. Народно-Трудовой Союз (НТС) сразу осудил интервенцию и как российская политическая организация не мог не желать афганскому народу обретения своей независимости. В своем стремле-

нии помочь своей стране и Афганистану НТС с первых дней войны взял на вооружение принцип, согласно которому советский военнослужащий срочной службы, посланный уничтожать афганскую независимость, есть жертва войны и потенциальный союзник этой независимости, что только он, поддерживаемый советским и афганским гражданским обществом, способен заставить власть отказаться от захвата Афганистана. Кроме того, НТС считал своим долгом делать все, что в его силах, для спасения советских военнопленных и перебежчиков, неофициально объявленных властью „предателями“. За годы войны НТС удалось распространить в Афганистане и СССР около двух миллионов листовок, брошюр и других изданий, рассказывающих правду о войне, о политике советского руководства, о возможностях успешной борьбы с ним за наши права. Но НТС не удалось, по не зависящим от него причинам, ни создать радиоточки на афганской территории, ни внушить афганскому сопротивлению, что сохранение жизни всем советским военнопленным (хотя и трудная в партизанских условиях задача) — необходимый фактор, без которого не может осуществиться победа.

В самом начале войны НТС заявил, что, пока советским военнопленным и перебеж-

чикам не будут практически гарантированы жизнь и безопасность с последующим свободным выбором страны проживания, он будет категорически против призыва советских военнослужащих сдаваться в плен или переходить на сторону афганского сопротивления.

Увы, положение с тех пор не изменилось. Были спасены несколько человек, некоторые из них вернулись в СССР, некоторые пожелали остаться на Западе. Созданному в 1986 году по инициативе НТС Комитету спасения советских пленных в Афганистане удалось с помощью канадских властей, русских и украинских религиозных организаций в Канаде спасти еще пятерых бывших советских солдат. Но в Афганистане их остались сотни.

Между тем война вступила в свой восьмой год, преступление против советского и афганского народов продолжается, и актуальным остается заявление Исполнительного Бюро Совета НТС от 18 января 1980 года, в котором, в частности, утверждается: „Для того, чтобы предотвратить катастрофу, сохранить нашу государственность, защитить наше место в мире, — надо вовремя пресечь преступную в отношении интересов страны и народа политику“.

В. Надежди

Афганская хроника

- Подтвердилась информация о получении афганским сопротивлением зенитных ракет американского и английского производства. Американская ракета „Стинджер“ весит около 15 кг, дальность ее действия 5 километров, и она обладает инфракрасной боеголовкой автоматического наведения. Английская „Блоупайп“ управляется с земли радиосигналами с помощью портативного пускового устройства. Ныне над кабульским аэродромом круглосуточно барражируют советские самолеты, дающие каждые пять секунд залпы тепловых трассирующих ракет для того, чтобы создать ложные тепловые цели для зенитных ракет партизан.
- В течение ноября партизаны сбили 17 советских вертолетов.
- Во время вывода 6 советских полков один из них попал в засаду у Салангского перевала и потерял убитыми и ранеными около 50 человек.

- Незадолго до вывода шести советских полков из Афганистана в эту страну было введено дополнительно 15 000 советских военнослужащих.
- В 1985 году советские и афганские правительственные войска около 200 раз переходили пакистанскую границу и нарушали воздушное пространство этой страны. В 1986 году — более 600 раз.
- Партизаны и подпольщики продолжают подвергать гранатометному и ракетному огню кабульский микрорайон, где живут работающие в афганской столице советские граждане, район Даруламан, где сосредоточены министерства и другие государственные учреждения, и Тепе-Тадж-Бег, где расположен штаб 40-й советской армии. В ответ советская артиллерия, в том числе ракетная, подвергла длительным обстрелам партизанские базы, находящиеся в горах на севере от столицы.

● Советские войска, расположенные на советской территории и принимающие участие в военных действиях на афганской территории, насчитывают около 50 000 человек.

● По неполному подсчету в 1985 году от бомбежек в Афганистане погибло около 37 тысяч человек. В 1986 году — немногим более 13 тысяч.

● Количество афганских беженцев в Пакистане и Иране составляет в настоящее время 5 миллионов человек, то есть треть населения Афганистана.

● Алла Уддин, бывший офицер афганской правительственной армии, заявил, что в последнее время советское командование сконцентрировало большие силы вдоль афганско-иранской границы (в провинции Герат). Вдоль границы рассредоточены в настоящее время 50 000 советских солдат и офицеров, 4 000 танков и 400 самолетов и вертолетов.

● Афганских детей продолжают отправлять в СССР на "перевоспитание". Наиболее распространенным методом комплектования детских транспортов из Афганистана в СССР стал "набор" в больницах и госпиталях, находящихся под советским контролем. После очередной операции советских войск, а особенно после массированных налетов советских ВВС на афганские населенные пункты, больницы наполняются ранеными, среди которых немало детей и подростков. После выздоровления их забирают спецчасти афганской милиции и доставляют на сборные пункты, а оттуда их отправляют в СССР.

● С июля 1980 по декабрь 1984 года для военной учебы и спецподготовки из Афганистана в СССР было командировано: 440 армейских офицеров действительной службы афганской правительственной армии, около 7 000 офицеров запаса, 1080 офицеров милиции, 300 сотрудников из спецотделов уголовного розыска, занимающихся антипартизанской борьбой; последних из СССР затем отправили в ГДР, где они изучали новейшие методы допросов и пыток (спецслужбы ГДР слынут большими мастерами в этом деле). За эти же годы в СССР побывало 2332 студента, 1238 представителей племен и нацменьшинств Афганистана, а также большое количество мулл и улемов.

● Швейцарский врач Михаэль Мюллер, побывавший в Афганистане, заявил в Берне, что он лично наблюдал использование советскими войсками отравляющих газов: „Мы сделали чудовищное открытие в маленькой деревушке провинции Бамиан. За день до нашего прихода здесь были брошены гранаты с отравляющими веществами. Многие, надыхавшись этим газом, умерли. Нам удалось спасти двух взрослых и трех детей”.

● В конце января в Пакистане находился с пятидневным официальным визитом первый заместитель министра иностранных дел СССР А. Ковалев. Отбывая в Москву, он заявил, что переговоры о сроках вывода советских войск из Афганистана, которые он вел с премьер-министром и с президентом Пакистана, были „деловыми и результативными”. Со своей стороны, представитель министерства иностранных дел Пакистана сказал: „Советский Союз не дал никаких признаков нового подхода к вопросу о сроках вывода советских войск из Афганистана”. Как известно, пакистанские руководители считают, что Советской армии нужно для эвакуации столько же времени, сколько ей понадобилось для вторжения. Советские же руководители говорят, что для эвакуации своих войск им необходимо минимум 4 года.

● Согласно последним данным государственного департамента США, потери советских войск в живой силе за прошлый год составили более 3 000 человек, общее же число потерь, начиная с 1979 года, возросло до 35 тысяч человек. За годы войны Афганское сопротивление потеряло убитыми и ранеными около 200 тысяч человек.

● Достижение гласности — газета „Молодь Украины” опубликовала письмо в редакцию жительницы украинского города Ивано-Франковска Березовской: „...Никакая мать, имеющая сыновей, не может спокойно читать эти статьи (прочитанные ею в этой газете об Афганистане. — Ред.). Всегда думаешь: это же не Великая отечественная война, где люди погибли, защищая свою землю... Я тоже имею двух сыновей, теперь оба — солдаты, один из них служит вблизи Афганистана, на границе, и за него у меня все время болит сердце... Тем более, что в боях принимают участие только дети простых трудящихся, а детей начальства там нет”.

Политическое урегулирование

Советские предложения и ответ афганцев

Средства массовой информации Запада все чаще говорят о „советском мирном наступлении в Афганистане”. И это показывает, что афганская политика Горбачева уже начинает приносить свои дипломатические плоды.

В мае прошлого года Горбачев снял с поста генсека афганской компартии (Народно-демократической партии Афганистана) Бабрака Кармала. Известно, что во время XXVII съезда КПСС в марте 1986 года Горбачев и Лигачев обвинили Кармала в том, что он, стремясь „механически” ввести марксистскую систему правления в страну, для этой системы еще не „созревшую”, скомпрометировал коммунистическое будущее Афганистана. На деле обвинение, разумеется, было выдвинуто не Кармалу, а малогибкой афганской политике брежневско-андроповско-черненкоковского периода. Новым генсеком был назначен глава афганского МГБ (ХАД) Мохаммад Наджиб (Наджибулла), который стал гораздо чаще бывшего генсека посещать мечеть и заявлять о себе как о правоверном мусльманине.

В июле Горбачев заявил во Владивостоке о выводе из Афганистана шести полков. В ноябре во время визита в Индию он заявил, что СССР стремится к „политическому урегулированию” афганской проблемы и желает, чтобы Афганистан стал „независимым и неприсоединившимся”. В том же ноябре Бабрака Кармала сняли с поста главы государства (председателя Революционного совета), на который он был послан, и вместо него назначили беспартийного, но послушного вождя одного из племен провинции Пактия Мохаммад Хаджи Чамкани. В декабре новый генсек Наджиб был вызван в Москву, где ему был устроен пышный прием, подчеркивающий его положение „главы независимого государства”: на аэродроме его встречали секретарь ЦК, заведующий отделом идеологии (заявлявший место Суслова) Лигачев, министр иностранных дел Шеварднадзе, министр обороны Соколов, первый заместитель председателя Президиума Верховного

совета СССР Демичев, секретарь ЦК, заведующий международным отделом Добрынин (он был послом СССР в США).

Казалось бы, много чести для подчиненного.

Во время визита Наджиба представитель советского министерства иностранных дел Борис Пядишев заявил иностранным журналистам, что ныне существуют подлинные, реальные возможности развязать узел и разрешить проблему Афганистана. А незадолго до прибытия Наджиба в Москву там побывал пакистанский дипломат Абдул Саттер, который, переговорив с Шеварднадзе, сказал во всеуслышание, что имеются перспективы решения афганской проблемы в ближайшем будущем.

Получив в Москве инструкции, Наджиб созвал в начале января нынешнего года „чрезвычайный” пленум ЦК НДПА, на котором заявил, что необходимо создать „правительство национального единства”, где принимали бы участие не только (как это было раньше, при Кармале, предложено) „прогрессивные вожди племен”, духовенство, торговцы, не покушавшиеся на „достижения Апрельской революции”, но также монархисты, члены бывших до переворота правительств и даже участники афганского сопротивления: „...Мы не намерены исключать из процесса национального примирения различные политические группировки с центристским и монархическим оттенками, а также вождей вооруженных антиправительственных групп, оперирующих за границей”. Но затем Наджиб все же уточнил: „Процесс национального примирения нацелен на развитие завоеваний Апрельской революции”. Практическим шагом к „примирению” было объявлено Наджибом (следовательно, Горбачевым) прекращение огня с 15 января 1987 года сроком на полгода, по истечении которого, добавил Наджиб, он может быть продлен. Все, сложившее оружие в течение срока прекращения огня, будет „амнистировано”. Наджиб торжественно заявил на пленуме: „Прекращение огня есть мера важная и необходимая, она является предварительным шагом к миру”.

Как бы в подтверждение наджибских заявлений, в Кабуле появились 5 января Добрыни и Шеварднадзе. (Столь высокопоставленные советские номенклатурщики никогда еще со времени начала войны не бывали в Кабуле официально.) В интервью, данном в Кабуле афганскому информационному агентству Бахтар, Шеварднадзе, в частности, сказал: „Мы надеемся, что политическое урегулирование афганского конфликта — не столь отдаленная перспектива. Вывод советских войск из Афганистана обсуждался нами с афганским правительством, но для этого необходимо, чтобы соседние государства также осознали, что служит их интересам, а что — нет”.

В Кабуле 15 января Наджиб официально дал следующие указания:

„Прекратить огонь из всех видов оружия, приостановить проведение операций; вернуть войска в пункты постоянной дислокации; прекратить артиллерийские и авиационные удары по противнику, если он не представляет опасности для населения; вооруженным силам ограничиться охраной государственной границы, государственных и военных объектов, выполнением других, сугубо оборонительных и экономических задач”.

От Афганского сопротивления он требует:

„В ответ на свои мирные шаги революционная власть ожидает от военных формирований прекращения обстрелов городов, кишлаков, предприятий, воинских частей и воздушного транспорта, прекращения доставки и размещения на территории ДРА оружия и боеприпасов, минирования дорог, прекращения террористических актов и диверсий”.

Власть затем заявила, что ведет в настоящее время переговоры с 417 „вооруженными формированиями” внутри страны, общей численностью в 37 тысяч человек.

Даже если это заявление соответствует действительности, было до него очевидно, что подавляющее большинство организаций, племей и отрядов, входящих в Афганское сопротивление, откажется от провозглашенного советским руководством „национального примирения”.

Действительно, 17 января Союз Муджахиддинов Афганистана отверг предложения советского руководства и выдвинул политическую программу:

„1) Полная, немедленная и без всяких условий эвакуация советских войск. Мы считаем, что для освобождения родины и уста-

новления исламского режима у нас нет другого выхода, кроме продолжения вооруженной борьбы.

2) После свержения марионеточного правительства и эвакуации советских войск власть в Афганистане возьмет Временное правительство.

3) Под наблюдением Временного правительства будут в результате свободных и честных выборов созданы парламент и исламское правительство.

4) Для формирования Временного правительства и определения его полномочий и обязанностей создана специальная комиссия, которая, как предполагается, начнет свою работу 1 февраля и должна будет выполнить свою миссию в течение месяца.

5) Созданы юридическо-посреднические группы для урегулирования конфликтов между различными группировками и отдельными лицами внутри Движения сопротивления.

6) После создания Исламского парламента будет разработана конституция исламского государства. Исламская конституция должна будет обеспечить применение ислама во всех проявлениях индивидуальной и общественной жизни нации”.

Значение дипломатической карусели

Прежде всего напрашиваются вопросы: связана ли горбачевская дипломатическая карусель в и вокруг Афганистана с горбачевской „перестройкой” и действительно ли Горбачев стремится к политическому урегулированию афганской проблемы?

Если считать, что основная цель реформ Горбачева и нового советского руководства — технологически догнать (в особенности в области военной технологии) за 15–20 лет Запад (уже совершивший три научных революции), этим сохранить за СССР его звание сверхдержавы и, следовательно, спасти его как экспансионистский центр мирового коммунистического движения, то ответ на первый вопрос можно дать положительный: для дальнейшего проведения реформ, для активного включения в советскую экономику технологического потенциала высокоразвитых стран и для того, чтобы добиться от США отказа от дальнейшей разработки и осуществления СОИ (Стратегической оборонной инициативы), советскому руковод-

ству необходимо начать новый, и на сей раз продолжительный, период разрядки между-народных отношений, чему, разумеется, активно мешает Афганская война.

Но было бы наивным считать, что советское руководство откажется от победы в Афганистане. Что же касается „политического урегулирования афганской проблемы”, советское руководство не переставало к нему стремиться, но на свой, тоталитарный, лад: оно всегда считало войну в Афганистане, прежде всего, идеологическо-политической крупномасштабной операцией, поскольку целью войны является не колонизация, а советизация Афганистана, не порабощение афганского народа с последующим извлечением из страны и его населения экономических и стратегических выгод, а превращение афганцев в течение нескольких поколений в советских людей (то, что Афганистан останется официально, как, например, Куба, страной „независимой и неприсоединившейся”, большого значения не имеет). Так что военная победа в Афганистане всегда была связана и подчинялась, — с точки зрения советского руководства, — развитию процесса советизации. С самого начала войны стратегия советского руководства заключалась не в быстром разгроме Афганского сопротивления, а в его сдерживании и постепенном его уничтожении. (Эта стратегия оказалась удачной в двадцатье годы во время войны Красной армии со среднеазиатским Движением сопротивления — „басмачами”.) Иначе в 1979 году против афганцев было бы брошено не 60-70 тысяч, а до полумиллиона или больше солдат и офицеров; практически эта операция была вполне осуществима.

Поэтому „политическое урегулирование афганской проблемы” понимается советским руководством как советизация Афганистана, а на данном этапе как достаточное укрепление афганского коммунистического режима для того, чтобы на глазах всего мира действительно вывести из Афганистана одновременно до 100 тысяч человек: эта операция принесет горбачевской политике разрядки огромные выгоды. В частности, Горбачев предстанет перед многими странами, в особенности неприсоединившимися, как человек, „покончивший с советской оккупацией Афганистана и доказавший миру свою добрую волю”.

В целом стратегия советского руководства не была изменена, было лишь значительно

ускорено ее дипломатическое развитие для нужд горбачевской политики.

Советское руководство считает, как будто, что вывести войска можно будет через три-четыре года. Заместитель генерального секретаря ООН Дниго Кордовес занимается с 1982 года посредничеством в переговорах между Пакистаном и кабульским режимом. Переговоры эти косвенные, поскольку пакистанское правительство, не признавая марионеточное кабульское правительство законным, отказывается от прямых переговоров с ним. Поэтому Кордовес совершает регулярные рейсы между столицами Пакистана и Афганистана. Его акция получила в дипломатическом словаре название „челночной дипломатии”. Во время этих косвенных пакистано-афганских переговоров была достигнута предварительная договоренность по трем пунктам, касающимся обязательства сторон не вмешиваться во внутренние дела друг друга, международной гарантии этого невмешательства и соглашения о возвращении в Афганистан афганских беженцев, общее количество которых в Пакистане достигло 3 миллионов. Все эти пункты нанесли бы вред советскому руководству только в том случае, если бы оно согласилось с требованием пакистанской стороны вывести свои войска из Афганистана в течение трех месяцев. Но, считая, что ему будет достаточно для укрепления афганского коммунистического режима трех-четырёх лет и не соглашаясь на меньший срок (который можно будет продлить), советское руководство предполагает, без оснований, что соглашение по трем вышеуказанным пунктам в нужное время только упрочит кабульский режим. Кордовес, кстати, не строит себе особых иллюзий: „Положение создало разочаровывающее. Я могу сказать, что мы движемся в нужном направлении, но существует необходимость в четком политическом решении, которое каждый раз откладывается”. И, как считает советское руководство, оно будет откладываться, пока Горбачев не сможет победить одновременно на двух фронтах: на дипломатическом западном и на политико-военном афганском.

В. Рыбаков

РЫБАКОВ Владимир
Тиски. Армейские очерки
С предисловием Георгия Владимова
1985, 250 с.

28 нм

Латинская Америка между тоталитаризмом и демократией

В. МИШИН

Страны Латинской Америки, как и большинство развивающихся стран мира, стали „Яблоком раздора“, а вернее, даже козырем в той борьбе, которую ведут демократический и тоталитарный мир. Захваченные коммунизмом или втянутые в затяжные гражданские войны, эти страны создали бы потенциальную угрозу США и вынудили бы их тратить на ликвидацию или хотя бы резкое послабление этой угрозы немалые средства и силы. Подобное положение заставило бы США отойти от решения вопросов, жизненно необходимых для безопасности Запада в целом и Западной Европы в особенности.

Этого и хочет добиться советское руководство. Оно давно придерживается стратегии: 1) Избегая мировой войны, шантажировать Западную Европу ядерным кулаком. 2) Добиваться распада НАТО. 3) Усиливать в капиталистическом мире кризисные процессы. 4) Направлять режимы так называемых развивающихся стран по антидемократическому пути развития — по возможности по тоталитарному. 5) Всячески добиваться отстранения США от европейских дел.

В этой стратегии Латинская Америка играет особую роль. Ее положение в настоящее время во многом напоминает положение многих стран Европы в конце прошлого и в начале нынешнего века: с одной стороны, идет либеральная индустриализация, с другой, — слишком медленно проводятся в жизнь социальные и аграрные реформы, создавая тем самым благоприятные условия для развития революционно-социалистических процессов. (Такое положение было, например, и в дореволюционной России.)

Во многих латиноамериканских странах непомерно разрастаются города — и чем сильнее процесс индустриализации, тем стремительнее исход крестьян в города, где они в большинстве своем превращаются в озлобленных пролетариев. Население города Мехико, столицы Мексики, уже перевалило за 15 миллионов человек, бразильского города Сан-Паулу — за 13 миллионов. Кстати, Бразилия — яркий пример страны, переживающей переходный период от аграрного госу-

дарства к промышленному. В 1985 году ее валовой внутренний продукт увеличился на 8,5 процентов, страна стоит на 8-м месте в мире по валовому объему промышленного производства (только по производству автомобилей она стоит на 10-м месте в мире). вместе с тем половина населения получает всего 3 процента национального дохода, одному проценту землевладельцев принадлежит почти половина обрабатываемой земли; инфляция непомерно растет из месяца в месяц; внешняя задолженность страны — 106 миллиардов долларов; число безработных — 13 миллионов (население страны — 160 миллионов человек).

В целом задолженность Латинской Америки составляет огромные 40 процентов внешней задолженности всех развивающихся стран планеты.

В одних странах Латинской Америки развивается политическая демократия, в других еще сохраняются авторитарные режимы; в одних уже проведены аграрные реформы, в других только намечаются; в одних осуществляются социальные преобразования, в других проекты социальных реформ лежат под спудом. Но так или иначе все эти страны в той или иной степени находятся на рубеже исторического решения — либо демократия, либо тоталитаризм (хотя можно, разумеется, допустить, что некоторые из них останутся или вернуться к авторитаризму, к военной диктатуре).

*

Было бы нелогично даже предположить, что коммунистическая власть в нашей стране для осуществления своей стратегии не воспользуется положением, создавшимся в Латинской Америке, тем более, что США слабо реагировали на возникновение у себя под боком коммунистических режимов. Доказательством тому было отношение США к установлению в 1959 году коммунистического режима на Кубе. США вначале поддерживали Фиделя Кастро, затем антикоммунистическую кубинскую оппозицию, чтобы потом бросить последнюю на произвол судьбы.

Однако Карибский кризис 1962 года (попытка установить советские ракеты на Кубе, ультиматум США, реальная угроза мировой войны и отступление СССР) умерил аппетиты советского руководства, показав ему, что наступление в лоб на США опасно и что США на прямую угрозу реагируют резко. Следовательно — нужно усиленно развивать угрозы косвенные.

Цель осталась прежней, изменилась лишь тактика, а стратегия только и всего, что обрела более дальний прицел. Основные усилия советского руководства сосредоточились на максимальной помощи коммунистическим партиям и революционным движениям в Латинской Америке, на создании так называемых фронтов, которые должны в конце концов слиться в единый вооруженный коммунистической латиноамериканский фронт.

Разумеется, эти фронты должны внешне обладать формами стихийного противопоставления общества „диктатурам, лакеям американского империализма”, ведя борьбу, не быть открыто просоветскими, а придя к власти, — открыто коммунистическими: США рядом, СССР — далеко.

*

Было бы ошибочным считать возникновение и развитие в латиноамериканских странах революционных движений исключительно плодом упорной работы компетентных советских органов и их сателлитов. Подобное утверждение указывает на недостаточную оценку многими западными либералами силы марксистско-ленинской идеологии, в особенности в развивающихся странах. Для многих граждан, находящихся под властью коммунистических режимов, марксизм-ленинизм столь же лжив, как он для многих граждан развивающихся стран — правдив. Внешняя парадоксальность объясняется простотой изложения основных марксистско-ленинских тезисов. Действительно, аргентинскому крестьянину или мексиканскому рабочему гораздо легче понять „борьбу классов” и лозунг „грабь награбленное”, чем труды Монтескье или Фридриха, без знания которых трудно понять политико-экономические законы современной демократии. Отсутствие краткого, общедоступного объяснения демократии значительно облегчает задачу проникновения коммунизма в разви-

вающиеся страны, в том числе в латиноамериканские.

*

Вернемся к фронтам. Их возникновение следует уже установившемуся сценарию: фронт состоит из ряда левых организаций. Входит в него и коммунистическая партия, скрывающая, однако, под различными масками свое название и суть. После свержения власти (диктатуры, полудиктатуры, полудемократии) довольно быстро выясняется, что из всех организаций, образующих новое правительство, только коммунистическая обладает реальной властью.

Будучи хозяином финансов и вооружения (благодаря СССР и Кубе), компартия целенаправленно захватывает еще до победы все рычаги управления фронтом, а после победы — страной. Превращение просоветскими коммунистами бывших союзников в оппозиционеров, а затем и их политическое (и физическое) уничтожение может длиться довольно долго, в особенности если геополитические условия неблагоприятны.

*

Казалось, после установления просоветского коммунистического режима на Кубе, Соединенные Штаты и большинство латиноамериканских стран станут бдительнее следить за усилением прототалитарных сил в регионе и решительно, объединенными силами, пресекать попытки коммунистов захватить власть в той или иной стране. Некоторые авторитарные режимы, как Аргентина, и полудемократические, как Сальвадор, действительно сумели в течение последних лет добиться больших успехов в борьбе с коммунистическими революционерами и, избежав гражданской войны, продолжить свой путь к демократии (в Аргентине авторитарный режим рухнул в 1983 году). Но отсутствие координации между странами привело к установлению в 1979 году коммунистических режимов в Никарагуа и на Гренаде.

Никарагуа

Приход к власти коммунистов на Кубе был громадной удачей для советского руководства: он позволил значительно расширить революционные коммунистические движения во многих странах Латинской Америки.

Однако со временем кубинское влияние в латиноамериканских странах начало ослабевать. Основная причина: открыто став советским сателлитом, Куба потеряла большую часть своего революционного ореола и вызвала недоверие к себе со стороны умеренных и даже левых правительств, а также многих левых неподсоветских оппозиционных организаций региона.

Приход же к власти коммунистов в Никарагуа позволил советскому руководству начать новую широкую операцию по дестабилизации Латинской Америки. Создалась цепочка: Никарагуа стал плацдармом Кубы на континенте, а Куба уже давно стала плацдармом СССР.

Став кубинско-советским сателлитом (см. А. Ковенский „Никарагуа: сандинизм или демократия“, „Посев“ № 8, 1986), никарагуанское коммунистическое руководство делало и продолжает делать все возможное для того, чтобы скрыть свою коммунистическую и просоветскую сущность. Цель — выиграть время, чтобы максимально усилить свою власть внутри страны и свои вооруженные силы.

Обман начался с того, что коммунисты назвали себя „сандинистами“, хотя генерал Сандино никогда не был коммунистом. Больше того, он был скорее враждебно настроен к тоталитаризму в СССР. Затем, придя к власти, никарагуанские коммунисты объявили себя сторонниками Социалистического интернационала, Движения неприсоединившихся, а также — смешанной экономики и политического плюрализма.

Это позволило им получить в течение первых 18 месяцев после прихода к власти финансовую помощь в размере 950 миллионов долларов под малые проценты и 250 миллионов — безвозмездно, из которых 19 процентов — из коммунистических стран, а 32 процента — из высокоразвитых, в основном из США. Учитывая, что население Никарагуа не превышает 2,5 миллиона человек, суммы эти — огромны.

Что же касается неофициальной помощи из СССР, она достигла (база под боком у врага стоит дорого) уже нескольких миллиардов рублей. Советские деньги идут на вооружение и организацию гигантской для этой маленькой страны армии (до 100 тысяч человек), покупку втридорога никарагуанского сахара (официально его покупает Куба), содержание тысяч советников из соц-

стран и коммунистических революционеров из всех стран Латинской Америки, ежегодный дар „советского народа никарагуанскому“ — сотни тысяч тонн пшеницы и риса (иначе никарагуанцы начали бы умирать от голода; сохжозайство „обязывает“ — крестьяне отказываются продавать государству свою продукцию по заниженным госценам, а когда их принуждают, перестают работать).

Экономически Никарагуа тем не менее идет к катастрофе. Достаточно указать, что если в 1978 году (еще при диктатуре Сомосы) экспорт Никарагуа был порядка 700 миллионов долларов, то в 1986 году он снизился до 200—240 миллионов. Дефицитом стали основные товары первой необходимости, в том числе традиционно экспортные товары: кофе и хлопок. Инфляция достигла — официально — 250 процентов.

Суть „сандинистов“

Запад оказал помощь „сандинистам“, хотя можно было легко докопаться до истинной сути этой организации. Никарагуанские коммунисты пришли к власти в июле 1979 года. Уже в декабре 1979 года один из министров никарагуанского правительства Е. Карденал, будучи с официальным визитом во Франции, заявил:

„Неважно, что говорят наши враги по поводу проживающих в нашей стране иностранцев. Революционный Никарагуа считает себя одной из провинций Латинской Америки. Но „провинцией“, стремящейся стать столицей Революции“.

Первым, кто поздравил „сандинистов“ с победой, был... Брежнев. Сразу после победы „сандинистский“ Никарагуа наладил дипломатические отношения с КНДР, Вьетнамом и Анголой.

Первые 1 200 кубинских советников высадились в Манагуа в сентябре 1979 года (сегодня их больше 10 000). Число советских советников как будто не перевалило за 500. Но зато в Никарагуа нашли убежище и поддержку все левые революционные организации Латинской Америки: Социалистическая революционная партия (Перу), Революционная армия народа (Аргентина), Тупамаросы (Уругвай), Монтонеросы (Аргентина), М-19 (Колумбия), Революционные вооруженные силы (Колумбия), Светящийся путь (Перу), Фронт Фарабундо (Сальвадор), Националь-

ная единая директория революционного движения (Гондурас), Партия народного авангарда (Коста-Рика). К этим организациям нужно прибавить мексиканских троцкистов, венесуэльских леваков, боливийских экстремистов, панамских сторонников диктатуры пролетариата и так далее.

В 1986 году для оказания „всесторонней помощи” революции кубинцы высадили в Никарагуа 1 300 ангольских солдат и офицеров. До этого прибыли в Манагуа сотни северокорейцев, вьетнамцев, палестинцев, ливийцев и представителей почти всех восточноевропейских социалистических стран. Ко всему этому можно добавить, что в Никарагуа нашли убежище многие осужденные заочно западноевропейские террористы: баски, итальянцы, немцы.

Кто такие „контрас”

Освободительное движение Никарагуа (антикоммунистическое) не имеет политически ничего общего со свергнутым революцией режимом диктатора Сомосы. Большинство революционеров-антикоммунистов либо приветствовало революцию, считая ее концом авторитарного режима и рождением демократии, либо непосредственно воевало против Сомосы. Только убедившись, что пришедшие к власти коммунисты несут тоталитаризм, они взялись за оружие. В 1985 году из 56 антикоммунистических лидеров: 27 — бывшие „сандинисты”, 13 — бывшие сомосовские гвардейцы (8 офицеров и 5 солдат), 12 — крестьяне, 2 — студенты, 1 — священник и 1 — врач.

Никарагуанские коммунисты, назвав себя „сандинистами”, объявили участников Освободительного движения „контрас”. И почти все средства массовой информации в мире, в том числе демократические, либеральные и даже открыто антикоммунистические стали послушно повторять этот очередной коммунистический пропагандный штамп.

В то время как коммунистические власти Никарагуа получали от СССР танки, самолеты, вертолеты, ракетную артиллерию, антикоммунистическим революционерам доставалась ничтожная и полуофициальная помощь из США, исчислявшаяся лишь сотнями тысяч долларов. Так что антикоммунисты не могли вооружить и половины своих бойцов (количество которых в начале 1985 года до-

стигло 20 тысяч) даже простым автоматическим оружием.

В 1984 году Освободительное движение нанесло коммунистическим войскам несколько серьезных поражений и регулярно овладевало участками шоссе Рма, по которому осуществляется связь между Манагуа и атлантическим побережьем. Цель повстанцев, базирующихся в Гондурасе, — соединение с повстанческими силами, действующими на юге. Но на это у Освободительного движения не было и нет сил и средств. Более того, никарагуанские коммунистические войска регулярно переходят гондурасскую границу и нападают на лагеря Освободительного движения.

Эти акции пугают власти Гондураса: если начнется массовое вторжение в страну ставшей самой сильной в регионе никарагуанской армии, то придут ли США на помощь?

В 1986 году правительство Гондураса запретило единственному самолету никарагуанских повстанцев (транспортнику) подниматься в воздух. Во время предвыборной кампании кандидат в президенты Хосе Аскона Ойо обещал „выгнать контрас в 24 часа”. Правда, будучи избранным, он свое предвыборное обещание не выполнил. Единственное положительное явление для Освободительных сил в 1986 году — долгожданное решение американского Конгресса оказать никарагуанским революционерам-антикоммунистам помощь в размере 100 миллионов долларов. На эти деньги было закуплено автоматическое стрелковое оружие на 10 тысяч человек, зенитные ракеты, противотанковое вооружение, санитарный вертолет и маленький самолет-транспортник.

Политика свободного мира

Казалось бы, даже при поверхностном анализе положения в Латинской Америке вообще и в Никарагуа, в частности, все демократии мира должны были ринуться на помощь никарагуанским Освободительным силам, чтобы помешать распространению на американском континенте тоталитаризма со всеми губительными для Америки, Западной Европы и всего некоммунистического мира последствиями. Ничего подобного. На стороне Освободительного движения открыто стоят лишь правительство США, Тайвань и Израиль. Все остальные страны либо помогают коммунистическому Никарагуа, либо нейтральны.

Это объясняется многими факторами, среди которых нужно выделить следующие.

1) Латиноамериканские страны в своем большинстве не доверяют США, бросившим на произвол судьбы сначала кубинских, затем индокитайских антикоммунистов (вьетнамцев, камбоджийцев и лаосцев), а афганским оказывающим сегодня ничтожную помощь. Без сомнения, многие латиноамериканские страны понимают опасность никарагуанского коммунизма. Идея общего выступления против него, возможно, многих манит. Но давит мысль, что через два года Рейган уйдет, и политика США в Латинской Америке может резко измениться, что она может измениться и при Рейгане — ведь ему понадобились годы, чтобы добиться от Конгресса 100 миллионов долларов, ничтожной, в сущности, суммы. Все это охлаждает пыл латиноамериканских правительств, которые надеются получить от Никарагуа, а это значит, от Кубы и в конце концов от СССР, за свой нейтралитет или даже сотрудничество — покой в настоящем и будущем — мол, мы вас не трогаем, а вы нас не дестабилизируйте.

2) Резкая критика США служит многим правительствам, в том числе латиноамериканским, подтверждением их независимости, национализма и патриотизма. Следовательно, враждебное отношение к Никарагуа может нанести вред внутренней политике этих правительств.

3) Социалистические и социал-демократические силы в мире в большинстве своем считают, что именно „непримиримость США” по отношению к революционным режимам толкает последних в объятия тоталитаризма (как это было, мол, с Кастро), а, следовательно, следует с этими режимами не бороться, но помогать им становиться на путь „демократического социализма”.

4) Некоторые западноевропейские лидеры убеждены, что революции, терроризм и гражданские войны в Латинской Америке отрицают у КГБ силы, которые он мог бы иначе бросить на Западную Европу. А тушить пожар в Латинской Америке — дело, мол, самих американцев.

Положение СССР

Может создаться впечатление, что советское руководство медленно, но упорно приближается к победе в Латинской Америке,

что не зря оно потратило и продолжает тратить миллиарды рублей, что, пользуясь слабостью, недальновидностью, демократичностью противника, оно, обладая плацдармами — Кубой и Никарагуа — развернет революции и гражданские войны по всей центральной и южной части американского континента вплоть до самых границ США.

Это впечатление ошибочно — если обратиться внимание на два обстоятельства.

Во-первых, близки годы, когда во многих латиноамериканских странах крепнущая демократия, крепнущее общество потребления, крепнущие связи между Церковью, профсоюзами и правительствами послужат на благо социальных преобразований, что уменьшит количество немущих, этого легко восполняемого слоя населения. Уже приближается время, когда революционный социализм устареет в Латинской Америке.

Во-вторых, неоправдано представление о слабости американской демократии, особенно, когда дело касается защиты ее жизненно важных интересов — примером тому служит поведение США во время Карибского кризиса 1962 года. Но было и другое событие, которое можно считать переломным, психологически и политически, в истории борьбы США и СССР на американском континенте. 25 октября 1983 года войска США и близлежащих к Гренаде государств высадились на этом острове и уничтожили укрепившийся там коммунистический режим. Это — первый случай освобождения государства от коммунистической власти.

СССР и Куба ограничились словесным осуждением. Власти Никарагуа испугались, но затем поуспокоились, поскольку США пока явно ограничились Гренадой. Но стало очевидным, что советская дорогостоящая стратегия в Латинской Америке может под ударом США рухнуть. Учитывая геополитические преимущества США, их экономическую мощь и потенциально правильное понимание латиноамериканской проблемы, — против коммунизма нужно бороться с оружием в руках, но одновременно проводить глубокие демократические реформы, — можно прийти к выводу, что и без военного вмешательства США советское руководство не выдержит политической и экономической конкуренции, выдохнется и проиграет свою идеологическую и подрывную войну в Латинской Америке.

Советская стратегия установления социалистических плацдармов в других странах ведет, несмотря на политические и даже военные победы, в конце концов к стратегическому поражению. В частности, и потому, что любая страна, ставшая на путь „построения социализма“, с одной стороны, неизбежно становится экономически несостоятельной, а с другой, ложится дополнительным грузом на расшатанную социализмом экономику нашей страны. В таких странах неизбежно зреет политический протест против невыгодной им и унижительной советской опеки, и рано или поздно начинается процесс высвобождения из-под нее. Советская стратегия ни в какой мере не соответствует, а скорее противоречит интересам даже совет-

ского государства, не говоря уже о государственных интересах России.

Это не значит, что России (не СССР!) нет дела до Латинской Америки, что Россия вообще должна держаться подальше от американских берегов. Такая мысль может принадлежать разве что ее недоброжелателям. России, как великой державе, нужно и выгодно иметь дело со странами Латинской Америки (как и со странами других континентов). Но влияние свое она будет укреплять не политическими и террористическими подрывными действиями и не насильственным насаждением идеологических режимов в чужих странах, а открывая себя этим странам культурой российских народов и свободной экономической конкуренцией. Таким путем Россия вернет себе политический престиж и доверие, потерянные советской политикой.

Студенты на площади Тяньаньмынь

А. КОВЕНСКИЙ

Да полно, Китай ли это? Больше похоже на Париж 68-го: запрудившие улицы университетских городов многотысячные толпы студентов, драки с милицией, сжигание официальных запрещений демонстраций, плакаты с требованиями демократии, транспарант: китайский дракон, закованный в цепи... А в ответ: уговоры, выступления по телевизору партийных руководителей, убеждающих студентов „прекратить хулиганство“, кратковременные аресты участников демонстраций, многих из которых потом опять выпускают под напором все новых участников волнений. Но за всей этой мягкостью жестко стоит одна фраза, сказанная Дэн Сяопином: „Те, кто думают, что они могут игнорировать партийные принципы и партийную дисциплину, проповедавая буржуазный либерализм, — должны покинуть партийные ряды“.

Все началось с требования больших академических свобод студентами города Хэфей (столица провинции Аньхой), которые 5 декабря 1986 года вышли на улицы. Затем волнения распространились на двенадцать университетских городов Китая, к требова-

ниям прибавились политические лозунги. Своего пика волнения достигли 21 декабря, когда на центральной площади Шанхая собралось от 30 до 50 тысяч человек. Несмотря на то, что по всему Шанхаю милиция расклеила плакаты о запрещении манифестаций. В новогоднюю ночь, несмотря на мороз и милицейский кордон, две тысячи студентов собрались на площади Тяньаньмынь — святая святых КНР (председатель Мао мог не раз перевернуться в своем мавзолее, воздвигнутом на площади). Лозунгами студентов были „Свобода“ и „Права человека“, но пели студенты все еще „Интернационал“...

Сначала милиция арестовала 20 демонстрантов, но после возмущения многотысячной толпы была вынуждена их отпустить.

На состоявшейся в Пекине пресс-конференции заместитель председателя Государственного комитета по делам просвещения Китая Хе Дун Чан сообщил, что в демонстрациях приняли участие не больше двух процентов от двух миллионов студентов КНР. Он также поспешил отметить, что большинство демонстрантов — это „патриотически

настроенная молодежь, заявлявшая о готовности содействовать ускорению процесса расширения демократии в КНР. Ряд студентов выступал за перестройку Китая по западному образцу. Но без руководства со стороны КПК, без установления сплоченности и стабильности может возникнуть хаос”.

Еще в 1967 году одногодки нынешних демонстрантов волокли по этой самой площади „врагов культурной революции”, обклеенных даэцзыбао с неслетными эпитетами. В 76-м по ней маршировали стройные колонны с транспарантами, разоблачающими проредки „банды четырех”. И вот, дожили — демократии требуют...

Правда, была еще „Стена демократии”, на которой каждый писал, что ему вздумается, бывали высказывания и порезы нынешних новогодних лозунгов, но в 79-м это кончилось, Дэн Сяопин воспользовался „стеной” для своей внутрипартийной борьбы с ортодоксами и сам расправился с „гласностью”, когда лозунги стали выходить за рамки дозволенного.

Многие обозреватели отмечают, что у студентов нет четкой программы: когда в Нанкинском университете состоялась встреча студенческой делегации с мэром города, последний задал демонстрантам серию вопросов о том, как они предлагают изменить правительство? Студенты не смогли ответить ни на один вопрос. Или побоялись, не скажешь ведь просто: „Отменить коммунистическую диктатуру”?

Китайская „перестройка” началась гораздо раньше нашей. Политика „открытых дверей” по отношению к Западу, аграрные преобразования, кое-где сведшие к минимуму начала коллективизации, частные предприятия, которых в Китае зарегистрировано 11 миллионов 220 тысяч, общий оборот частного сектора составил 24,5 миллиардов юаней. Легче стало выезжать на Запад — к родственникам, для учебы. Но получение некоторых экономических свобод неумолимо влечет за собой тягу населения к свободам политическим. Ведь не случайно прологом к новому беспорядкам были волнения в одной из „особых экономических зон” — городе Шэнчунь.

Он находится на границе с Гонконгом, в 1979 году здесь была образована своеобразная „ловушка для западных капиталовложений” — в Шэнчуане возникли так называемые „джойнт венчерс”, предприятия с уча-

стием иностранного капитала, город наводнили западные товары, доход на душу населения возрос в два раза, по отношению к другим городам страны. А вслед за этим 15 рабочих из промышленного района Шеху начали кампанию, включавшую митинги и расклеивание по улицам города плакатов, с целью и лозунгами, близкими требованиям студентов. Результат: 11 из них были выбраны в местный исполком, хотя партийный комитет не выдвигал их кандидатур. Впервые, после 1949 года, местные органы правления были избраны непосредственно народом! Позже шэнчуаньские студенты с помощью демонстраций заставили местные власти отменить намечавшуюся реформу о сокращении государственных субсидий на образование.

События в этом маленьком оазисе демократии сначала мало волновали Пекин, но „дурной пример заразителен”, и рецепты борьбы, испробованные в маленьком приграничном городе, уже применяются в столице.

Студенты пока не добились своего, хотя в отставку был отправлен генсек КПК Ху Яобан, — от либерального тоталитаризма до демократии путь не близкий. Но в ходе демонстраций, продолжавшихся больше месяца, оппозиция в стране смогла почувствовать свою силу и увидеть свои ошибки (например, не были вовлечены рабочие, хотя многие из них выражали свои симпатии студентам, не было четкой программы требований).

Поняла это и китайская номенклатура. Что делать — продолжать экономическую либерализацию и ожидать новых волнений, или закрутить гайки и опять развалить экономику страны? Нелегкое это дело: и невинность коммунистическую соблудности, и капитал приобрести...

Квартальный «ПОСЕВ»

Ежеквартальный журнал, выходящий большим тиражом и содержащий избранные, неустаревающие статьи из трех текущих номеров ежемесячного „Посева”.

Фотография на обложке. Едва меньший формат (15x21 см). Увеличенное число страниц (в среднем 120). Тонкая бумага. Убористый шрифт.

Квартальный „Посев” предназначен для переправки в Россию и для распространения среди граждан СССР, временно находящихся за рубежом. Имеющие возможность распространять журнал могут получить его бесплатно, обратившись по адресу издательства „Посев” к А. А. Кандурову.

Китайская армия: дошла очередь

Г. ЮРЬЕВ

Одиннадцать лет назад руководство Китая объявило о своем намерении провести „4 модернизации“. С тех пор реформы глубоко проникли в сельское хозяйство и торговлю, в промышленность и транспорт, в науку и образование. Наконец в 1985 и 1986 годах дошел черед до 4-й модернизации — коренной перестройки армии. Она была последней по счету, поскольку реорганизацию вооруженных сил трудно было бы начать, не обладая удовлетворительной промышленной, технической и научной базой. Кроме того, спешить было некуда. На протяжении 1986 года Дэн Сяопин и другие китайские руководители несколько раз повторяли, что считали и продолжают считать маловероятным возникновение 3-й мировой войны или локального крупного вооруженного конфликта с участием Китая*. Как бы в подтверждение этих слов, еженедельник „Пекинское обозрение“ в ноябре 1986 года сообщил, что четверть бомбоубежищ, построенных в 1969 году в ожидании нападения со стороны СССР, теперь переоборудованы: превращены в магазины, мастерские, гостиницы, больницы.

Неудачная карательная экспедиция во Вьетнаме в 1979 году показала низкую боеготовность китайской армии, ее неумение пользоваться современными средствами связи, планировать и согласовывать боевые действия разных видов войск. Главная цель начавшейся модернизации армии — поднять качество ее вооружения и ее профессионализм до современного уровня, что должно к тому же позволить значительно сократить численность вооруженных сил**. Есть и побочные цели. Во время хаоса культурной революции в большинстве городов и районов военное командование стало единственным организованным оплотом и представителем власти. С завоеванных в 1960—1970-х годах политических позиций военные уходили неохотно. Кроме того, в их

среде было немало приверженцев более ортодоксального, маоистского курса. Перестройка, сокращение численного состава и омоложение командования дает современному руководству возможность уменьшить политическую роль армии, а заодно избавиться от соперников и противников новой партийной линии. Уже в 1985 году в Политбюро КПК осталось лишь трое профессиональных военных, раньше их было 9 (из 24 членов).

В 1986 году армия должна была быть сокращена на миллион человек, среди них ушло в отставку 187 000 кадровых офицеров*.

Омоложение кадров проходит по известной формуле Дэн Сяопина „6-5-4“, означающей: руководителю не больше 60 лет, его замам не больше 50, несколько сорокалетних, готовых, после соответствующей подготовки, занять руководящие должности. Эта формула применяется в партийных, государственных и хозяйственных учреждениях, теперь она введена и в армии.

Для подготовки молодых кадров и повышения профессионального уровня офицеров открыты специальные училища, в которые ежегодно поступает около 10 000 человек. Шесть из них — высшие военные школы: артиллерийская, военно-воздушная, военно-инженерная, военно-морская, танковая и Вторая артиллерийская (ракетно-ядерная). Созданы также школы младших командиров и восстановлены звания (сержантов, старшин и др.), отмененные в 1964 г. во время культурной революции. Три военные академии, существовавшие ранее отдельно — для командного состава, политработников и технических специалистов, слиты в один Национальный университет обороны. Наряду с численным сокращением армии, уменьшено количество военных округов — их теперь 7 вместо 11.

Новое командование поставило себе целью ликвидировать сильную в прошлом изо-

* Пограничные стычки с Вьетнамом нельзя считать крупным вооруженным конфликтом.

** Сокращению подлежат даже войска на границе с Советским Союзом, а также расквартированные у пролива, отделяющего Китай от Тайваня. Кроме того, пограничные части выведены из состава армии и подчинены Управлению внутренних дел.

* По сообщению гонконгского еженедельника „Дальневосточное экономическое обозрение“, армия удалось сократить лишь на 410 000 человек. Причины: сопротивление военных кругов и трудности устройства уволенных в запас.

ляцию отдельных видов войск, включая политическое управление. По примеру западных армий, офицеры и генералы на протяжении своей карьеры будут переходить из одних родов войск в другие, выполняя иногда и обязанности политработников. Эти меры должны не только расширить кругозор офицерского состава и уменьшить межведомственные распри, но, что самое главное, помочь достижению лучшей координации действий отдельных подразделений в боевой обстановке. Кроме того, если, как было сказано выше, побочная цель модернизации армии — уменьшить политическое влияние военных в стране, то внутри самой армии побочная цель реформ — оттеснить политработников с первых ролей на вспомогательные.

Правительство КНР уделяет немало внимания привлечению армии и военных ресурсов к разрешению хозяйственных задач страны. Многие военные аэродромы открыты для гражданской авиации, а военные порты — для гражданского судоходства. Освободившиеся военные сооружения, например, казармы и склады, передаются в пользование гражданским властям. Военные заводы выпускают гражданские товары, на военных верфях строят торговые суда. В свою очередь, гражданские фабрики и заводы принимают заказы военных ведомств. Военные строительные батальоны заключают контракты на гражданские стройки; подразделения всех видов войск бросают на борьбу с пожарами, с последствиями стихийных бедствий. Армейские подсобные фермы вносят свою долю в сельское хозяйство Китая. Например, в 1986 году на них было собрано 4 миллиона тонн овощей, 2,9 миллиона тонн зерна и произведено 250 тысяч тонн мяса. На армию также возложена ответственность за подготовку проходящих службу солдат к переходу к гражданской жизни*. В 1985 году 900 000 человек посещало различные технические курсы и училища в армии. Из них 550 тысяч получили различные дипломы и удостоверения. Военнослужащие приобретают специальности шоферов, автомехаников, электро- и радиотехников. По сообщению китайских газет, многие демобилизованные открывают частные мастерские по ремонту автомобилей и велосипедов, починке телевизоров и радиоаппаратов.

* Китайские призывники служат 4 года в ВМФ и ВВС и 3 года в армии.

Помимо перестройки армейских организаций и системы обучения, Китай начал переоснащение вооруженных сил. Здесь заметна ориентация на западную технику. Уже в течение нескольких лет Китай закупает на Западе оружие и передовую технику для военной промышленности, хотя и не в таких масштабах, на какие рассчитывали некоторые западные политики и дельцы. Сравнительно недавно американцы сняли некоторые ограничения поставок КНР передовой технологии, важной для производства вооружения. Эти ограничения все еще в силе для других коммунистических или враждебных США стран.

В начале октября 1986 года в Китае с трехдневным визитом побывал секретарь обороны США Уайнбергер. С Дэн Сяопином, Чжао Цзыном и военными лидерами Китая Уайнбергер обсуждал глобальные стратегические проблемы и вопросы, связанные с поставками китайцам американской военной техники. Через месяц после посещения Китая Уайнбергером состоялся неоднократно откладывавшийся дружественный визит в КНР трех крупных американских военных судов (крейсера „Ринв”, эсминца „Олдендорф” и ракетноносца „Рентц”). В порту гостей принимали моряки трех китайских военных судов. С этим визитом совпало открытие Азиатской выставки обороны, проходившей с 4 по 11 ноября в Пекине (в здании Китайского международного выставочного центра). На выставке, кроме китайских, были представлены экспонаты из США, Великобритании, Канады, Италии, Франции, ФРГ, Швейцарии, Австрии, Испании, Бразилии, Австралии и Гонконга. Всего было выставлено 1200 образцов оружия (500 из них в подлинном виде, остальные — в моделях и диаграммах). Среди китайских экспонатов были многочисленные тактические и две стратегические ракеты, а также бомбардировщики среднего радиуса действия, получившие хорошие оценки в американских и английских профессиональных журналах. По-видимому, Китай надеется занять в будущем подобающее место в торговле на при-быльном международном военном рынке.

Хотя в китайской армии все еще сохранились многие образцы оружия советского производства, Советский Союз на этой выставке представлен не был. А когда-то была „великая дружба”...

Роль социальных механизмов

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Темп обновления современного российского гражданского общества резко возрос. Изменения в образе жизни, на которые ранее требовались десятилетия, теперь происходят буквально на глазах. Получают ошутимое распространение новые социальные процессы, еще 10—15 лет назад столь четко не проявлявшиеся. Мы — свидетели развития независимой общественной и политической мысли. Один из последних примеров — пришедшее из страны Обращение „Движение социалистического обновления”, где говорится о кризисе социализма в результате несостоятельности советской политической системы и о необходимости создания иного государственного строя. Мы стали свидетелями появления и других „ростков” нормального развития общества: роста коллективных форм организации и оплаты труда, новых форм бытового обслуживания, формирования садово-огородных зон вокруг городов, широкого распространения бригад отходников-,шабашников” и студенческих трудовых отрядов, развития молодежных жилищных комплексов, новых способов организации досуга, самостоятельных общественных организаций, занятых охраной природы и памятников культуры. Расширились масштабы личных подсобных хозяйств: сегодня они дают более четверти всей продукции сельского хозяйства в стране, среднегодовое число работников, занятых здесь, равняется 4,1 млн. человек. Заметен сдвиг в сторону более правдивого изображения жизни в литературе, в искусстве, в кино. Заметен прогресс в духовной жизни людей...

Поскольку речь идет об исторически неизбежной нормализации социально-экономического развития нашего общества, в центре внимания политической оппозиции должны находиться социальные процессы, то есть те или иные изменения социальных объектов во времени.

Регуляторы социальных процессов

Социальное управление образует самостоятельную сферу общественной жизни.¹ В Со-

ветском Союзе управление осуществляется, с одной стороны, властью — двумя ее аппаратами: партийным и государственным (советским), состоящими из двух звеньев — центральных и местных партийных и советских органов. С другой стороны, действуют регуляторы, возникающие естественно-исторически: семья, специфические для разных социальных групп нормы и интересы, многочисленные и разнообразные виды активности слоев населения как в производственной, так и в непроизводственной сферах, разные формы взаимодействий и отношений между этими группами. Конечно, характер взаимодействий и активности групп зависит от того, какое положение в обществе они занимают. (В Советском Союзе, например, антагонистический характер носят взаимодействия номенклатуры и рабочих, занятых тяжелым физическим трудом.)

Социальные процессы — как благоприятные, так и не благоприятные для развития страны — по своему характеру разнообразны: текучесть кадров, миграция населения, динамика жизненного уровня и уровня образования и т. д. Эти процессы различаются прежде всего содержанием, зависящим от сферы общественной жизни, в которой они происходят (например, в сфере производства, распределительных отношений, образования, культуры, науки). Каждый такой процесс регулируется социальным механизмом, который формируется в обществе и зависит как от общих структурных, так и от конкретно-исторических особенностей: специфики политического строя, уровня экономического развития, особенностей населения.

До недавнего времени регулирующая роль социальных механизмов в СССР не учитывалась. Лишь в последние год-два в научный оборот вошли такие категории как „социальный механизм совершенствования производственных отношений”, „механизм соци-

¹ В основе структуры общества лежат четыре первичных компонента: материальное производство, производство духовных благ, воспроизводство людей, управление.

ального управления”, „механизм самоуправления демографической системы” и другие.

Все эти понятия применяются к определенным социальным системам, функционирование которых „на выходе” порождает те или иные социальные изменения в сфере экономики, классового состава населения, его воспроизводства, правового или иного поведения. Так же, как подъем экономики связывают с совершенствованием хозяйственного механизма, так и оптимизация социальных процессов требует совершенствования механизмов социального развития. Во многих случаях воздействовать на социальные процессы возможно только косвенным путем, влияя на их социальные регуляторы.

Рассмотрение комплекса протекающих в обществе процессов и регулирующих эти процессы механизмов приводит к заключению, что общество можно понимать как систему взаимосвязанных социальных механизмов, порождающих разного рода процессы и тем самым ответственных за темпы и направления социального развития.

Практический солидаризм

Суть социального управления состоит в постоянном совершенствовании социальных механизмов с тем, чтобы, преодолевая возникающие нарушения функций, нормализовать соответствующие социальные процессы в российском обществе.

Социальные механизмы, как мы уже отметили, в современном обществе быстро меняются. Причем самостоятельная, поведенческая их часть меняется значительно быстрее, чем государственное управление ими. Например, феномен „шабашничества” возник минимум лет двадцать назад. Однако первый законодательный акт — постановление Совмина „Об упорядочении организации и оплаты труда временных строительных бригад” — принят лишь 15 мая 1986 г.¹ Во многих случаях экономическое и правовое регулирование процессов отстает от развития форм жизнедеятельности людей на 10—15 лет. Поведение людей более динамично, нежели реакция власти на многие явления жизни.

¹ Еще более ярким примером изменений самостоятельной части социальных механизмов, обгоняющих экономическое и правовое регулирование, является только что принятый Закон об индивидуальной трудовой деятельности („Известия”, 21.11.86). Принять его следовало еще лет 15—20 назад.

ни. Независимо от желания КПСС возникают новые стереотипы поведения в сфере труда, распределительных отношений, отдыха, общения, культуры, в духовной сфере. Явление это рождает определенные социальные противоречия, влияющие на темпы социально-экономического развития России.

*

Вот примеры дисфункциональности некоторых социальных процессов, носящих нежелательный для нашего общества характер: ослабление действенности стимулов научно-технического процесса, ухудшение отношения многих групп работников к труду, рост доходов управляющего класса и групп людей, вовлеченных в коррупцию и „левую экономику”. Своеобразным проявлением ухода от использования творческого и интеллектуального потенциала общества стал переход многих специалистов с высшим образованием на физический труд. На некоторых предприятиях, например, нефтегазодобычи, каждый десятый рабочий имеет высшее образование. Несостоявшихся инженеров можно понять: труд проще, ответственность меньше, а заработок выше. Такое положение иначе как провалом кадровой политики КПСС не назовешь.

Надежный путь своевременного разрешения такого рода противоречий — в подключении политической оппозиции (в том числе Народно-Трудового Союза российских солидаристов) к анализу функционирования и совершенствования социальных механизмов, регулирующих социальные процессы в сферах политических институтов общества, производства, распределительных отношений, культуры, образования, здравоохранения и т. д. Такое подключение, а также альтернативный подход к политике КПСС в конкретных сферах жизнедеятельности человека способствовали бы нахождению оптимального решения для развития этих процессов в направлении, нужном обществу, а не власти. Это позволило бы оппозиции идти вперед общественного развития, работая на ключевых участках политического, экономического, социального и духовного развития нашей страны. Овладев методикой управления социальными процессами, оппозиция могла бы разрабатывать вопросы, решение которых больше всего влияет на достижение поставленных обществом целей.

На этой точке зрения стоит и Программа Народно-Трудового Союза российских солидаристов:

„Развитие человеческого общества ведет к постоянному изменению общественных отношений и общественной структуры. Смысл общественного развития заключается в достижении новых, более совершенных форм общественных отношений, более высокого уровня духовной культуры и жизненных условий людей. Сознательное развитие общества определяется выдвиганием целей, вытекающих из общественных идеалов. В общественной жизнедеятельности план предшествует производству, проект — строительству, социальные идеи — формированию социально-политических систем”.¹

Приведенный фрагмент — часть учения о солидаризме. Суть этого учения состоит в том, что солидаризм есть система согласования свободных устремлений людей и постоянного преодоления неизбежных общественных противоречий путем соподчинения противоположных интересов в процессе солидарного сотрудничества во имя общего блага и прогресса. Солидаризм есть идея общественного и государственного строя, основанного на осознанной солидарности. Солидаризм утверждает общность, но устраняет насилие и поглощение человека коллективом.

В наши дни конкретное приложение теории солидаризма — это ее конструктивный вклад в разрешение актуальных вопросов нормализации общественных отношений в России. Это и подлинная научно-техническая революция в стране, и комплекс кардинальных, а не половинчатых реформ, и ускорение политических, духовных, экономических, социальных, правовых процессов в обществе и государстве. Это то, что мы предлагаем называть „практическим солидаризмом”.

*

Метод „практического солидаризма” четко определяет место оппозиции: она защищает интересы гражданского общества. А общество зависит от власти лишь условно — имеются границы зависимости. В правовом государстве право стоит над государственной властью и обязательно для нее. И мы должны исходить из общественного закона: власть — лишь одна из подсистем общества и служит его интересам. Следовательно, по-

скольку власть овладела областями деятельности, присущими обществу, а не власти, то цель оппозиции — возвращение гражданскому обществу отобранных у него политической, экономической, духовной монополий.

Надо понять, что стремление к проведению кардинальных реформ в различных сферах жизнедеятельности — объективно происходящий сегодня процесс. Все мероприятия „партии Горбачева” — не „монаршая милость”, а защитная реакция управляющего класса на развитие общества с целью не потерять власти над страной. Ростки этого объективно происходящего общественного процесса КПСС пытается упрятать в „свои горшочки”, дабы не допустить политического преобразования общества и государства. Задача политической оппозиции, представляющей интересы общества, — пресекать подобные стремления власти.

Основная задача солидаристов на современном этапе развития российской истории, с нашей точки зрения, заключается в таком преобразовании российского общества, которое позволило бы преодолеть существующую ныне полную отключенность большинства населения от властных полномочий, от участия в реальной политической жизни страны. Не менее важно преодолеть отчужденность большинства населения от общественных ценностей, преодолеть фактор несовпадения личных и общественных интересов. Наш путь — в формировании системы действительных политических, экономических и социальных стимулов в общественных отношениях для представителей всех, без исключения, социальных слоев населения.

Путь к построению таких отношений лежит сегодня не столько в сфере государства, сколько в духовной сфере человека, в системе его потребностей и интересов.

Элементы социальных механизмов

Границы социального механизма образуют, с одной стороны, функциональная потребность общества или его отдельных групп, а с другой, — социальный процесс, протекающий в желательном (или нежелательном) для общества направлении.

Ядро социального механизма образуют четыре группы элементов:

1) тот или иной набор социальных институтов данного общества (например, полити-

¹ Программа НТС, 1975, с. 11.

ка, право, идеология, хозяйственное управление или др.) ;

2) те или иные условия (производственные или непроизводственные) жизнедеятельности групп;

3) те или иные стороны сознания групп людей — их целей, интересов, потребностей и

4) те или иные формы активности (деятельности, поведения) групп.

Внутри каждого отдельного механизма эти группы явлений взаимосвязаны и образуют систему, способную порождать социальные процессы и управлять ими.

Какова же природа этих четырех групп элементов социальных механизмов?

Начнем с социальных институтов. Главная их функция — выработка социальных норм, регулирующих поведение и взаимодействие членов общества, а также деятельность на занимаемых ими функциональных местах. В зависимости от сфер общественной жизни можно назвать следующие институты: а) экономические (собственность, разделение труда, заработная плата и др.) ; б) политические (государство, армия, суд, партия) ; в) институты родства, брака и семьи; г) воспитательные; д) институты в сфере культуры.

Политическая власть в СССР — важнейшая категория социологического характера. Сама политика в условиях советского государства, прежде всего, — управление, представляющее собой единый процесс взаимодействия партийного, государственного и общественного руководства в рамках единой управляющей системы. Если исходить из специфики политической системы социализма,¹ то политика ассоциируется здесь прежде всего с управлением, а еще точнее — с партийным руководством.

Утверждение партийных руководителей, что „отношение всех образующих социалистическое общество классов к государственной власти лишено такого важнейшего атрибута политических отношений... как господство, т. е. использование ее в интересах одного класса за счет ущемления и подавления

1 „Социализм, — сказано в советском „Философском энциклопедическом словаре“, — сохранил институты как способ организации общественной жизни, и изменил их цели, функции и содержание деятельности, выдвинув на первый план роль политических и экономических институтов, прежде всего государства, его интегративную функцию сохранения, упрочения и развития общественной структуры и социалистического порядка“ (выделено нами. — Ф. Н.).

интересов других”, не соответствует действительности, поскольку и при социализме государственная власть не утрачивает своего классового политического характера. Управляющий класс, номенклатура, в наши дни продолжает выполнять свою основную функцию — обеспечивать незыблемость основ общественного строя, социалистических общественных отношений.

Этот постулат советской государственной системы особенно надо помнить тем из оппозиции, кто связывает свои надежды по преобразованию советского общества с реформами сверху. Происходящее в СССР проистекает из кризиса политической системы, краха не только экономических и социальных основ социалистического общества, но и коммунистических догм и идеалов. В нашем понимании, кризис общества и государства — следствие того, что

„монополия политической и хозяйственной власти в руках верхушки правящей партии, система директивной экономики — препятствуют решению стоящих перед страной задач“.¹

Вот лишь один из примеров непродуманных действий социальных институтов советского государства. В течение нескольких лет государство проводило политику сселения жителей малых сельских поселков в центры колхозов и совхозов. Предполагалось, что такая мера затормозит чрезмерный отток людей из сел. В действительности же, процесс этот резко усилился. Жители, которых уже все равно стронули с места, стали переезжать в города.

Но при этом мы должны объективно оценивать те прогрессивные усилия власти (независимо от причин их возникновения), в тех случаях, когда они совпадают с интересами общества. Совершенно правильно сказано в резолюции Совета НТС:

„Горбачев пытается оседлать стремления к радикальным переменам... Но для радикальных перемен нужны радикальные реформы, революционные по существу, ломающие систему бесконтрольной и безответственной власти“.²

1 Резолюция Совета НТС „О политической активности граждан и формировании автономных общественно-политических сил“. „Посев“ № 3, 1980.

2 Резолюция Совета НТС: „Положение в стране и задачи НТС“. „Посев“ № 3, 1986.

Почему реформы с конечным результатом в пользу народа так страшат верхушку КПСС? Да потому, что пересмотр экономических и социальных целей приведет неизбежно к пересмотру целей политических...

*

Очень важно, чтобы цели социальной и иной политики отражали реальные интересы всего народа. С этой проблемой связан второй элемент ядра социального механизма — условия жизнедеятельности социальных групп.

Среду, в которой эти группы функционируют, традиционно подразделяют на две сферы: непроизводственную (условия жизни — жилищные, транспортные и др.) и производственную. Специфика условий в этих сферах определяет служебное и экономическое положение, а в конечном счете — социально-экономическое положение разных групп, от номенклатуры до заключенных.

Объект социальной политики — общество, его классы, слои, группы. Огромную роль здесь играет идея социальной справедливости. Новое советское руководство вынуждено было признать, что в семидесятых и в начале восьмидесятых годов управляющий класс упустил эту важнейшую сторону общественных отношений.¹ Тем самым КПСС создала обстановку, при которой выделенная часть людей самоустранилась от значительных, чуждых им общественных целей, и вполне закономерно, что групповые и личные интересы стали для многих на первый план. Покажем хотя бы на примере Узбекистана, как перекосы в руководстве народным хозяйством породили такие явления: из общего числа не участвующих в общественном производстве граждан в стране более одной трети приходится на Узбекистан; 65 процентов доходов сельское население республики получает от личного хозяйства. Подлинный бич — коррупция, злоупотребления, взяточничество. Наибольший ущерб экономике причинили злоупотребления с хлопком. Они охватили все районы и хозяйства Узбекистана.

Советские ученые (в частности, академик Т. И. Заславская) считают, что главный источник несправедливости в экономической

сфере — расхождение между мерой труда и мерой потребления. Конкретнее: созданы условия, дающие возможность процветать людям, основывающим свое благополучие на коррупции и хищениях общественной собственности. Одновременно с этим — неравномерность в распределении капиталовложений на школы, больницы, дороги, культурно-просветительные учреждения, явная региональная контрастность социально-бытовых инфраструктур. Все это приводит к замедленному сокращению разрыва между городом и деревней, между малыми и крупными городами. Сюда же надо отнести резко различный материальный достаток номенклатуры, с одной стороны, и интеллигенции, рабочих и крестьян, с другой.

*

Третий элемент механизма — социально-экономическое сознание групп: их цели, интересы, ориентации. Социально-экономическое сознание характеризует отношение групп к окружающей внешней среде (включая и социальные институты общества), а также к собственному социальному положению. Сознание здесь выполняет регулируемую роль: оно опосредствует влияние социальных институтов и условий жизнедеятельности на активность групп, определяя конкретные „линии поведения“.

Четвертый элемент ядра механизма — деятельность и поведение групп. Это — его главное звено. Именно благодаря деятельности и поведению групп функционируют и развиваются социальные институты, создаются и меняются условия жизнедеятельности. Деятельность и поведение людей — наиболее важный объект внимания со стороны политической оппозиции. Этим элементом ядра социального механизма нам следует прежде всего заниматься.

Возникающий на „выходе“ механизма социальный процесс — это продукт деятельности и поведения больших масс людей в различных сферах общественной жизни. Социальный процесс определялся выше как смена состояний социальных объектов во времени. Но механизм этой смены, — социальных изменений, — можно объяснить лишь с учетом деятельности и поведения групп. (Например, динамика производительности труда — это накапливающийся во времени резуль-

¹ На самом деле — с момента захвата власти. Но и вынужденное частичное признание ценно.

тат многих форм трудовой активности работников.)

Таковы основные элементы социальных механизмов. Что же касается связей между этими элементами, то прежде всего надо сказать, что они обеспечивают передачу „импульсов“ из внешней среды к „входным“ элементам механизма. От них — к его более глубокому слою вплоть до воздействия на „выход“, т. е. социальный процесс. А протекание его меняется под влиянием изменений в функционировании механизма и внешней среды. Связи между элементами социальных механизмов обеспечивают влияние деятельности и поведения групп на протекание социальных процессов.

Тем самым человеческий фактор вносит свой вклад в темпы и характер протекания этих процессов. Следовательно, помогая различным группам людей понять, что им выгодно, а что нет, мы могли бы участвовать в процессе формирования социальных механизмов.

Функционирование социальных механизмов

Анализ связей в социальных механизмах показывает, что „пусковым“ рычагом их действия служит появление определенной функциональной потребности, — общественной или групповой. Тут важно, что возникает необходимость в определенном социальном изменении, направленном на выполнение функции, важность которой для общества становится ощутимой. (Необходимость наследования, например, рождает соответствующие правовые институты.)

Изменение в функционировании существующих и возникновение новых социальных институтов приводят к существенным изменениям в комплексе условий жизнедеятельности определенных групп населения и в зависимости от этих условий их социальном положении. В результате прямых воздействий со стороны социальных институтов, а также их косвенного влияния (через изменение условий жизнедеятельности), постепенно меняется характер деятельности и поведения социальных групп населения, причастных к данной сфере общественной жизни.

Мы уже упоминали о том, что каждый социальный механизм включает не одну, а несколько социальных групп, функционирующих на разных его уровнях. Можно выде-

лить группы, причастные к управлению соответствующими социальными процессами (например, работники высших государственных органов управления экономикой, руководящие кадры сферы образования), и рядовых участников социальных процессов (например, жители разных районов, коллективы предприятий, учащиеся учебных заведений). На базе проблем, возникающих в тех или иных сферах общественной жизни, между этими группами складываются определенные взаимодействия. Эти взаимодействия — своего рода „передаточные устройства“, через которые в рамках социальных механизмов распространяется информация, осуществляется обмен разного рода благами, воспроизводятся социальные нормы и ценности.

Политической оппозиции, которой, безусловно, не безразличны интересы гражданского общества, следует вникать в деятельность социальных процессов, протекающих в российском обществе, понять, что функционирование социальных механизмов — это система связей между входящими в их состав элементами. Суть этих связей состоит в том, что социальные институты формируют условия жизнедеятельности социальных групп, а следовательно, определяют характер их социального положения. Кроме того, условия и положение групп определяют характер их целей и интересов. А цели и интересы групп непосредственно влияют на деятельность и поведение. В свою очередь, деятельность и поведение групп определяют характер соответствующих социальных процессов.

В комплексе социальных институтов, регулирующих те или иные общественные интересы, имеется стабильное ядро — политические, экономические и правовые институты. На этом „стабильном ядре“ нам и следует в будущем сосредоточить свое особое внимание.

ОПЕРАЦИЯ „ФАУСТ“

Новый приключенческий роман Ф. Незнанского (автора известных, переведенных на многие языки детективов „Журналист для Брежнева“, „Ярмарка в Сокольниках“ и др.).

Расследование террористического взрыва в метро приводит следователя Московской прокуратуры Турецкого к раскрытию военного заговора, в котором принимают участие воюющие в Афганистане „спецназовцы“. Турецкий и другие чины прокуратуры и МВД мучатся между здравым смыслом, желанием выполнения долга и — мертвыми тисками тоталитарной машины, коверкающей их сознание.

Государственная приемка

А. РЯДНОВ

С 1 января 1987 года на промышленных предприятиях Советского Союза вводится государственная приемка. Поэтапное введение госприемки в IV квартале предыдущего года должно в текущем году обеспечить полный охват ею всей выпускаемой заводами продукции. 14 ноября 1986 года на эту тему состоялось совещание в ЦК КПСС, на котором с большой речью выступил Горбачев, а затем, среди прочих, секретарь ЦК Зайков. Только этот факт показывает уже, какие большие надежды возлагает нынешнее руководство КПСС на то, чтобы введением государственной приемки существенно повысить качество выпускаемой продукции.

А повышать его крайне необходимо. Качество практически всей советской продукции все больше отстает от соответствующих западных аналогов. Лозунг „Советское — значит отличное!“ стал уделом язвительных анекдотов. В действительности же отечественных товаров советский потребитель всячески избегает, если только имеет такую возможность. Это не скрывает и Горбачев:

„Если на внутреннем рынке появляются эти же товары, но с маркой „сделано где-то в европейской западной стране“, их расхватывают. Какая-то несурриза творится. Почему? Потому что неконкурентоспособно большинство наших товаров. И в то же время есть, мы знаем, такие случаи, когда западную бирку прилепляют нашему хорошему изделию, и оно идет нарасхват“.

Таких случаев, положим, немного. Но они только подчеркивают, насколько низко упало мнение потребителя обо всех, без исключения, товарах своей страны. Добиться такого единодушия, право слово, нелегко. Но КПСС, за десятилетия своей вдохновляющей и организующей роли, добилась. Теперь же, если предположить чудо, и советские товары стали бы вдруг, действительно, на уровне мировых стандартов, отечественный потребитель все равно предпочел бы зарубежные аналоги. И искоренить эту „остаточную деформацию“ общественного мнения было бы очень нелегко. Сам Горбачев, признаем, беспощадно обрисовывает нынешнюю ситуацию:

„Если сейчас сказать многим: вы будете 100 процентов своей продукции поставлять на внешний рынок и сколько зарабатаете — все ваше, распоряжайтесь. Все 100 процентов! Ведь по миру пойдут, потому что их продукция низкого качества, никому не нужна“.

И наоборот: только искусственная изоляция почти всей советской продукции от внешнерыночной конкуренции позволяет ей находить сбыт внутри страны. Однако в последние годы и этот бесконкурентный сбыт начал буксовать, что особенно заметно в сфере потребительских товаров.* Сей сравнительно новый феномен в истории развития реального социализма делает положение неповоротливой промышленности, выпускающей потребительские товары, непривычно трудным. Горбачев отмечает это весьма тревожное для власти положение:

„...товарный рынок у нас во многих случаях уже насыщается, приближается к оптимуму. Нужно... чтобы производство не уперлось в такую ситуацию, когда то, что будет производиться, брать не станут. А уже сейчас есть такие симптомы, когда многие товары оседают, их не берут“.

Эта констатация относится главным образом к потребительским товарам длительного пользования, к изделиям швейной и обувной промышленности. Однако сейчас положение заметно осложняется. Основная цель провозглашенной перестройки — переход предприятий на полный хозрасчет, на самоокупаемость и самофинансирование. Раньше предприятиям было в общем-то безразлично качество поставляемого оборудования. Даровому коню в зубы не смотрят. Все равно деньги, отведенные по этой графе, ни на что другое не ипользуешь. А откажешься получать то, что дают, — так и вовсе урежут фонды на новое оборудование.

При переходе на хозрасчет ситуация резко меняется. Первым делом, заводы не захотят тратить деньги на некачественные станки, ма-

* См. на эту тему статьи А. Ряднова „Послание Андропова пленуму“ („Посев“ № 2, 1984) и „Работа для склада“ („Посев“ № 3, 1986).

шины, транспортные средства и т. п. Если нельзя получить самое производительное и эффективное (хорошо бы импортное!), то, может быть, лучше вообще ничего не получать, не увеличивать ненужный, но дорогостоящий балласт? Если отечественные средства производства не „принимать на баланс“, а покупать, то предприятия могут забастовать так же, как бастуют сейчас рядовые потребители при покупке плохих отечественных плащей или холодильников. В стране грозит наступить цепная реакция закрытий и вынужденных переходов предприятий на другой тип продукции. А как же тогда быть с безработицей, которой в стране победившего социализма быть не может?

Как мыслится организация госприемки? Каждое предприятие выделяет специалистов, которые переходят в подчинение новообразованного главка — Главного управления государственной приемки (ГУГП) Госстандарта СССР. В отличие от работников ОТК (отдела технического контроля), работники госприемки не подчиняются заводскому начальству, а их заработная плата не поставлена в зависимость от выполнения плана по валу. Будет ли у работников госприемки прогрессивно-премиальная система оплаты, как и за что они будут получать премии — это еще не ясно. Хотя это вопрос важный, если не основной.

Аппарат госприемки уже по численности грозит стать весьма заметной институцией в стране. На первом этапе госприемка охватит примерно 1500 предприятий 28 министерств — основные заводы и производственные объединения страны. Как сообщил первый заместитель начальника ГУГП Б. Чумаков („Труд“, 20 ноября 1986 г.), число государственных контролеров на предприятиях первого этапа составит от 10 до 100 человек. На таких же гигантах, как КамАЗ, их может быть и до 500 человек („Советская Россия“, 9 декабря 1986 г.). Таким образом, лишь предприятия первого этапа потребуют 80-100 тысяч новых контролеров. Новых: аппарат ОТК сохраняется. А в текущем году госприемка должна распространиться на все предприятия страны, а это свыше 46 000, причем количество их непрерывно растет. Так что в целом по стране число дополнительных контролеров наверняка превысит миллион человек. А их зарплата безусловно повысит себестоимость выпускаемой продукции.

Весьма своеобразно стоит вопрос подбора кадров. Это в своей речи отметил и Горбачев:

„Не секрет ведь, что некоторые руководители предприятий рассуждают примерно так: зачем мне отдавать в госприемку толковых, знающих работников? Они же потом руки будут выкручивать“.

Думается, что руководители предприятий „выделяли“ будущих работников госприемки не столько даже с точки зрения их компетентности, сколько учитывая их характер и степень независимости. Трудно, к примеру, государственному контролеру неколебимо „качать права“, если на данном заводе работает член его семьи или близкий родственник и на размер его зарплаты прямо влияет количество принятой продукции.

Вообще весьма щекотливая позиция госконтролеров, двойственность их служебного положения не может не бросаться в глаза. В речи на том же совещании Зайков признает:

„Госприемка — действенное, но обоюдоострое средство. С одной стороны, она направлена против тех, кто привык работать спустя рукава, с другой, она может больно ударить и по интересам трудового коллектива в целом“.

Сложность работы государственных контролеров усугубляется острым дефицитом средств измерения, контроля и испытаний. Хотя, как сообщает Зайков, 45 министерств производят эти средства, с ними „дело обстоит из рук вон плохо“. Лишь теперь партийное начальство призывает создать эффективную индустрию средств активного контроля, оснастить производство современным стендовым хозяйством. Сколько же времени для этого понадобится? А пока что госконтролеры должны принимать продукцию „на уровне мировых стандартов“...

В таких условиях у работников госприемки одно прикрытие — бумажка, документ. Нормы, стандарты, справки, инструкции. Как отмечает Горбачев, „органы государственной приемки, едва народившись, кое-где уже погрязли в бюрократизме и бумажной волоките“. Что же будет через год-другой? Да и какой, спросим, у этих органов другой выход? Как еще им ходить по острию этого „обоюдоострого средства“ без каждодневного риска сломать себе шею?

Тем более недовольна другая сторона — те, у кого госконтролеры будут принимать

(или браковать) продукцию. Они явно сопротивляются сему благу нововведению.

„Многие хозяйственные руководители, — признается Зайков, — в том числе и министры, и, что уж совсем недопустимо, партийные и советские работники ряда республик и областей не стали еще активными, заинтересованными сторонниками государственной приемки, а порою даже ищут пути, как уклониться от нее”.

Государственная приемка призвана уменьшить горы затоваренной, нереализуемой, неиспользуемой продукции. Даже если на первых порах вырастут горы забракованной продукции внутри предприятий. Даже если руководство предприятий, не сумев сдать продукцию „с первого предъявления”, будет становиться за голову, а вернее, ставить на голову свои коллективы. Такова поставленная цель. Но может ли госприемка кардинально изменить дело, сулит ли она существенное улучшение качества выпускаемой продукции в масштабах всей страны?

Ведь „борьба за качество” не с Горбачева началась. Корреспондент „Литературной газеты” довольно ехидно вспоминает исторические вехи этой борьбы:

„Есть тут о чем вспомнить, порассказать. Представить различные системы — саратовскую, горьковскую, львовскую. А дни качества? А звания „Отличник качества”, „Мастер — золотые руки”? Появились сквозные бригады отличного качества. Нарисованы красивые схемы отраслевого, территориального управления качеством. А сколько надежд было связано с появлением Знака качества! Мы прожили целую пятилетку качества.

Сегодня видим: наступление на качество надо начинать практически с нуля”. (Николай Андреев. „Без уступок!”, „ЛГ”, 17 декабря 1986 г.)

Где гарантии, что и теперь в конечном счете нулем не окончится? Думается, что в рамках этой системы таких гарантий нет.

Максимум возможного для самых квалифицированных, самых объективных и честных работников госприемки — это правильно оценить соответствие предъявленной им продукции действующим техническим условиям и государственным (отраслевым) стандартам. Ну, а если эти технические условия и ГОСТы устарели? Если промышленность других стран уже давно выпускает более качественную продукцию — более производительную, более экономичную, с новыми функциональными возможностями, с новыми

свойствами? Что тогда может госприемка? Ровным счетом ничего. А ведь именно здесь — нерв отставания советской продукции, отставания все более растущего и углубляющегося.

Никакая госприемка — сверху ли, сбоку ли — не поможет, если предприятие и з н у т р и не будет убеждено, что выпуск некачественной продукции для него смерти подобен. А что значит — некачественная продукция? Она может удовлетворять самым детальным техусловиям, но если твой конкурент начал выпускать аналогичную продукцию с новыми функциональными свойствами, привлекательными для покупателя, то твоя продукция автоматически становится некачественной. Только непрерывная конкуренция поддерживает качество продукции и услуг на необходимо высоком уровне. Только непрерывная конкурентная борьба за процветание или даже просто выживание предприятия концентрирует мысль и волю его руководителей на самом главном — как сделать продукцию предприятия еще более привлекательной для потребителя. А при этом не может быть места нехватке стенов или средств активного контроля, несоблюдению технологических требований или неопытности контролеров. Для наиболее крупных и передовых предприятий борьба за ведущее место на рынке неизбежно включает также научно-экспериментальные разработки.

Означает ли это, что в условиях конкурентно-рыночной экономики на товарный рынок попадает только высококачественная продукция? Нет, не означает. Но как раз анализ этих исключений из правила позволяет лучше уяснить слабости экономики бесконкурентной.

Отдельные ловкачи, прельщая покупателя внешним видом изделия и его дешевизной, производят заведомо некачественные товары: непрочные, нестойкие, быстро теряющие свои функциональные свойства. Ориентируются такие ловкачи исключительно на частного потребителя, предприятия к покупке нужных им полуфабрикатов и изделий подходят более ответственно. Долго удерживаться „на плаву” эти предприниматели-ловкачи не могут, да они и не ставят себе такой задачи.

Иногда начинает ухудшаться качество продукции, выпускаемой известными крупными фирмами. Происходит это, как правило,

медленно и незаметно. Происходит это тогда, когда ослабевает конкурентная напряженность, когда предприятие становится слишком крупным, а поэтому трудноуправляемым, когда в результате чрезмерной централизации ухудшается контроль за качеством работы отдельных его звеньев. Производственно-технологические участки, ощущая ослабление контроля, начинают работать спустя рукава. Давно замечено, что чрезмерные укрупнения и централизация производства несут в себе элементы реального социализма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот поэтому развитые страны конкурентно-рыночной экономики борются с этим явлением — путем антитрестовских законов, направленной налоговой политики и т. д.

И в том, и в другом случае выпуск некачественной продукции (или, правильной сказать, наилучшей продукции данного типа) возможен лишь из-за человеческих слабостей конкретного потребителя. В первом случае его „ловят” на поверхности, на жадности (стремление купить подешевле). Во втором — на инерции общепринятого мнения, на несамостоятельности, элементах стадности. Но эти отклонения от правильной оценки краткосрочны. В целом потребитель (а тем более потребитель-предприятие) — не дурак, он отлично понимает качественную разницу и знает, чего он не хочет. Он может даже не знать, чего он хочет, но обмана и второсортности он не хочет определенно.

Оценка качества потребительским спросом — оценка наиболее объективная и комплексная, ничем другим она заменена быть не может. Но, само собой разумеется, истинный спрос определяется лишь свободным выбором на свободном рынке. Чем больше вмешиваются в него сверху государственные власти, тем больше этот спрос искажается и извращается. А вместе с ним деформируется и качество изделий.

Вот поэтому сам принцип государственной приемки порочен. В СССР повышенной требовательностью сверху хотят компенсировать отсутствие внутреннего стремления предприятий производить высококачественную продукцию. Так сказать, более длинным кнутом компенсировать черствость пряника. Но эта компенсация не может быть ни полной, ни, тем более, долгодействующей.

Государственные власти взяли на себя роль гаранта качества, ничуть не уменьшив при этом функции диктатора количественного роста. Эти две функции сплошь и рядом вступают в непримиримое противоречие.

Растягивающий, разрывающий дуализм государственной власти, в сущности, антидиалектичен. На автономном уровне конкретных предприятий квадратура круга „количество—качество” разрешается оптимальным путем, в спектре самых разных возможностей. Вплоть до самых крайних: при наилучшем решении — бурное обогащение предприятия, при наихудшем — вынужденное банкротство. Но каждое такое решение становится оптимальным для общества в целом. В условиях же колоссальной централизации и идеологических табу такой оптимальный „синтез” невозможен. Поиски наилучшего соответствия, наиболее правильного соотношения между количеством и качеством продукции неизбежно сворачивают на формально-бюрократический путь.

Даже если органы государственной приемки на местах будут абсолютно независимы от контролируемых предприятий, даже если они будут полностью компетентны и объективны (оба эти условия — чистая утопия), то и тогда это изменит проблему с качеством не намного и не надолго. Столкновение качества и количества, качества и требуемых цифровых показателей выполнения и роста обязательно произойдет. Если не на местном, то на более высоком уровне — главка, министров, Политбюро. И что победит в этом столкновении — предсказать трудно. Цифры „выполнения” и количественного роста, будь то в масштабах отрасли, области, республики или всей страны, — это основной и даже, по сути дела, единственный видимый индикатор административного умения руководителей, их соответствия своему номенклатурному положению. Иных индикаторов (демократические выборы, опросы общественного мнения, высказывания в прессе и пр.) структура тоталитарной иерархии не имеет. Что же будет, если вдруг все „показатели” начнут катиться вниз?

Вот поэтому рано или поздно (и скорее рано, чем поздно) соответствующие „сигналы” начнут идти по инстанциям вниз и чутко восприниматься органами госприемки. Там ведь работают люди, а не роботы. И после ка-

кого-то непродолжительного „времени потрясений” все опять вернется на круги своя. Разве что издержки производства и соответственно цена многих изделий останутся на более высоком уровне. В условиях порочной экономической структуры за результат всех

перестановок и нововведений, вызванных самими благами намерениями, расплачивается один адресат — рядовой потребитель. Хотя нынешнее благое намерение — государственная приемка — и прокламируется именно его, рядового потребителя, интересами.

Неразрешимые проблемы социализма

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Заключительная часть статьи. Полный текст — в ежемесячном „Посеве” № 2, 1987 г.

/.../

Преступность в сфере экономики — одна из глобальных проблем советского государства. Советское руководство уже забыло то время, когда провозглашало: преступность в СССР — родимое пятно капитализма, пройдет пятилетка-другая и с преступностью в условиях социализма будет навсегда покончено!

Советская торговля, общественное питание, глобальное хозяйство, здравоохранение, спорт и зрелищные учреждения, высшие и средние специальные учебные заведения; система заготовок сельскохозяйственной продукции, промышленность (особенно легкая и пищевая), жилищное строительство и жилищное хозяйство, транспортная сеть, военная промышленность, тыл армии и многое другое поражены массовой организованной преступностью; проблема справедливости советского законодательства — тема особая. /.../

Преступность в области материального производства

В последнее время КПСС вновь оживила термин — „нетрудовые доходы”. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, борьба с нетрудовыми доходами — важная функция советского государства. Горбачев разъяснил, что „зло” это особо получило распространение при Брежнев, в 70-х и начале 80-х годов. Негативные явления в экономике и социальных отношениях, по его словам, носили не только субъективный, но и объективный характер. О чем идет речь? О том,

что субъективное коренится в объективном, в тех недостатках, которые существуют в хозяйственном механизме, в планировании, в распределительных отношениях. Иными словами, разговор идет об *ущербности всей советской директивной экономики*. А выявлению всех этих „объективных” и „субъективных” причин порочности советской системы способствуют криминологические исследования.

Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности исследовал причины хищений в системе Минлепрома. Не секрет, что производственная продукция накапливалась на складах, вовремя не реализовывалась. Это и создавало возможности для различного рода хищений путем списывания „ненужных” товаров. Но такие „негативные” явления породили и социальные последствия: значительная прослойка людей пользовалась бесхозяйственностью на предприятиях и обогащалась⁴.

Но только ли в жуликах дело?

Исследуя дело рабочих-модельщиков Экспериментально-производственного предприятия (ЭПП), профессор А. Яковлев установил следующие обстоятельства⁵:

1) Многие промышленные предприятия остро нуждались в изготовлении деревянных моделей для литья при выпуске несерийных изделий из металла; их отсутствие ставило под угрозу выполнение государственного плана, в частности могли быть сорваны важнейшие задания.

2) Правовой статус ЭПП, основанный на принципе „разрешено только то, что прямо предписано”, не допускал на законном основании изготовление дефицитных моделей для литья в необходимом объеме. Рабочие-

модельщики начали, вопреки статусу своего предприятия, выпускать модели для литья в качестве основного вида продукции, а затем открыли четыре подсобных цеха по производству моделей.

3) Острая потребность в моделях для литья привела к повышенным требованиям к количеству и качеству изготовленных незаконно (данное преступление относится как к первой, так и к четвертой группе преступлений в сфере экономики) в ЭПП моделей, что явилось основанием для повышения оплаты труда модельщиков. Бригадир в несколько раз завышал оптовые цены на эти изделия, часть денег шла в карман "советским предпринимателям", а другая часть — модельщикам.

А. Яковлев считает, что

"подобное преступление явилось результатом серьезных недостатков системы регулирования экономики, не позволивших оперативно и без нарушения закона удовлетворить изменившиеся объективные потребности"⁶.

Данный пример показывает очевидные пороки директивной экономики. Но он показывает и преимущества рыночного хозяйства (если бы оно функционировало в условиях современной России).

Порассуждаем. Правовой основой производства моделей для литья служили договоры. Производство заключало их с заводами, нуждавшимися в изделиях. Противоправность договоров состояла в завышении расценок на изготовление моделей для литья. Но расценки были определены устаревшим прейскурантом. Они не создавали материальной заинтересованности в быстром и качественном обеспечении потребности заводов в изделиях. Возникновение же недостаточных материальных стимулов (в нарушении нормативов), привело к совершению действий, расцененных судом как преступления. Социально-экономический аспект этого уголовного дела заключается в том, что объективным результатом преступной деятельности был значительный экономический выигрш ряда предприятий. *Это и есть пример коллизии между уголовно-правовой оценкой и экономической целесообразностью производственной деятельности в условиях советской директивной экономики.*

В жизни хищения сочетаются с частнопредпринимательской деятельностью. Похищенное имущество (сырье, денежные средства)

не изымаются, а пускаются в оборот. Изымается же для личного пользования прибыль, которую власти считают незаконной. Подобные преступления настолько завуалированы, что их не в состоянии раскрыть ревизоры. Вдумаемся в цифру: более 60 процентов случаев хищений, раскрытых следователями и контролерами, годами не приводили к выявлению недостач. Чем не пример мягкой деятельности частной фирмы, нелегально вмонтированной в условия директивной экономики?

Выявленные экономические дела подтверждают факт живучести частнопредпринимательской деятельности в СССР, часто осуществляемой путем организации мастерских, подсобных цехов, бригад и иных предприятий. Не реже случаи, когда, придавая частнопредпринимательский характер существующим и функционирующим государственным или общественным предприятиям и учреждениям, дельцы извлекают немалый доход. В одном из колхозов Подольского района Московской области действовала группа "советских предпринимателей", которые закупили оборудование, сырье, материалы и выпускали электротовары. Товар реализовывался через других предпринимателей из числа работников торговли. Деньги (прибыль), естественно, делились между членами группы.

Уясним важную мысль: в ответ на законную потребность гражданского общества возникает незаконная (с точки зрения советской власти) деятельность, то есть деятельность *общественная по форме, но частная по содержанию*. Еще более наглядная такая трансформация в случае, когда подобным образом действует государственное предприятие.

Чего боятся Горбачев с Лигачевым? Вот чего: в той мере, в которой происходит подобное перерождение социалистического предприятия, оно теряет свой государственный характер и подвергается процессу приватизации, частичному переходу в частное (групповое или личное) пользование.

Особенность данного общественного явления в том, что оно возникает (в экономическом аспекте) как реакция на необеспеченную общественную потребность. Советские дельцы, впрочем, как и их зарубежные коллеги, не дураки. Никто не организует производство товаров, не имеющих мгновенного сбыта. И еще: явление это проте-

кает в специфических условиях советского способа хозяйствования, а именно, исходное сырье либо похищается, либо получается в плановом порядке и присваивается, либо покупается по оптовым, твердым государственным ценам. Далее, оборудование (помещение, станки и др.) используется либо уже имеющееся на данном предприятии, либо приобретенное при помощи ухищрений — взяток, подлогов.

Как показали научные исследования, многие отрасли народного хозяйства страны, за исключением лишь некоторых — военных отраслей, никогда не получали полностью фондов материалов, особенно те, что выпускали товары массового потребления. Фондов давали нередко кому на 80, а кому и на 50—60 процентов. Заведомо! Вот и "крутились" по почти фатально предопределенной цепочке: обращались с письмами к "богатым" фондами предприятиям (нередко в военно-промышленный комплекс, там тоже любят деньги!); те передавали материал просителю (что само по себе нарушение). Нередко это "перераспределение" осуществлялось за взятки (вот первый негативный социальный результат недостатков планирования, наносящий удар по человеческому фактору)⁷.

Выше мы сказали о первом шаге в сферу экономической деятельности, "общественной по форме, но частной по содержанию". Отметим лишь, что к шагу этому, в новую "частногрупповую собственность", толкает советских хозяйственников не мифический Рокфеллер, а советская власть с ее неспособностью правильно управлять народным хозяйством.

Примечательно при этом, что план "выполняется" и теми, кто имел лишнее, даже отдав его просителю, и теми, кто получил фонды за взятку. Но цепочка потянулась дальше: давший взятку "восполнял потерянное" производством "левой" продукции, сбывая ее потом через торговую сеть и тем самым вовлекая в цепь преступлений все новых участников (вот и отрицательные социальные последствия порочности советской директивно-плановой экономики в целом).

Пороки советской экономики практически не оставляют иных возможностей для хозяйственников, как или уходить с работы, или разрешать несообразности системы путем нарушения уголовного кодекса.

Очень метко выразился профессор И. Карпец:

"Тут говорить нужно о том, что наряду с провалами в экономике, планировании и ресурсораспределении мы теряли на этом пути людей. Такие порядки (если их вообще можно назвать порядками) разлагали сознание также и тех, кто не попал в ряды правонарушителей, но наблюдал, к чему ведут несообразности в экономике, и тех, кто толком на эти несообразности не реагировал. Невольно хочется задать вопрос руководителям планирующих и снабженческих органов: кого и зачем мы обманываем, когда устанавливаем нереальные цифры и требуем их выполнения? Когда даем материалы на сто изделий, а требуем выпустить сто пятьдесят? Это только Иисус Христос пятью хлебами накормил толпу голодных"⁸.

Прогноз на завтра

И еще процитируем профессора Карпеца:

"Ученые-правоведы всегда должны исходить из того, что право, сфера его применения всегда были и будут ареной идеологической борьбы с противниками марксистско-ленинской теории и ярыми антисоветчиками. Необходимо давать решительный отпор их нападкам, но не догматически, а творчески, показывать превосходство советской науки и правоприменительной практики"⁹.

Что ж, примем вызов и попытаемся творчески, а не догматически разобраться в причинах экономической преступности. Попытаемся прислушаться к мнению советских криминологов.

Кандидаты наук В. Образцов и В. Ястребов:

"К сожалению, следует сказать, что общетеоретических знаний, в частности характеризующих криминалистические основы (общие положения) раскрытия преступлений, совершаемых в народном хозяйстве, в настоящее время недостаточно... В результате остаются невыясненными важные в криминалистическом отношении общие закономерности, лежащие в основе их совершения, взаимосвязи и взаимозависимости, определяющие единство основных принципов их раскрытия"¹⁰.

Профессор А. Сахаров:

"Таким образом, в современных условиях стремление обеспечить воздействие на преступность главным образом уголовно-правовыми средствами неоправданно, а оценка правоохранительной деятельности, исходящая лишь из состояния преступности, несостоятельна. Ориентация правоохранитель-

ных органов преимущественно на правоприменительную деятельность вредна, ибо она игнорирует негативные экономические, политические и нравственно-психологические последствия уголовно-правовых мер борьбы с преступностью и тем самым отвлекает от иных, не менее действенных, рациональных и более гуманных форм воздействия на преступность. Такая ориентация противоречит системному подходу к решению проблемы борьбы с преступностью, основанному на учете органической связи правоохранительной деятельности со всеми иными социальными институтами¹¹.

Профессор А. Яковлев:

"Таким образом, возникает ситуация, когда уголовный закон объявляет преступлением то, что объективно обусловлено несовершенством хозяйственного механизма. В литературе отмечается, например, что в самом законодательном определении подрядчика на капитальное строительство узаконен... производственный брак, допускаемый строителями. Здесь прямо указано на обязанность подрядчиками своевременно (!) устранять дефекты и недоделки, выявленные в процессе приемки строительно-монтажных работ, т. е. после окончания строительства. Тем самым как бы нормативно признано, что наличие недоделок и дефектов — явление обычное. Таким образом узаконенным оказывается брак в работе строителей, в то время как выпуск бракованной продукции заводами или торговыми предприятиями расценивается уголовным законом в качестве хозяйственного преступления¹².

Поговорим о прибыли тех предприятий, которые подобно упомянутому нами ЭПП вступили в сферу левой экономической деятельности, общественной по форме, но частной по содержанию, иными словами, о предприятиях, вступивших в процесс приватизации. При минимуме вложений — максимум личной прибыли. Главное — советский предприниматель использует ресурсы государства, а не свои — фирменные.

"Это становится возможным, — объясняет Яковлев, — в ситуации, когда пересекается ряд влияющих факторов: необеспечиваемая в существующих рамках хозяйственного механизма общественная потребность, с одной стороны, и, как ответ на эту потребность, производственная деятельность использующая государственную или общественную форму собственности, превращая ее (в этой части) в подпольную частную собственность — с другой. Дисфункции государственного хозяйственного механизма оборачиваются не контролируемой законом преступной деятельностью¹³.

Нам остается согласиться с крупным русским криминологом. *Экономическую преступность порождает само советское государство, исповедующее порочную систему ведения народного хозяйства, государство, не желающее считаться с запросами своего общества. Следовательно, экономическая преступность в СССР — вечный спутник социализма...*

Попробуем, вслед за А. Яковлевым, выделить отличительные черты "советского предпринимательства".

1. Действуя в условиях директивной экономики, предприниматель использует государственную собственность на орудия и средства производства как защитное средство, предохраняющее его от случайностей неблагоприятного экономического характера. Можно себе представить, сколько средств должен вложить капиталист в новое производство. У нас же деловой человек застрахован от убытков, связанных с изменением конъюнктуры. Заработная плата гарантируется государством. Убытки предприятия существенно на ней не отражаются.

2. Капиталисту нелегко — сколько долларов нужно вложить в бизнес, прежде чем получить солидный доход? В СССР — лучше. Благоприятные условия частной деятельности таковы, что незамедлительно ведут к обогащению частника.

3. Вписавшись в советскую хозяйственную систему, советский бизнесмен умело пользуется особенностями советского народного хозяйства. Посудите: основные затраты производит не фирма, а государство! Другой важный фактор: советский предприниматель избавлен от налоговых тягот! Левую прибыль, как понятно не только финансисту, налогом не обложишь¹⁴.

Вывод: советский предприниматель богатеть может беспредельно. И продолжаться это будет до тех пор, пока стоит советская власть: разорится частник не может, Горбачев с Лигачевым не позволяют. Ведь советские государственные предприятия банкротства не терпят!

А вдруг КГБ? Прокуратура? ОБХСС нагрянет? Разоблачили же Ивана Рябцева. Осудили к смертной казни. Верно. Рябцева расстреляли. И не его одного: в течение года в СССР казнят не менее ста осужденных за экономические преступления. Но говорили же мы, что в орбиту латентной преступности в сфере экономики втянуто уже более 30

миллионов человек! Значит, всех не пересяжешь, не расстреляешь! И тут уместно советским лидерам напомнить мнение основоположника. Маркс сказал: "Как историей, так и разумом в одинаковой мере подтверждается тот факт, что жестокость, не считающаяся ни с какими различиями, делает наказание совершенно безрезультатным, ибо она уничтожает наказание как результат права!"¹⁵

И нам вспомнился документальный фильм "Взятка". Его показывало Центральное телевидение 27 июня 1986 г. Там есть кадр — камера смертника. Железный ящик вместо окна, привинченные к полу койка, стол и табурет. И лицо человека, осужденного к смерти... за нарушение законов в сфере народного хозяйства. Это изможденное, небритое лицо с отчаявшимися страшными глазами запоминается навсегда! "Дошел я, дошел до ручки..." — шепчет он. А дикторский голос назидательно отвечает: "Кто виноват? Сам!" И тут глаза смертника вспыхивают гневом: "Кто виноват? А в корень надо смотреть!" Дальше ему говорить не дали, сцена оборвалась...

Он прав, этот человек, которого, возможно, уже нет в живых. "Смотреть надо в корень!"

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М. Кашевник, А. Черненко. Конец подпольного треста. "Советская Россия", 14—16 февраля 1986 г.
2. Ф. Незнанский. Статистика преступности в СССР. "Посев", № 5, 1979, с. 51.
3. Криминология. М., 1966, с. 227.
4. И. Карпец. Экономические отношения и право. "Наука и жизнь", № 10, 1986, с. 126.
5. А. Яковлев. Преступность в сфере экономики. "Советское государство и право", № 4, 1986, с. 48.
6. Там же, с. 49.
7. И. Карпец, цит. статья, с. 127.
8. Там же.
9. И. Карпец. Правовая наука и практика борьбы с преступностью: перспективы укрепления взаимодействия. "Советское государство и право", № 12, 1985, с. 10.
10. В. Образцов, В. Ястребов. О комплексном подходе к проблемам борьбы с преступлениями в народном хозяйстве. "Вопросы борьбы с преступностью", № 29, 1978, с. 65.
11. А. Сахаров. Правоохранительная деятельность и преступность. "Советское государство и право", № 1, 1986, с. 90.
12. А. Яковлев, цит. статья, с. 53.
13. Там же, с. 50.
14. Там же.
15. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 123.

Туфта с ускорением

А. РЯДНОВ

Опубликованы данные ЦСУ об экономических итогах 1986 года. Данные, прямо скажем, замечательные. Национальный доход при плане роста в 3,8% вырос на 4,1%. Промышленная продукция — на 4,9% при плане 4,3%. Производительность труда в промышленности возросла на 4,6% при плане 4,1%, а вообще производительность общественно-го труда возросла за год на 3,8%, насколько планом и предусмотрено.

Эти цифры и дали Горбачеву возможность говорить на пленуме ЦК КПСС в конце января о прекращении негативных тенденций в развитии народного хозяйства, о сдвигах, о положительных переменах, о решительном ускорении и т. д. В аналогичных выражениях комментировали данные ЦСУ многочисленные обозреватели и комментаторы. „Пере-

стройка набирает темп!" — под таким девизом выступал на пресс-конференции в МИД СССР начальник ЦСУ М. Королев. Пресс-конференция — любопытный штрих — была организована главным образом для иностранных журналистов.

Мы понимаем, конечно, что Горбачеву остро необходимы зримые „перемены к лучшему". Но зачем же так грубо, на каких наивных людей эта цифровая эквилибристика рассчитана? Вот, к примеру, комментарий „для заграницы" политического обозревателя АПН Г. Писаревского:

„Не все перемены к лучшему можно выразить языком статистики, но то, что поддается такому переводу, выглядит убедительно. Потребление спиртных напитков снизилось на 37%. Смертность в рас-

чете на 1000 жителей уменьшилась с 10,6 в 1985 году до 9,7 в 1986. Особенно резко сократилась смертность от несчастных случаев, отравлений и травм. Впервые за 10 лет пошла вверх средняя продолжительность жизни, поднявшись до 69 лет”.

Может быть, продажа спиртных напитков в магазинах и снизилась на 37%. Но потребление? Из какой только дряни ни начали гнать эти самые „напитки”! А насколько повысилось потребление одеколона, политуры и прочей тормозной жидкости? Газеты были полны описаний массовых отравлений метиловым спиртом или разными растворителями, в больницах открыты специальные отделения для химических отравлений, а в конце года, пожалуйста, — „резко сократилась смертность”! За счет чего она вообще могла так резко, больше чем на четверть миллиона, сократиться за один год? Война в Афганистане продолжалась. Катастроф с массовыми смертями в истекшем году было особенно много, вспомнить лишь Чернобыль или „Адмирал Нахимов”. Даже если данные ЦСУ по смертности и средней продолжительности жизни и корректны (что весьма сомнительно), то ни о какой тенденции они еще свидетельствовать не могут, для этого один год — слишком малый промежуток времени.

Замечательные годовые итоги входят в труднообъяснимое противоречие с тем, как этот год протекал, с теми откровенными признаниями, которые принесла с собой „новая гласность”.

Возьмем проблему приписок. В 1986 году периодическая печать довольно много и остро обличала очковтирательство, приписки, порочную практику обмана государства. Но вот кончился год — и все в лучшем виде. Как это понимать — все многочисленные приписки скорректированы и вычтены? (Очень интересно было бы узнать, как это сделано технически. И как это вообще возможно.)

Например, 26 октября 1986 г. газета „Советская Россия” опубликовала беседу с председателем Комитета народного контроля РСФСР В. Конновым, под характерным, между прочим, заголовком „Обман”. В ней Коннов говорит о том, что практика обмана государства набирает темп — надо полагать, вместе с перестройкой. Если в 1984 и 1985 годах районные комитеты народного контроля привлекли к ответственности в общей сложности около 39 000 должностных лиц,

то в первой половине 1986 г. — свыше 11 000. Рост налицо. Коннов пишет:

„... само явление (приписок. — А. Р.) не только не идет на убыль, а получает довольно распространенный характер... Статистика такова: в каждых четырех из пяти проверок в сфере материального производства мы встречаемся с приписками”.

В. Коннов популярно объясняет механизм этого явления:

„Стремясь к общим выгодным результатам, вышестоящие инстанции — управления, главки, руководство министерств и ведомств — не только закрывают глаза на ложную информацию, поступающую из производственных коллективов, но и прямо стимулируют ее”.

Ну, а Центральное статистическое управление при Совете министров, в какой роли выступает оно? Лишь беспристрастно фиксирует? А Горбачев, который торжественно объявляет суммарные результаты? Он тоже „стимулирует” или к припискам никакого отношения не имеет?

„Большой вред, — пишет В. Коннов, — наносят и межведомственные сделки — еще одна разновидность обмана государства. Министерства как бы сговариваются, объединив усилия, выпускать то, что не принесет пользы, считать качественным негодное, и так далее. Неестественная ситуация, не в интересах общества, но кому-то она на руку, и это оказывается решающим обстоятельством”.

Ситуация, скажем со своей стороны, для реального социализма самая естественная. И на руку она всем номенклатурным руководителям, чем выше — тем больше. В тех замечательных результатах, которые были торжественно объявлены пленуму ЦК и всему советскому народу, „ведомственные сделки” составляют, надо полагать, немалую долю.

В 1986 г. Комитет народного контроля РСФСР провел комплексную проверку лесного хозяйства республики.

„Результаты плачевные: факты приписок и других искажений отчетности о производстве продукции обнаружены на четырех из каждых десяти проверенных предприятий”.

А вот итог за год: Минлесбумпром СССР выполнил план на 100,8%. По сравнению с 1985 годом план по объему производства выполнен на 105%, а по производительности

труда — на 106%. Может быть, лесные хозяйства Азербайджана или Туркмении подмогли России, поэтому в целом СССР и вышел на вполне приличный уровень? Впрочем, годовые показатели химико-лесного комплекса РСФСР („Советская Россия”, 3.2.1987) столь же хороши.

Советская статистика выполнения и перевыполнения — это, пожалуй, самый устойчивый мировой феномен, никакие катастрофы и стихийные бедствия на нее не влияют. Страшная катастрофа в конце апреля в Чернобыле, из строя почти до конца года выходят 4 крупнейших реактора РБМК-1000. В августе в Бене заместитель директора института им. Курчатова Легасов доложил в МАГАТЭ, что советское правительство отключило еще 27 реакторов „чернобыльского” типа. Это больше половины реакторного потенциала страны. А по окончании года узнаём, что ничего особенно страшного не произошло, Минагомэnergо СССР (только атомные станции) недобрал, оказывается, всего 7% годового плана.

В середине октября за катастрофическое загрязнение Ладоги было закрыто крупнейшее предприятие Минлесбумпрома — Приозерский целлюлозный завод. Он давал четверть вискозной целлюлозы страны, на полтора миллиарда рублей в год товаров народного потребления. Школьник, знакомый уже с дробями и процентами, может в качестве учебного примера подсчитать, как это должно было отразиться на выполнении годовых планов. Но он, конечно, крупно ошибется. Суммарный план по бумаге выполнен на 102%, по химическим волокнам — на 100,6%, товаров бытовой химии страна получила на 103%. Непотопляемый Минлесбумпром, как мы уже знаем, выполнил годовое задание на 100,8%. Закрытие министерского флагамена и раскрытие приписок, так сказать, уравновесили друг друга...

В августе Молдавию постигло сильное землетрясение. Газеты (например, „Известия”), хоть и скупо, но на этот раз писали об огромных разрушениях и больших предстоящих расходах по восстановлению предприятий, зданий и пр. Однако республике это все — как укусы комара: по отношению к 1985 году план по производительности труда выполнен на 105,3%, а по объему производства — на 106,2%. Выше, чем среднереспубликанский уровень. Руководители Молдавии, в том числе и первый секретарь ЦК Гроссу,

уже были отмечены как активные очковтиратели. Они получили порицания и выговоры в свои учетные карточки, а ЦСУ — их сфальсифицированные цифры в свои сводки. Что в сводки ЦСУ попало, то пропало, оно уже обратного хода не имеет. Это как в хрущевские времена: зарвавшийся „приписчик”, первый секретарь Рязанского обкома Ларионов покончил с собой, а его мифические коровы еще долго бродили по отчетам ЦСУ, демонстрируя экономические успехи „нашего дорогого Никиты Сергеевича”. Благо и кормить их было не нужно, с кормами и тогда было трудно.

В четвертом квартале 1986 г. была введена госприемка на 1500 предприятиях страны. В газетах стали писать о том, как трудно стало сдавать продукцию контролерам госприемки с первого предъявления, о том, что многие предприятия резко снизили „процент выполнения”. Кое-где рабочие, получающие от сданной продукции, стали терять до 25–30% зарплаты („Советская Россия”, 16.12.1986). А это уже фактор веский. Но даже если допустить, что к концу года вся несданная за IV квартал продукция была „проведена”, то произошло это со второго-третьего предъявления, а значит, с гораздо большими трудозатратами. То есть производительность труда существенно снизилась. Откуда же такой замечательный рост, как по объему производства, так и по производительности труда, по сравнению с 1985 годом, в котором госприемки не было?

В газетах полно статей о заготовивании неходовых тканей, швейных изделий, трикотажа, обуви. А годовое производство всех этих товаров выросло на 2-3% по сравнению с 1985 годом. Кому нужна эта процентная туфта? Горбачеву для демонстрации успехов? Так сказать, туфта с ускорением?

В газетах полно статей о некачественных телевизорах, холодильниках, стиральных машинах, мебели и пр. У бедной торговли уже места на складах не хватает. Но зато какие красивые цифры: телевизоров выпущено на 100,7% по отношению к предыдущему году, холодильников — 101%, стиральных машин — 106%, часов — 104%, мебели — 105%... И ведь не закрыли ни одного завода, выпускающего некачественную, не пользующуюся спросом продукцию! Следовательно, станет еще больше изделий, которые, пролежав несколько лет на складах, будут затем списаны, переплавлены или сожжены. Спрашива-

ется, кому нужна эта цифровая липа, эта туфта? Только министерствам или Политбюро и самому Горбачеву тоже?

„Заскладированные” пластмассовые ботинки или стиральные машины без выжимки белья — это лишь видимая верхушка огромного айсберга. Горбачевская гласность, как прожектором, осветила его подводную часть, и от размеров этого айсберга можно прийти в смутнение. Вот что пишет, например, доктор экономических наук О. Лацис в статье „По-новому взглянуть...”, опубликованной в теоретическом и политическом журнале ЦК КПСС „Коммунист” (№ 13, сентябрь 1986 г.). Прошу у читателя прощения за длинную цитату, но из экономической песни, пропеты „Коммунистом”, слова, как говорится, не выкинешь:

„За период 1971–1985 годов национальный доход, используемый на потребление и накопление, возрос на 80%. За это же время запасы товарно-материальных ценностей в народном хозяйстве возросли на 184%, то есть увеличивались более чем вдвое быстрее. Для опережающего роста запасов в целом по народному хозяйству нет объективных оправданий. Технический прогресс, как правило, ускоряет оборот ресурсов. На практике в течение всей восьмилетней пятилетки (1966–1970 гг. — А. Р.), когда экономическая реформа (так называемая „косыгинская”. — А. Р.) создала некоторую заинтересованность предприятий в лучшем использовании производственных фондов, запасы в промышленности росли медленнее, чем объем производства. Поэтому мы вправе считать излишней, избыточной ту часть запасов, которую образовал их приток сверх темпов роста национального дохода. Чему же равен этот избыток? Если бы запасы в народном хозяйстве после 1970 года возросли лишь в той же мере, что и национальный доход, они составили бы сегодня 294 миллиарда рублей. А фактически их накоплено на 463,5 миллиарда. Излишек, то есть омертвленные средства, — 169,5 миллиарда рублей. Для сравнения: стоимостной „вес” всего запланированного на двенадцатую пятилетку ускорения (превышение национального дохода, который мы получим за пять лет при запланированных темпах, по сравнению с тем, что было бы при более низких темпах прошлой пятилетки) составляет примерно 84 миллиарда рублей”.

Может быть, при Горбачеве дело кардинально изменилось и тенденции к накоплению „омертвленных средств” больше не существуют? Цитируем дальше.

„Приведенный выше примерный расчет был опубликован автором этих строк в газетной статье в де-

кабре 1985 года (статья О. Лациса „Как включить вторую ступень” в „Известиях”; цифры из нее были мной использованы в „Посеве” № 3, 1986. — А. Р.), в ходе обсуждения предсъездовских документов. Полгода спустя Комитет народного контроля СССР рассмотрел вопрос о работе Московского главного территориального управления Госнаб (Мосглавнаб) по вовлечению в оборот сверхнормативных запасов материальных ценностей. Оказалось, что дело не изменилось к лучшему”.

Но если это так, если тенденция к приросту запасов сверх темпов роста национального дохода сохранилась, то какова цена сверхплановому росту национального дохода? Чем больше растет национальный доход (и все эти цифры и проценты, его образующие), тем больше, следовательно, накапливается на складах омертвленных запасов, тем больше труда, сил и средств граждане страны перемальвают в ничто. И чем тогда так гордится Горбачев? Сожалеть надо, а не гордиться; стыдиться, а не торжественно рапортовать.

Накопление сверхзапасов и в горбачевский период не изменилось.

„Да и не могло измениться, — продолжает экономический комментатор, — без коренной перестройки всей системы (курсив наш. — А. Р.) хозяйственных связей. Масштабы экономического бедствия таковы, что его не объяснить лишь недобросовестностью отдельных ответственных работников”.

„Хозяйственные связи” здесь, конечно, для легкой мимикрии. Все равно, как сантехник дядя Гриша, хитро прищурив глаза, объясняет жалующемуся жильцу: „Система плохая. Надо менять систему”. Речь идет именно о *перестройке всей экономической системы реального социализма*. Дальнейшие рассуждения О. Лациса делают этот вывод бесспорным. Взять хотя бы такой абзац:

„Дальнейшая отладка системы должна обеспечить такую обстановку, чтобы прибыль можно было заработать только эффективным созданием подлинной, общественно признанной и оплаченной потребителем стоимости — и только тому и в той мере позволять этой прибылью распоряжаться, кто и в какой мере ее подлинно заработал”.

Простите, но что это такое? Это та самая конкурентно-рыночная экономика „загнивающего капитализма”, которую коммунисты предавали анафеме на протяжении всей сво-

ей истории, начиная с Ленина, начиная с Маркса и Энгельса. И вот, пришли к итогу...

Долгие годы наш журнал „Посев“ утверждал необходимость коренной перестройки

затратной, порочной экономики реального социализма. Что ж, сегодня мы удовлетворены: к нам присоединился и теоретический орган ЦК КПСС журнал „Коммунист“.

Не мешать требованиям жизни

Закон „Об индивидуальной трудовой деятельности“ принят Верховным советом СССР 19 ноября 1986 г. В действие он должен войти с 1 мая 1987 г. Оценки Закона специалистами весьма противоречивы. Не в последнюю очередь потому, что в нем весьма нечетко очерчены границы прав „индивидуального труженика“, а также прав и обязанностей государственных инстанций.

Беседу о новом законе на страницах нашего журнала ведут Ф. Н. Редлих и А. М. Югов.

А. Ю. Итак, Ваше первое впечатление, Роман Николаевич, об этом законе?

Р. Р. Первое, что бросается в глаза, это чрезвычайно узкая сфера приложения закона. Он не касается или почти не касается индивидуальной трудовой деятельности в сельском хозяйстве и в торговле, которая, очевидно, не рассматривается вообще как трудовая деятельность. Он регулирует лишь ремесленную деятельность, бытовые услуги и некоторые свободные профессии. Разрешены промыслы и услуги скрупулезно перечислены, а заниматься ими люди могут только в свободное от работы время и только силами совместно проживающей семьи. Законодатель чрезвычайно озабочен тем, чтобы не выпустить инициативу и самостоятельность граждан за узкие, буквально микроскопические пределы. Все верховные толкователи не перестают подчеркивать недопустимость наемного труда и, тем самым, эксплуатацию человека человеком.

А. Ю. Иными словами, и ребенка родить, и невинность соблазнить... Но, с другой стороны, если рассматривать этот закон как начало изменения экономической структуры, как официальную реабилитацию частной трудовой деятельности, то можно понять осторожность законодателя, опасавшегося слишком бурного развития событий. Начало кардинальных перемен может быть и осторожным, лишь бы не прекращалось их логичное развитие.

Закон ведь с неба не свалился. Он принят под сильнейшим психологическим давлением населения, ожидающего реформ и давно назревших улучшений снабжения, всей инфраструктуры обслуживания. Закон, конечно, настаивает на сохранении коммунистической догмы — недопустимости наемного

труда. Но в нем содержится — правда, не выказанный открыто — отказ от другой, не менее важной догмы: он молчаливо признает за индивидуальным тружеником право собственности на необходимые ему средства производства.

Р. Р. Шагом вперед это признание было бы, если бы оно не было молчаливым. В отношении кустарей-одиночек (еще не удостоенным наименования „индивидуальных тружеников“) оно и прежде практически было налицо. Любопытно, конечно, что в Законе средства производства стыдливо именуется „имуществом“...

Главный встроенный в него тормоз не в этом, а в принципе: частной трудовой деятельностью человек может заниматься только после своей основной работы. Что это означает? Минимум полуторговая рабочая неделя для тех, кто захочет проявить инициативу и что-то подработать. И это, видите ли, эксплуатацией не называется! Тот же принцип, что и на приусадебных участках в колхозах: хочешь поработать на себя — отработай полный день на государство. Государственная барщина! Конечно, так человек долго не выдержит. Через какое-то время он начнет всячески халтурить на основной работе. Где же здесь останется повышение производительности?

А. Ю. Что ж, первоначальный рост суммарной производительности может идти лишь за счет количества дополнительного труда. Иллюзий здесь нет, страна слишком отстала во всех сферах, особенно в сфере обслуживания. Навыки, механизация, специализация — все это придет, если процесс будет развиваться. Разумеется, если участник преуспевает, то эта его деятельность должна стать основной. Его производительность труда может эффективно расти только, если он из любителя станет полноправным профессионалом.

Р. Р. Как же Вы видите внесение этого профессионализма? Ведь в статье 3-ей Закона недвусмысленно сказано, что полностью заниматься индивидуальной трудовой деятельностью могут только домашние хозяйки, инвалиды, пенсионеры, студенты и учащиеся. Согласитесь, Александр Михайлович, что на этом контингенте далеко не уедешь.

А. Ю. Ну, в конце концов, каждая работающая женщина может предварительно перейти на положение домашней хозяйки... Но и в самом законе есть возможность расширительного толкования. В конце этой же статьи сказано, что „такой деятельностью могут заниматься также и другие граждане, не занятые в общественном производстве“.

Р. Р. Кто же эти „другие граждане“? Тунеядцы? Бичи? Ведь в реальном социализме не должно быть граждан, не занятых в общественном производстве.

А. Ю. А это уже будут решать местные власти. В Законе ведь сказано, что исполкомы выдают разрешение (патент) на индивидуальную деятельность „с учетом общественных потребностей“. Следовательно, если им очень нужно, то они смогут записать в „другие граждане“ и работающего человека, который для этого уйдет с работы.

Р. Р. Верно. Но какие исполкомы? От районного уровня и ниже. А кто будет учитывать общественные потребности? Разумеется, вышестоящие инстанции, в первую очередь партийные. Они не допустят „разбазаривания кадров“ и перекачки их в „непервостепенные“ производства.

Существенно также, что индивидуальная трудовая деятельность может осуществляться лишь „совместно проживающими членами семьи“. А кто сейчас в городах проживает „совместно“, даже с родителями?

А. Ю. Конечно, это барьер. Но обходить его будут по-разному, начиная с фиктивной прописки и кончая фиктивным браком. Власти это наверняка понимают. И будут закрывать глаза на различные фикции и подделки, раз уж они пошли на такой закон.

Р. Р. Итак, все зависит от попустительства местных властей. Они должны угадать, как правильно поступить в каждом конкретном

случае. Мало того, они же должны, согласно статье 5-й, оказывать „действие в приобретении сырья, материалов, инструментов и иного имущества“. То есть фондируемого дефицита? Они также должны предоставлять частнику в аренду „нежилые помещения“. Где эти свободные помещения, ждущие, чтобы их сдали в аренду?

А. Ю. Конечно, это красивые слова, не подкрепленные реальностью. Конечно, настоящего дефицита нет и на рынках, куда статья 4-я Закона отсылает потенциального частника. И частник вынужден будет добывать сырье, материалы и запчасти незаконными методами, подкупая их хранителей и производителей. А переплата всем посредникам ляжет на потребителя.

Положительное зерно я здесь вижу в том, что через какое-то время перед властями в полный рост встанет задача бесперебойного обеспечения „индивидуальной трудовой деятельности“ всем необходимым, чтобы эффективность частника росла, а не снижалась. Если этот Закон не должен остаться на бумаге, то властям придется подыматься на следующую ступень — ликвидацию фондирования и введение рыночных отношений.

Р. Р. Эта желаемая Вами следующая ступень не только не в компетенции местных властей, она не в компетенции социализма вообще. В Законе она не просматривается.

А. Ю. Но она логически вытекает из естественного развития событий, если смотреть на два хода вперед. Иначе зачем огород городить?

Р. Р. Ну, это мы забегаем далеко вперед. В настоящее время реальность такова, что обеспечение потенциального частника всем необходимым будет по-прежнему делом рук самого частника, его предпринимости, как правило, с нарушением закона. А следовательно, с риском. В таких условиях регистрация означает не только уплату налогов, но и раскрытие собственных незаконных операций.

А. Ю. Да, это верно, но не для всех. Для врачей, педагогов-репетиторов и т. п. такой опасности нет. Это будет особенно актуально лишь для тех частников, чья деятельность связана с постоянным приобретением вечно-

го дефицита. Для разного рода ремесленников, ремонтников автомобилей или бытовых приборов, радиотелевизионной аппаратуры и т. п. возможность успешной частной деятельности наверняка будет функцией их „возможностей“ на основной работе. Такой частник, может быть, и будет уклоняться от регистрации. Но будет и усиливающееся государственное давление, более напористый контроль. В конце концов, такого рода частника придется выбирать.

Р. Р. Легализируя таким вот образом вторую экономику или, точнее сказать, часть ее, государство во многих случаях рискует даже притупить частную трудовую активность. Мало того, что ты должен подрабатывать после рабочего дня (а не в течение его, на работе), мало того, что ты теперь больше на виду по части незаконных „добываний“, так будет еще полон рот хлопот с отчетностью и уплатой налогов. Для человека попроще это очень нелегко. Не окажется ли Закон дополнительным тормозом? Не даст ли он в каких-то случаях противоположный эффект?

А. Ю. Здесь должен вступить в силу другой закон — экономический закон спроса и предложения. Если в каких-то видах обслуживания потребитель не ощутил улучшения, а даже, наоборот, ухудшение, то он, опираясь на Закон, может теперь громче выражать свое недовольство. Для чего, мол, тогда Закон принимали? И властям придется соответствующему частнику делать известные послабления: снизить налог, облегчить отчетность, не замечать нарушений. Где-то даже наладить снабжение запчастями и сырьем.

Р. Р. Жалобы потребителя до сих пор ничего не меняли. Вопрос налогов трудно обсуждать, в Законе о них ничего не сказано. Но не думаю, чтобы, издавая Закон, власть стремилась бы душить кустаря-одиночку непомерным налогом. Решающим остается вопрос материального снабжения. Как вырваться из заколдованного круга нехваток и дефицита? Дает ли здесь Закон хоть какие-то новые возможности?

А. Ю. Прямых возможностей, может быть, и не дает, но появляются возможности обходных путей. В статье 4-й Закона сказано, что индивидуальные труженики могут вступать „в договора имущественного найма с

предприятиями, учреждениями и организациями“ для „использования сырья, материалов, инструментов и другого имущества... переданного заказчиком“. А хорошо известно, что на складах советских предприятий лежат материальные ценности на сотни миллиардов рублей. Даже те из них, которые предприятию не нужны ни для обмена, ни про запас, руководитель предприятия сегодня не может реализовать, не ставя себя под уголовную ответственность. Новый Закон дает если не прямую возможность такой реализации, то определенные лазейки. Конечно, и тут не обойдется без нагревающих себе руки посредников. Но если социалистические склады немного „похудеют“, а обслуживающие рядового человека немного улучшатся, то мы это расценим сугубо положительно. И это еще один стимул для регистрации частника.

Р. Р. Да, это реальный стимул. Но это потребует расширительного толкования Закона, задуманного и сформулированного ограниченно. Закон не столько стремится развязать руки частнику, сколько взять под контроль явления, давно уже существующие в жизни страны. А тем самым ограничить их и не допустить дальнейшего бесконтрольного роста. Сравните цифры. Как сообщил председатель Госкомитета по труду и социальным вопросам И. Гладкий, учтенных частников всего по стране немногим более 100 тыс. человек. А занимающихся „индивидуальной трудовой деятельностью“, по оценке „Известий“, — 17—20 миллионов. В. Губарев, заместитель министра юстиции РСФСР, прямо говорит, что разного рода услуги, оказываемые населению частным порядком на сумму 10—12 миллиардов рублей ежегодно, будут взяты под эффективный контроль, „чему, собственно, и служит принятый Закон“. Для эффективного контроля, без сомнения, понадобится разветвленный и дорогостоящий аппарат бюрократической проверки, учета и оценки деятельности новоявленного „индивидуального труженика“. Мы знаем, насколько отличается всеобъемлющий социалистический контроль от финансового контроля в странах свободной экономики, где он построен по принципу рентабельности, где он выборочный. Где гарантии, что этот эффективный, а следовательно, всеобъемлющий социалистический контроль не заткнет

те лазейки, которыми, с нашей точки зрения, и ценен этот Закон?

А. Ю. Частника, особенно такого бесправного, как нарождающийся советский „индивидуальный труженик“, задушить легко. Для этого даже не нужна ленинская экспроприация, его можно задушить налогами, что в свое время и было сделано Сталиным. В сегодняшних условиях его можно придушить и эффективным контролем, тщательным замуравывая все лазейки, эти поры, дающие „частному организму“ дышать и развиваться. Но тогда для чего же нужно вводить этот Закон? Здесь нет логики.

Р. Р. А какая логика была в ликвидации НЭПа? Ведь при НЭПе в двадцатых годах города уже начинали жить не хуже, чем до революции, а деревня жила порой лучше. Ленинский НЭП ведь был намного шире нынешних куцых уступок. При нем были восстановлены частные предприятия с применением наемного труда и собственными средствами производства. Они снабжали население и давали казне большой доход. Это была курица, несущая золотые яйца. Однако ее зарезали. Где тут была логика? Почему же мы теперь ждем логики от коммунистов? Что изменилось?

А. Ю. Я вижу большое принципиальное различие между ленинским НЭПом и нынешним. Хотя власть это различие тщательно замалчивает. Ленинский НЭП с самого начала рассматривался партией как временное отступление для преодоления последствий послереволюционной и послевоенной разрухи. Ленин с соратниками были убеждены, что затем они, конечно же, поставят страну на социалистические рельсы. И действительно, поставили. Но, двигаясь по ним, поезд социализма зашел в тупик. Нынешние руководители КПСС это видят, хотя и не признают вслух. Теперь же они хотят втихую расширить рамки реального социализма, втянув в него частного. Использовать его, частного, энергию и инициативу, присвоив ему звание „индивидуального труженика“. Фиаско этого замысла теперь неминуемо было бы уже и по самой власти. Это позволяет надеяться, что власть не будет препятствовать расширительному толкованию Закона. И индивиду-

альный труд, как в Венгрии и Китае, сможет развиваться и укрепляться с пользой для себя и потребителя.

Р. Р. Свежо предание, да верится с трудом... Вам возражает не кто иной, как тот же Гладкой: „совершенно очевидно, что принимаемые меры не означают возврата в какой бы то ни было форме к частной предпринимательской деятельности, а высказывания и измышления на этот счет некоторых буржуазных деятелей абсолютно беспочвенны“. Это уже прямо в Ваш адрес. А тот же Губарев утверждает, что без индивидуальной трудовой деятельности государство не может обойтись лишь „пока“ и „еще в течение некоторого времени“.

А. Ю. А что же Вы хотите, чтобы они говорили? Что, мол, мы, коммунисты, всегда шли не тем путем и сейчас должны нести за это ответственность? Конечно, они так не скажут.

Обратите внимание на интересный феномен. Главные партийные деятели, включая самого Горбачева, об этом Законе не проронили ни слова. Хотя на какие только темы Горбачев ни высказывается! А ведь последствиями Закона могут стать серьезные структурные изменения в экономике страны. Второстепенные же деятели, говоря о Законе, всячески стараются принизить его значение, окружить оговорками. Издают закон — и стыдятся его...

Суть ведь не в словах, суть в требованиях жизни. Живая жизнь потребовала этого Закона, живая жизнь требует его расширения. Процесс неминуемо пойдет так: либо Закон превратится в филькину грамоту, лишь компрометирующую марксистско-ленинские догмы, либо он будет теснить эти догмы на практике. И такого реального отступления догм нельзя будет не заметить. Что бы при этом ни говорили партийные вожды.

Р. Р. Иначе говоря, Закон будет полезен стране и обществу, если власть захочет применить к индивидуальной трудовой деятельности солидаристический принцип оптимальной поддержки гражданской самодетельности. Как минимум, это означает одно — не мешать. Не мешать реально встающим требованиям жизни.

Политизация и антиполитика

В. РЫБАКОВ

Говорят, что слово — преддверие действия. Генсек Горбачев наговорил столько, что прямо чуда жди: дошел даже до слова „революция”...

Вероятнее всего, XXVII съезд имел целью подготовить часть партийной номенклатурной массы к будущим серьезным изменениям в социалистическом государстве; другую же часть, более спокойную и консервативную, подвергнуть проверке „на гибкость” и, в зависимости от результатов, определить размеры чисток в будущем. Происшедшие удивительные события на съездах писателей и кинематографистов также поразили умы (см. „Посев” № 8 и № 9, 1986).

Однако можно ли, нужно ли в произносимых с начала горбачевской „эры” необычных речах видеть реальную подготовку к проведению глубоких или даже глубочайших реформ? И так ли они необычны? Конечно, да, — если сравнить их с брежневским боло-том. Нет, как будто, — если сравнить с процессом десталинизации, вспомнив в нем роль Хрущева, Маленкова и даже Берии. Многие деятели искусства, литературы считали тогда, что коммунистическая власть в нашей стране вступила на путь, который неизбежно приведет к восстановлению в России демократических законов и обычаев. И еще в 60-х годах некоторые из них уверяли, что „Новый мир” был журналом, стоящим в оппозиции реакционному журналу „Октябрь”. Будто не очевидно, что оба журнала всегда подчинялись (и не могли иначе) политике Политбюро; что номенклатурный партиец Твардовский был исполнителем, и только исполнителем, решений высших номенклатурщиков во главе с Хрущевым.

И, тем не менее, такие мысли, такая уверенность были! Может ли быть такая уверенность при Горбачеве? Вряд ли. Даже когда он выкрикивает слово „революция”, мысль о нем и о всем руководстве как о консерваторах-прагматиках так, видимо, сильна, что не только взрывчатые слова, но и радикальные действия с трудом могут пробить броню скепсиса, которую на себя надела большая часть нашего гражданского общества.

Оправдан ли этот скептицизм, можно решить, только попытавшись найти и сформулировать как причины, толкнувшие Хрущева и партийное руководство на поиски постсталинских реформ, так и причины, толкающие Горбачева и партийное руководство к „перестройке” (революционной, к тому же) в настоящее время.

Прежде всего совершенно очевидно, что как частичные реформы 50-х и начала 60-х годов, так и курс на „перестройку” 80-х — не результат действия внезапно освободившихся и получивших власть новых политических сил, долго созревавших в недрах коммунистического партийного государства. Они — вынужденная, и только вынужденная, мера, на которую пошли и, возможно, еще пойдут стоящие у власти коммунистические чиновники.

Чиновник есть в своем роде символ консерватизма, самого закоренелого — вне зависимости от режима, которому он служит. Но если в демократических и авторитарных режимах чиновник, как правило, подчиняется меняющимся на политической арене силам, то в тоталитарных режимах чиновник и есть высшая власть. Поэтому немудрено, что самая консервативная, менее всего способная на реформы — власть коммунистическая.

Тем не менее, эта власть провела десталинизацию и поразила мир, который пожелал увидеть в десталинизации акт доброй воли, стремление советского руководства создать более гармоничную, выгодную для всех слоев общества государственную машину. Запад пожелал также увидеть в „мирном сосуществовании” отказ коммунистических чиновников от взгляда на него исключительно как на врага. Запад, разумеется, ошибся. И за свою ошибку заплатился — потерей большого количества стран с населением, в общей сложности превышающим 100 миллионов человек, вступивших на „коммунистический путь”. Это — была цена разрядки.

Цель десталинизации была: обеспечить многомиллионной номенклатуре в настоящем и будущем максимум безопасности, ко-

торой у нее при Сталине не было. Все принятые „революционные“ (хотя тогда это слово Хрущев не произнес) меры, — от отказа от неограниченного террора до публикации „Одного дня Ивана Денисовича“, — были подчинены этой цели. И реформа была в основном политической. У тогдашнего руководства не было императивных причин проводить экономические реформы, нарушающие в какой бы то ни было мере коммунистическую систему накопления и распределения: СССР становился сверхдержавой, коммунистическая система имела успех в мире — для нее наступило время дальнейшей экспансии.

Было бы несправедливым отказать в храбрости прошедшим десталинизацию сталинским сатрапам. Для тех, кто утонул бы в пролитой ими крови, для тех, кто обрушил на своих соотечественников неисчислимые страдания, пойти затем на освобождение миллионов заключенных, дать своим преступлениям пусть относительную, но все же гласность, было делом не простым. Решиться на шаги, ограничивающие тотальность власти (даже если эти шаги сулили предполагаемую безопасность в будущем), было не так легко, особенно для чиновников.

В истории не раз бывало, что отсутствие гибкости, тупое упрямство приводили к гибели целые империи. Во всяком случае, советские высшие чиновники доказали, что они (по-ленински) способны на какие-то реформы.

В настоящее время у власти нет как будто видимых императивных причин идти на политические уступки обществу: внешне власть кажется стабильной. Но реформы экономические жизненно необходимы власти, без них СССР в скором будущем перестанет быть сверхдержавой со всеми вытекающими для власти последствиями (см. нашу статью „Какой страх сильнее“, „Посев“ № 1, 1986). Чтобы выдержать натиск научно-технического развития Запада, власти необходимо провести научно-техническую революцию в стране, а она, в свою очередь, неосуществима без глубоких и широких экономических реформ (китайцы это поняли, в достаточной ли мере?). Но чем глубже и шире будут экономические реформы, тем неизбежнее станут реформы политические.

Все утверждения, что реформы в СССР не выйдут за рамки социалистической системы, беспочвенны, поскольку перестройку внутри

системы реформами назвать нельзя. Многочисленные опыты, не только в СССР, показали, что стремление найти рентабельные формы социалистического хозяйствования всегда приводит к очередному тупику — кризису экономики страны. Даже самые радикальные меры, — физическое уничтожение самой непокорной части населения и крайние формы порабощения другой его части, — не приводят к желательным для власти результатам: гражданское общество отказывается продуктивно и качественно работать не на свое собственное благо.

Во всех социалистических странах все без исключения реформы, увенчавшиеся каким-то успехом, были связаны так или иначе с возрождением частной собственности. Другой путь не найден.

Если советские руководители во главе с Горбачевым (или другим генсеком) решатся на подлинные реформы, им неизбежно придется, допустив те или иные формы частной собственности, пойти на самоослабление тоталитарной системы — они будут вынуждены поставить ее в той или иной степени на авторитарные рельсы.

Авторитарные режимы не всегда гуманнее тоталитарных, но отличаются они тем, что предоставляют гражданскому обществу больше свобод. Признанное, например, авторитарным режимом право на частную собственность не может осуществляться без свободы передвижения товаров и, следовательно, людей. И если советская власть решилась бы перейти на авторитарный способ управления, то первым следствием глубоких экономических реформ должен быть отказ советского руководства от существующих форм прописки и трудовой книжки, стесняющих инициативу граждан.

На какие бы реформы, временно ее ослабляющие, ни пошла бы власть, она будет в конечном счете пытаться использовать эти реформы для своего усиления. Главный смысл реформ будет в том, чтобы дать власти „передышку“ и потом продолжить наступательное движение в мире. Основная же предпосылка для такого наступления — продолжение существования СССР как сверхдержавы.

Роль политической оппозиции

Первостепенная задача политической оппозиции в нашей стране — сделать все возможное, чтобы временное ослабление власти пе-

рестало носить временный характер. Ослабление власти всегда вызывало и будет вызывать усиление гражданской инициативы в обществе. С ослаблением власти усилятся национализм во многих республиках (вплоть до всплеск терроризма), образуются многочисленные национально-политические группировки, расширится религиозная деятельность, резко (как качественно, так и количественно) возрастет потенциал независимых профсоюзных групп.

Сама номенклатура также окажется под влиянием реформ. Например, в настоящее время очень небольшое количество номенклатурных работников отдает себе отчет в том, что их уровень жизни (не говоря уже об уровне свободы) не выше, а чаще всего ниже, чем у среднего служащего на Западе. Сегодня система распределителей, с одной стороны, и отсутствие достаточной информации, с другой, создает у номенклатурщиков иллюзию исключительности их положения. Ослабление власти даст им возможность реально увидеть и их подневольное положение, и истинный уровень их жизни. Помочь им увидеть это как можно скорее, со всеми вытекающими отсюда последствиями, для российской политической оппозиции — и долг, и выгода.

Советское руководство не может не отдавать себе отчета в потенциальных возможностях политической оппозиции во время реформ и в том, что период реформ должен завершиться новым коммунистическим зажимом, иначе власть погибнет. Более того, поскольку власть резко, и не без пользы для себя, преувеличивает — и будет еще больше преувеличивать — мощь оппозиции, то действия этой оппозиции в период реформ будут преследоваться более беспощадно, чем в настоящее время. Основной задачей КГБ и других репрессивных органов будет не допустить активного сотрудничества между российской политической оппозицией и независимыми профсоюзами, с одной стороны, между российской политической оппозицией и национально-политическими организациями, с другой, и между российской политической оппозицией и силами религиозного возрождения, с третьей. Потому что именно эти силы становятся и станут основным противовесом тоталитарной власти.

Культурная оппозиция, борьба за права человека, борьба за право отдельных национальностей на эмиграцию и т. д. потеряют

свое былое значение. Со временем, возможно, власть перестанет считать деятельность, не обладающую политической или политико-экономической целенаправленностью, опасной для существования режима. Солженицына, конечно, издавать не будут, но сажать за хранение „ГУЛага“ перестанут, а чтение произведений многих опальных ныне писателей и поэтов станет едва ли проступком. Вероятно даже, что некоторых из них, эмигрировавших, будут как не опасных для власти еще более настойчиво уговаривать вернуться в СССР.

Коммунистический диалект

Основная предпосылка для создания союзов между различными силами оппозиции есть и будет усиленная политизация гражданского общества в нашей стране. Одно лишь сопутствующее реформам ослабление власти, без политизации населения, недостаточно для крушения коммунистической системы. Политизации населения препятствуют и будут препятствовать не только КГБ и другие органы. У власти в руках козырной туз — созданная коммунизмом вульгата, лживый, но простой и всем доступный диалект, вьезшийся в поры общества, овладевший, благодаря своей монопольности, умами и чувствами многих поколений. Этот диалект часто служит власти вне зависимости от отношения к ней человека.

На этом диалекте коммунистический революционер называется „борцом за свободу“ или просто „революционером“, а либеральный (антикоммунистический) революционер — „контрреволюционером“, „бандитом“, „наемником империализма“. Монопольность диалекта, его вколачивание в умы в течение десятилетий принесли свои ядовитые плоды и выработали у немалого числа граждан определенный рефлекс. У лояльного к власти, то есть у мало думающего о власти гражданина, рефлекс простой: слово „революционер“ звучит положительно, к кому бы оно ни относилось, „контрреволюционер“ — отрицательно. У критически мыслящего противника власти рефлекс более сложный: будучи антикоммунистом, но находясь в плену у коммунистического диалекта, он отбрасывает искаженный диалектом термин вместе с его истинным смыслом. Так, термин „революционер“ вызывает у него отвращение

вне зависимости от того, идет ли речь о революционере-враге или революционере-друге.

А так как коммунистический диалект искажал почти все политические термины, присущие любой демократической системе, и так как диалект этот навязывает крайне узкую марксистско-ленинскую политизацию общества, то он вызывает отталкивание от всех политических терминов, в том числе и от необходимых в любом демократическом обществе: „политика, партия, партсобрание, организация, партдисциплина, членские взносы, лозунг, пропаганда, идеология, программа” и т. д. Этот диалект породил также отталкивание, часто отвращение, ко всему, имеющему связь с политикой. Рождается апатичность и часто даже — антиполитичность. И это — немалая победа коммунизма.

Борьба с комдиалектом затруднена еще тем, что немалая часть советской интеллигенции, принадлежавшей к культурной оппозиции в период „оттепели”, заняла антиполитические позиции и продолжает их занимать, в частности, в эмиграции, что является доказательством продолжающегося действия комдиалекта, признаком неосознанного рабства. (Что более естественно в свободных странах, чем рабочий или служащий, идущий на собрание свободно выбранной им партии? Чем писатель, аккуратно платящий членские взносы и стоящий горой за свои идеи, считающий, что выбранная им партия их отражает и за них борется? Разве свободному писателю или художнику на Западе может прийти в голову, что его принадлежность к выбранной им политической организации хоть на йоту наносит ущерб его творчеству?)

Коммунистический диалект влияет на многие поколения, особенно сталинского периода. Но поколения, знающие сталинское лихолетье только по рассказам старших, более свободны — более прагматичны, более способны понять, что благосостояние и свобода в нашей стране зависят от радикальных политических изменений, от действий политической оппозиции. Что защита прав человека не имеет смысла без борьбы за права гражданина. Что профсоюзная борьба за экономические права трудящихся не может победить без союза с силами, борющимися за политические права трудящихся.

Необходимо отдать себе отчет в том, что если проведение экономических реформ ускорит оппозиционно-политический и национально-политический процессы в России, то неспособность советского руководства провести реформы, хотя и замедлит эти процессы, но не сможет их остановить, поскольку отсутствие реформ уже вызвало ускоренное гниение коммунистического режима, его все растущую, катастрофическую технологическую отсталость — прежде всего в военном отношении.

Еще далеко не всеми осознан факт, что в настоящее время, по вине коммунистического режима, Россия — страна необороноспособная. Во всяком случае, вероятно, менее обороноспособная, чем в 1941 году, и что лишь отсутствие агрессора позволяет пока советскому руководству играть роль лидеров сверхдержавы. Но в скором будущем этот факт должен будет приобрести чрезвычайно важное значение, ибо не может не вызывать резкой реакции со стороны армии, а также патриотически-государственно настроенной части номенклатуры, со всеми возможными историко-политическими последствиями.

Вне зависимости от того, будут или нет проведены властью реформы, долг политической оппозиции остается неизменным. Она должна укреплять себя организационно и разрабатывать альтернативные и программные материалы, стимулируя тем самым свободное политическое мышление граждан, где и насколько это возможно.

АВТОРХАНОВ Абдурахман

Технология власти

1987, 4-е расш. изд. в 4-х частях, карм. форм., 812 с. В переиздании

Это — классический, самый известный труд автора, написанный в 1955-1957 годах и переизданный по запросам из России с новым развернутым „Введением ко второму изданию” и четвертой частью — „От Хрущева к Брежневу”.

Происхождение партократии

1987, 3-е изд. в печати, карм. форм., т. 1, 728 с.
1983, 2-е изд., карм. форм., т. 2, 536 с. 36 нм

Как реформировать советский социализм?

Михаил НАЗАРОВ

— В такие дебри мы еще никогда не забирались...

— Главное не в том, что забирались. Главное — как выбраться...

(Диалог из пьесы М. Шатрова „Диктатура совести“, Москва, 1986)

Что ни месяц — мы узнаем о новых и новых, ранее немислимых в СССР событиях, публикациях, постановлениях. Тот, кто не следит сегодня хотя бы за советской прессой и за новостями культурной жизни (литература, театр, кино), рискует отстать от потока событий и подчас ломиться в открытую дверь с критическим анализом вчерашнего дня. Даже ежемесячный журнал — уже недостаточно гибкий инструмент реагирования, учитывая время на подготовку рукописи к печати, типографские работы, доставку к читателям...

И хотя автор этой статьи, которая пишется в январе 1987 г., был бы рад, если бы она устарела как можно скорее — по причине исчезновения ее объекта, тоталитарного режима в СССР, — все же до этого еще далеко. Поэтому столь неустаревающей темой, и столь актуальной, мы — в который раз — и займемся.

Распространено мнение, что не только горбачевское руководство не способно реформировать социализм в нечто более приличное, но что это невозможно вообще. Однако нам кажется, что это утверждение может быть принято лишь как гипотеза. Можно выдвинуть и обратную гипотезу — что при определенных условиях социалистическая система может оказаться способной на реформы сверху. Попробуем дать ей здесь некоторый методологический кредит доверия и на основании происходящего в СССР сегодня поискать аргументы в пользу этого предположения.

Не тактика, а закономерность

Начавшаяся в СССР „перестройка“ связывается с именем Горбачева, но ему лишь довелось стать возглавителем страны в период давно назревших перемен, которые сегодня,

как нам кажется, объясняются не хитроумной тактикой очередного генсека в борьбе за власть внутри страны (какими были в сущности ленинский нэп и хрущевская десталинизация), а закономерно проистекают из результатов 70-летнего мирового конфликта между тоталитаризмом и человечеством. Эти перемены можно было предвидеть (см., например, нашу статью „Бегство от очевидности“ в „Посеве“ № 12, 1984). Два фактора стали логическими причинами начала этих перемен.

1. Один проявился в эпоху „зрелого социализма“: кризис тоталитарной системы, которая самым наглядным образом проиграла войну против человеческого духа и здравого смысла. Эта система продемонстрировала не только свое бессилие в попытке насильственно создать жизнеспособное общество, противное человеческой природе, но и обнаружила свою несовместимость с основным направлением развития человеческой цивилизации, в русле которого движутся демократические страны.

Если в 1960 г. Советский Союз, хоть и со значительным отставанием от США, занимал второе место в мире по промышленному производству, то сейчас он далеко позади и Европейского экономического сообщества, и даже маленькой Японии. Но еще важнее то, что если раньше отставание СССР от развитых стран было чисто количественным и лежало в пределах одной и той же технологической эпохи, то сегодня СССР и Запад оказались по разные стороны скачка между эпохами.

Запад естественно вращается в будущее, рождая новое технологическое и социальное измерение именно благодаря своей открытости и демократичности. Тоталитарная же система не только не способна на такую же скорость развития, она оказалась несовместимой и с ею многими готовыми техническими результатами, поскольку они (например, лежащая в его основе система информации) предназначены для использования в открытом обществе свободно действующим человеком.

Все это стало очевидно для всех соцстран уже давно. Некоторые из них, по мере возможности, пытались отступать от социалистических принципов. В конце 1970-х годов этот логический поворот к здравому смыслу начали стоящие отдельно китайцы, проделавшие к сегодняшнему дню значительную эволюцию, положительные экономические результаты которой, несомненно, оказывают дополнительное психологическое давление на СССР.

Но для решительных перемен в СССР (и в большинстве стран советского блока) не хватало второго необходимого условия, которое осуществилось только к середине 1980-х годов:

2. К власти в Советском Союзе пришло новое поколение руководства, которое лично не участвовало в создании этого режима и в связанных с ним чудовищных преступлениях против народа. Такого кровавого утверждения социалистических догм не было ни в одной стране, и в этом, пожалуй, одна из главных причин запоздалости перемен в СССР: скрепленные кровью догмы, словно цементная корка, сковывали поколение вождей, ответственных за эту кровь. Отказ от догм был бы для них равносильен признанию себя перед народом величайшими преступниками (в этом, очевидно, и главная причина неудачи преждевременной хрущевской оттепели).

У сегодняшнего поколения руководителей, сделавших карьеру в послесталинское время, не только нет личных препятствий для отказа от догм, но они могли бы даже использовать это, чтобы завоевать популярность в народе, чтобы войти в историю с ореолом великих преобразователей.

Самое важное, конечно, — конкретные причины, заставляющие их отказываться от догматического наследия предшественников. Всем ясно, что без реформ страна не сможет ни в экономическом, ни в военном отношении быть великой державой. Конечно, можно изолироваться от внешнего мира, по примеру Албании, и начать действительно „мирное сосуществование“, оставив все по-старому. Но учитывая, сколько недоверия и врагов во всем мире создала стране коммунистическая экспансия, — это ослабление будет очень опасно. Кроме того, при отсутствии перемен опасность власти грозит и изнутри страны: даже ограниченная гласность вскрыла такой развал общественных устоев, что

далее некуда. Чернобыль стал символическим апогеем этого катастрофического развала.

Результат 70-летней войны партии с народом — нищета, цинизм, апатия населения, но и — усталость партии от этой перманентной войны. Чувствуется, что на повестку дня для какой-то части современных советских властителей выходят и новые, престижные стимулы. Более интеллигентные руководители не могут не иметь определенного комплекса неполноценности перед своими западными партнерами — как из-за варварского облика полученного в наследство режима, так и из-за недостаточной легитимности самой власти (у КПСС нет мандата на власть, подтвержденного народом на свободных выборах).

Кое-кто из новых вождей, с еще более тонким вкусом, должен был бы и по качеству власти завидовать западным руководителям, управляющим свободными людьми на основе их добровольного согласия, со всеми их разнообразнейшими возможностями и стремлениями, из которых правитель искусно создает сложную и величественную симфонию жизни государства, тогда как при тоталитаризме те же исполнители, могущие сыграть симфонию, вынуждены танцевать в унисон один и тот же, набивший оскомину мотив — „Партия наш рулевой...”

Чем больше сближается мир в единое целое, тем уродливее выглядит неэстетичность такого примитивного рабствования...

Так вот, если у нового советского руководства в той или иной степени присутствуют эти стимулы к реформам, — то есть основания для оптимизма, какими бы малыми ни были достигнутые перемены сегодня. Однако посмотрим, что же горбачевскому руководству удалось сделать за два года у власти?

Итоги двух лет

Начнем с допущения, что первые годы для конечных намерений не показательны: это время упрочения собственных позиций, перетряски аппарата, борьбы с противниками нового курса. Вряд ли эти условия способствовали чрезмерной откровенности. С одной стороны, нельзя вызвать лавину неподконтрольных событий и упустить из рук инициативу (для этого перестройка должна сопровождаться зажимом на низах, но это вовсе не возрождение сталинизма, как пишут некоторые авторы), с другой стороны, — не

следует чрезмерно раздражать ту частьomenclатуры, которая боится перемен. Тем серьезнее можно отнестись к тому, что, помимо стандартной демагогии, в речах Горбачева есть и такие серьезные заявления, как, например, в июле 1986 г. в Хабаровске — что он бы „поставил знак равенства между словами перестройка и революция”, или его слова в беседе с группой писателей в июне того же года — „мы еще пока ничего не сделали, только начали путь... мы находимся только в начале, в самом-самом начале пути”.

Сделано, действительно, пока очень мало — в количественном отношении. Даже самое важное — гласность — пока что представляет собой лишь увеличенную пропорцию правды в океане лжи. Но, может быть, на данном, негативно-критическом, этапе „перестройки” важнее количества то, что партия отступила от некоторых качественно важных догм и правил, подвергать сомнению которые еще недавно было небезопасно?

Например, в экономике: отступили от недопустимости частного предпринимательства (отныне это узаконенная составная часть социалистической экономики), решили допустить иностранный капитал в страну, ослабили монополию внешней торговли (для 20 министерств и 70 предприятий), признали неэффективным центрально-директивное планирование в чистом виде (академик Аганбегян заявил, что намечен переход на управление экономики косвенными средствами — ценами и кредитами при самоуправлении и самофинансировании предприятий, частично уже с 1987 г.).

Все это пока что мало изменило практику тоталитаризма, но создает важные политические и идеологические прецеденты с возможными далеко идущими последствиями для будущего. Партия допустила, что марксизм и впрямь „не догма” и его можно постепенно наполнять ранее неприемлемым содержанием. Опровергнут тезис о бесконфликтном автоматическом соответствии между производственными отношениями и развитием производительных сил при социализме, признана необходимость „революционного” перехода к новому типу производственных отношений, то есть, если быть последовательными по-марксистски, — к новому общественному строю. Прибегнув к освеженной обойме слов, которые еще не успели приобрести фиктивного значения, партия выпусти-

ла из бутылки джина — настоящее значение этих слов: „гласность, демократизация, революция”. И главное — при всем этом партия не определила четкой границы в своих послаблениях, провоцируя деятельную часть общества на расширение этой границы явочным порядком, пробуждая социальную энергию людей, которая, независимо от замысла руководства, может привести к подлинно революционным переменам.

В отличие от хрущевской оттепели, либерализм которой выразился преимущественно в негативно-критической области — в осуждении „культ личности” и сталинских преступлений без затрагивания идеологических основ, горбачевская гласность сделала возможным появление целого ряда произведений, в которых ставятся духовные проблемы, затрагивающие глубинную суть системы (таковы последние произведения В. Распутина, В. Астафьева и других писателей). Стал возможен прецедент положительного отношения к религии, например, в романе Ч. Айтматова „Плаха” и в его обсуждении (Горбачев похвалил роман в интервью индийскому телевидению). И если вспомнить, что „в начале было Слово”, то начало обнадеживающее.

Конечно, подавляющее большинство материалов в советской прессе — прежняя демагогия. Но это естественно. Перемены всегда и везде совершались малым активным меньшинством. Живущие в условиях свободного общества не должны относиться к достигнутому этим меньшинством с высокомерием и максималистскими оценками. Вероятно, не все делается сразу. И пока наблюдается продолжение развития, пока процесс перемен не остановился, — есть основания для оптимизма.

Отменить социализм не так-то легко...

Однако необходимо четко представлять себе все трудности такой операции, когда инициатива перемен идет явно с самого верха. Даже если бы на месте генсека в рядах партии оказался самый благонамеренный человек, скажем, некий русский Савл, превратившийся если не в Павла, то хотя бы в Дубчека, — ему пришлось бы столкнуться со следующими препятствиями:

— идейная мертворожденность полученной в наследство системы, которая, как крутящийся волчок, держится на собственной

инерции, но если его остановить — он упадет вместе с доброжелателем-реформатором и всей системой государственной власти;

- часть номенклатуры, лично ответственная за преступления сталинского времени, и молодые члены их семей, чье благополучие держится на положении отцов, — они боятся перемен и возможных разоблачений. (Протицируем еще из разговора Горбачева с писателями: „Если бы мы начали заниматься прошлым, мы бы всю энергию убили. Мы бы столкнули лбами народ. А нам надо идти вперед. Мы разберемся с прошлым. Все поставим на место... Надо понимать, что все у нас еще впереди...”);
- миллионы просто не заинтересованных в переменах тугодумов-номенклатурщиков которые и без реформ имеют все, что хотят, а при реформах боятся все потерять;
- народ, не верящий в мудрость партии, за спиной которой горы невыполненных обещаний и обанкротившаяся Программа; народ не верит больше в коммунистическую идеологическую болтовню, а без этой болтовни никакому генсеку-реформатору сразу не обойтись, ибо она — единственное обоснование его наследственного права на власть, без этого волчок опять-таки остановится и упадет. „Все наши расчеты на то, чтобы повлиять на народ”, — сказал Горбачев писателям, правильно видя в них и в прессе основной инструмент завоевания доверия народа. Но для этого нужно прежде всего резко поднять уровень жизни, что невозможно сделать без перестройки всей экономической системы. А как перестроить систему без отказа от мертворожденной идеологии?

И опять можно, замкнув неразрешимый круг, начинать этот перечень препятствий сначала, как сказку про белого бычка...

- А кроме того, есть еще несколько, уже не миллионов, а отдельных людей, но более влиятельных, чем миллионы, которые помышляют не столько о „перестройке”, сколько о том, чтобы самому занять кресло генсека; и, может быть, они на его месте делали то же самое, но поскольку это делает соперник, — нужно ставить палки в колеса... Можно устроить международный скандал (не так ли возникло дело Захарова-Данилова?) или уличный бунт в вотчине снятого влиятельного противника (де-

кабрьские волнения в Алма-Ате?). Думается, Горбачев и его соратники, жалуясь в печати на сопротивление перестройке, многого даже недоговаривают...

Таковы исходные условия для любого русского „Дубчека”. Очевидно, отменить зрелый социализм труднее, чем вынести резолюцию о его отмене...

Попытка реформирования системы сверху — это постоянное лавирование между союзниками и противниками, не раскрываясь полностью ни тем, ни другим. В этом варианте у реформатора часто нет выбора между злом и добром, а есть лишь между злом большим и злом меньшим. Этого выбора не избежать в своих оценках и наблюдениях, даже в отношении такого привычного бастона зла, как КГБ, ибо, помимо своих обычных, карательных, функций, эта организация при Горбачеве приобрела новую: она стала важным инструментом (если не чем-то большим) для проведения „перестройки” и устранения противников нового курса.

Все эти сложности чрезвычайно затрудняют анализ „дубчевского” варианта, особенно в его начальный период. Если именно этот вариант осуществляется в СССР, — он может находиться лишь в самой ранней стадии. Однако, по нашему мнению, основания для такого варианта в СССР теперь есть, и эту возможность, наверно, не следует отбрасывать априори.

Иллюзии, конечно, опасны. Но исследовать самые иллюзорные варианты — не значит, предаваться им.

*

В вышесказанном мы дали какой-то кредит доверия и самому Горбачеву, хотя бы уже тем, что не отмечаем с порога возможной серьезности его намерений. Но есть область, в которой Горбачев изменил удивительно мало для серьезного реформатора: внешняя политика.

Поражает, что при всей допущенной гласности на внутривнутриполитические темы, уровень правды и стиль советской прессы на темы международные нисколько не изменился. Все та же примитивная антизападная пропаганда, ложь и дезинформация: как для собственного населения — что в какой-то мере еще удается, так и для Запада — что удается плохо и оказывает деструктивное воздей-

ствие на международные отношения в столь ответственный и судьбоносный момент.

А ведь, казалось бы, именно с нормализации отношений с Западом, заручившись его доверием и поддержкой, только и можно начинать „перестройку“, которая неизбежно связана с временной дезорганизацией и ослаблением страны. И как раз здесь инерция коммунистической идеологии мешает больше всего.

Силы инерции на Востоке и на Западе

Наступивший новый исторический этап во взаимоотношениях лидирующих стран демократической и тоталитарной частей планеты возродил много надежд. Казалось бы, демократический лидер впервые не собирается уступать в вопросах духовных ценностей демократии, а лидер СССР — первый представитель постсталинского поколения вождей — готов пойти на уступки, отказываясь от некоторых, ранее незыблемых позиций в переговорах. Казалось бы, западный мир наконец-то понял, что такое тоталитаризм и каким он был все это время, а тоталитаризм понял, что таким он быть больше не может, ибо это губительно для него самого, и он ищет приемлемых для себя путей выхода из тисков своей же догмы.

Тем не менее, инерция прошлого опыта взаимоотношений тоталитаризма и демократии мешает использованию этого исторического шанса. И прежде всего — со стороны СССР.

Не смея отбросить коммунистическую идеологию, советское руководство по-прежнему обрекает себя на постоянную конфронтацию с окружающим миром, который не хочет, чтобы его похоронили в соответствии с „единственно верным учением“ об исторической неизбежности торжества коммунизма на всей планете. Советская внешняя политика при Горбачеве, хоть и приобрела больший динамизм и более современный внешний вид, но в сущности она не преодолела инерцию пресловутой „неизбежности установления коммунизма во всем мире“, ибо, не умея отдавать однажды захваченное, Советский Союз по-прежнему ведет себя так, будто его экспансия последних десятилетий законна и только он один в мире имеет на нее право.

Но и демократические страны имеют свою инерцию. До Рейгана западные демократии

страдали от недооценки опасности коммунистического тоталитаризма, поставили его на ноги в 1930-е годы, спали от поражения в войне, проиграли конфронтацию холодной войны (ее идеологическая неосмысленность проявилась во вьетнамском поражении), позволили под дымовой завесой „детанта“ оторвать от прозападного мира в сферу тоталитаризма около 20 стран. Теперь же, очнувшись после, казалось бы, обычного в этой цепи событий захвата коммунистами власти в еще одной стране, в Афганистане, влиятельные круги западного мира, похоже, на столько же лет вперед запрограммировали себе облик Советского Союза как не способного к внутренним переменам, вечно коварного, агрессивного с испокон веков тысячелетней русской истории, только сейчас распознанного врага.

Впрочем, может быть, нынешняя твердость США объясняется не столько распознаванием сущности тоталитаризма, сколько его наглядно обнаружившейся слабостью, которой грех не воспользоваться как удобным моментом для обеспечения военного превосходства над ним? Чтобы получить согласие американцев на это, Рейгану выгодно использовать существующую инерцию представления об СССР как о враге, не способном к перерождению. А уж Советский Союз за последние десятилетия набрался оружием так, что убеждение это американскому правительству дается без особого труда. И Советский Союз ему по сей день в этом помогает. Он до сих пор не прекратил вмешательство в таких болезненных для Запада точках, как Никарагуа, Ближний Восток, Южная Африка, давая всему западному миру серьезную основу для недоверия.

В этой обстановке стремление США обеспечить свое военное превосходство вполне понятно. Независимо от того, реализуема СОИ или нет, трудно отрицать право американцев быть сильными. Если бы позволяла экономика, советские вожди сочли бы естественной отстройку своей „позиции силы“, и лишь из-за невозможности этого поднят такой шум вокруг американских планов.

Национальный эгоизм, который проявляют сейчас США, всегда рассматривался как нормальное поведение правительства всех стран. Но каждой стране всегда при этом хотелось, чтобы другие хотя бы чуточку думали о ней. Вот и нам, русским, хотелось бы, чтобы США, преследуя свои понятные инте-

ресы быть сильнейшей державой, все-таки были заинтересованы не только в способности одолеть противника, но и в том, чтобы его изменить. А с этой точки зрения, сегодняшняя политика США по отношению к СССР не обнаруживает такого заметного явления, как не обнаруживала его и раньше.

Нам трудно судить о сегодняшних закулисных переговорах между США и СССР. Но на основании опубликованных документов и мемуаров мы видим, что западная политика национального эгоизма может быть близорукой и, в погоне за сиюминутными выигрышками, может приводить к большим проигрышам в будущем.

Например, в 1945—1946 гг. из соображений национального эгоизма западные демократии выдали Сталину на расправу миллионы людей, надеявшихся на помощь Запада в борьбе против общего врага — тоталитаризма. История показала, что это было чудовищной ошибкой даже с точки зрения интересов Запада — но она была сделана, и коммунистический режим вскоре превратился в смертельного врага западных демократий, поставив мир на грань самоубийственной войны.

Не может ли и сегодня чрезмерный национальный эгоизм западных демократий привести к тому, что новый шанс не будет использован для влияния на ход событий в нужном направлении? То есть если, помимо усиления военной мощи, Запад не будет предпринимать никаких шагов для выявления и умной поддержки реформистских сил в СССР?

Во всяком случае, пока что создается впечатление, что горбачевская „гласность” застала США врасплох и они утратили инициативу в своих пропагандных мощностях на СССР, настроенных в основном на негативно-критическую волну и еще не освоивших созидательно-конструктивную. И вместо их переориентировки — США, растерявшись, похуже, начали эти мощности свертывать.

Разумеется, в плюралистическом западном обществе есть разные политические силы; различны и побуждения антисоветских кругов.

Наиболее распространенная часть антисоветски настроенной общественности, думая, просто не доверяет миролюбию СССР. (Нельзя столько раз безнаказанно обманывать Запад — может получиться, как в известной притче про пастушка, несколько раз

обманывавшего людей криками „Волк!”, — что как раз тогда, когда он кричал сущую правду, никто ему уже не поверил.)

Другие относятся к происходящему сегодня в СССР скептически, поскольку в их представлении Россия всегда была страной деспотии, рабства, отсталости, ксенофобии, лжи и агрессии — это, так сказать, „русский национальный генофонд”, и ожидать чего-то другого нечего.

Вероятно, есть и такие, кто боится сильно-го Российского государства в любом его виде, кто не заинтересован в превращении его из отсталого коммунистического государства в здорового и сильного геополитического конкурента. И кто — если бы это было в его силах — был бы готов помочь сохранить существующий в СССР строй.

Интересно, что в уже упомянутой беседе с писателями Горбачев отмечает эту тенденцию как общую для Запада: „Наш враг нас разгадал. Их не пугает наша ядерная мощь. Они не начнут войну. Их волнует одно: если у нас разовьется демократия, если у нас получится, то мы выиграем. Поэтому они начали кампанию против нашего руководства...”

Однако неверно считать, что весь Запад настроен против реформ в СССР. Насколько компетентны советники и дипломаты Горбачева, чтобы правильно сориентироваться в сложном западном мире и найти союзников своей „перестройке”? Пока что они по-прежнему занимаются поиском лишь деструктивных сил для разложения Запада и „полезных идиотов” для проведения своей прежней политики. Иному советских дипломатов, пожалуй, и не учили...*

---

* Уже после написания этих строк в „Лит. газете” от 14.1.1987 появилась статья Ф. Бурлацкого „Что же все-таки хочет Америка?”, в кот. впервые дан более сбалансированный и трезвый анализ отношений с США, без обычных выпадов и натяжек. Названы и некоторые причины сдержанности американцев по отношению к СССР: „проблемы прав человека и эмиграции”, „большая публичность и открытость США должны стать нормой и для Советского Союза”. Ф. Бурлацкий обещает американцам изменения в этой области в ходе „общего процесса демократизации, который с такой интенсивностью идет в нашей стране”, приводит пример с освобождением А. Сахарова. Но о главных причинах недоверия к советской внешней политике — из-за ее идеологической запрограммированности на превращение всего мира в коммунистический и из-за предыдущих обманов — Ф. Бурлацкий не упоминает.

Инерцию недоверия Запада преодолеть все-таки можно: для этого Горбачеву достаточно доказать на деле честность своих намерений, в том числе и во внутренней политике, от раскладки сил в которой во многом зависит и политика внешняя. Но для этого ему нужно сначала преодолеть инерцию коммунистической идеологии.

О крутящемся волчке и о правилах игры

Итак, принимая во внимание все вышеописанные трудности, попробуем перейти к основному вопросу статьи: можно ли реформировать социализм сверху? Возможен ли в СССР тот самый вариант, который 20 лет назад раздавили танками в Чехословакии?

Такое допущение сегодня не звучит столь революционно, как 20 лет назад. Идти на реформы сегодня заставляют объективные факторы, накопившиеся за эти 20 лет, — это единственный путь для нового руководства, чтобы не потерять власть. Но окончательного ответа на этот вопрос нет пока и в ушедшем вперед на пути реформ Китая.

Ключ ко всему — в отношении нового руководства к идеологии.

Для достижения поставленных целей необходимо отказаться от идеологии и добровольным самоограничением власти превратить партию из паразитарного нароста на теле общества в его функционально необходимый орган. Честно говоря, особой необходимости в существовании наряду с государственными управляющими органами (советами) еще одной, параллельной, партийной структуры нет — обходятся же другие государства без такой партии. Но поскольку в исходных условиях задачи эта партия наличествует, самоубийством кончать не собирается и даже решается стать инициатором реформ — генсек-реформатор должен найти ей, этому бесполезному для общества организму, полезную функцию.

Необходимо спустить на тормозах телегу государства с „сияющих вершин” тоталитаризма, где дорога кончается обрывом, в долины демократии. Этот спуск может безопасно произойти только при наличии сильной власти в стране, и, пожалуй, никому, кроме партии, при этом варианте его не осуществить. Так, спускаясь с крутой горы, накидывают на одно из колес петлю-тормоз, и лошадям приходится тянуть телегу даже

вниз. За это время, однако, возница должен подготовить телегу к тому, чтобы снять искусственный тормоз по окончании спуска в долину: отказаться от коммунистической идеологии и превратиться в нормальный государственный аппарат.

Возможно ли это сделать? Ведь если отказаться от идеологии — партия потеряет легитимацию власти (только эта идеология дает новому руководству КПСС такую легитимацию, утверждая, что социализм открыл некие научные законы развития общества и компартия управляет на их основе). Отказаться от идеологии — упадет „крутящийся волчок” государственной власти.

Но может быть, есть способ изменить содержание идеологии, не меняя пока ее оболочку? То есть, как предложил в одном из выступлений свое образное сравнение В. Поремский, — можно ли, чтобы крутящийся волчок не упал, создать внутри него маховик, вращающийся в противоположном, правильном направлении, и, когда он наберет достаточную инерцию, — сбросить уже ненужную оболочку внешнего волчка?

Вероятно, это можно сделать, соблюдая следующие правила игры:

- сохранять социалистическую терминологию, но постепенно наполнять ее иным содержанием,
- не говорить, что происходит возврат к капиталистическим принципам (даже если это так), а представлять перестройку как движение к чему-то новому,
- постараться и в самом деле создать новое общество, объективно проанализировав достоинства (свободу) Запада, его недостатки (коренящиеся в злоупотреблении свободой при ослаблении морально-этических самовоспитательных факторов общества), а также учтя опыт русской истории,
- набрать к моменту сброса старой оболочки достаточный авторитет первопроходца-преобразователя, который даст новую легитимацию власти, перевесив старую.

Таковы, вероятно, правила игры, если пытаться реформировать социализм сверху, по варианту „Дубчека”. (Это был бы самый безболезненный вариант и, по-видимому, он более реален, чем „подпольная армия освобождения”. Приход военной верхушки к власти менее вероятен, и он был бы в сущности лишь более ускоренным дубчековским вариантом.)

Конечно, слово социализм очень скомпрометировано. Ибо на практике он везде оказывался одинаково бесчеловечным (там, где социалисты захватывали власть полностью) и неэффективным (там, где они хотя бы временно управляли страной в результате выборов при наличии демократической оппозиции). Рано или поздно от этого термина придется отказаться. Но в ходе „перестройки“, в соответствии с правилами игры, реформаторам придется вкладывать в него иное содержание. Какое?

Наиболее приемлемым первым этапом может быть перенятие и углубление опыта Венгрии или Югославии. Этот путь, в конечном счете, идеологически ведет в направлении современной западной социал-демократии — идейного собрата коммунистов, который, однако, еще в начале XX века отпочковался от общего ствола и выродился в одну из „буржуазных“ партий. Этот путь предполагает значительную ревизию социалистической идеологии, но без изменения ее материалистической сущности.

Есть и иная разновидность социализма, нигде не осуществленная и известная под именем христианского социализма или социального христианства*. В этом варианте слово „социализм“ сохраняет больше незапятнанности, он более укоренен в русской тра-

---

* Перефразируя Бердяева, можно сказать, что в социализме есть „ложь и правда“. Ложь достаточно себя проявила за 70 лет практического осуществления, продемонстрировав ошибочность примата материального над духовным и коллектива над личностью. Но то зерно „правды“ — нравственное стремление к социальной справедливости, — которое питало основателей социалистической утопии, сохраняет свою актуальность по сей день. Оно и лежит в основе социального христианства.

Социальных вопросов не чуралась русская религиозная философия, порою вкладывая в понятие „социализма“ совершенно иное, здоровое содержание (напр., Г. П. Федотов). Западная Церковь создала христианское социальное учение, предложив христианские принципы организации государства и общества и повлияв на практику некоторых европейских государств. (См., например, интервью, взятое о. Николаем Артемовым и автором этих строк у одного из отцов христианского социального учения, ныне здравствующего Освальда фон Нелл-Бройннига, 1890 г. р., сыгравшего важную роль в создании послевоенной социально рыночной экономической системы ФРГ — „Посев“ №№ 5 и 6, 1981 г.: „Солидаризм — идея для постсоветитарной России“.)

Интересен в этом отношении и опыт польской „Солидарности“, ее предложения перестройки общества.

дидии, но решиться на него верховным реформаторам труднее; скорее это может быть удобным ружьем для проявления активности независимых от партии общественных сил, например, Церкви или так называемой „Русской партии“.

В сущности, задача здесь не только в тактическом наполнении слова „социализм“ иным содержанием, но и в том, чтобы это содержание было не повторением чужих ошибок, а шагом к совершенствованию человеческого общества. Лев Тимофеев в работе „Последняя надежда выжить“ (изд-во „Эрмитаж“, 1985) писал об этом так:

„Сам процесс отторжения коммунистической идеи не создаст ли в будущем, не начал ли создавать уже в настоящем ту новую социальную общность, те новые гражданские институты, которые преодолеют и глупую бесчеловечность тоталитаризма, и нравственную податливость демократии, всегда готовой уступить тому, кто ловчее сумеет обмануть простое большинство избирателей?..“

Все это тактически укладывается в необходимость развития общественных наук (о чем говорит Горбачев) и расширения идеологической базы компартии, о чем писали в 1968 г. чешские реформаторы:

„... до настоящего времени можно было в принципе довольствоваться тремя классическими частями марксизма и, в частности, доктриной научного 'социализма'; все это подводило итоги эпохе борьбы классов, но теперь, а тем более в будущем, нельзя будет обойтись без ряда дисциплин ... таких, как антропология, социальная психология, 'наука о науке', наука о труде, экономика, теория цивилизации и культуры, общая технология, экономика человеческих ресурсов, футурология и т. д.“ (цит. по статье В. Поремского в „Посеве“ № 12, 1986).

Если бы такая сложная операция подмены содержания, дающая руководству возможность сохранить лицо и легитимность власти, была бы осуществлена, и если бы — позволил себе пометить — за словесным фасадом „социализма“ в нашей стране постепенно выросло бы иное, свободное и достойное целое общество — то, вероятно, многие согласились бы потерпеть его поначалу и с таким фасадом, раз уж без него реформаторам никак не обойтись. Фасадом можно было бы заняться позже. Главное содержание. Ибо, как сказано где-то у Шекспира, — „то, что зовем мы розой, и под другим названием сохранило бы свой чудный запах“.

*

Пока что новое советское руководство готово отступить в идеологии до рубежей ленинской эпохи. Это уже открывает много возможностей интерпретации, ибо тех времен почти никто не помнит, а цитат из 55 ленинских томов можно добыть самых разных. Но не исключено, что пока что руководители КПСС надеются осуществить всего лишь некий „тоталитаризм с человеческим лицом“, портрет которого еще никем не написан и на который нет даже полицейского „фото-робота“. В этом случае им в ходе „перестройки“ предстоит открытие, что такого решения у задачи нет и что цели их поколения могут быть достигнуты лишь на пути подлинного обращения к здравому смыслу и отказа от тоталитаризма.

Что выйдет из начавшейся „перестройки“, — мы не знаем. Силы противодействия здравому смыслу еще не сломлены. И, наверное,

только в этом незнании мы можем позволить себе эту готовность увидеть идущие времена как безнадежные.

Эти надежды, однако, не означают, что противники существующего строя могут умерить свою деятельность и ждать, пока все произойдет само собой. Наоборот, в складывающейся ситуации особенно необходимо договаривать то, что советская пресса сказать по-прежнему не может, необходимо ставить точки над „i“, предлагать конструктивные решения, критиковать — так, чтобы помогать реформистским силам в их аргументации против „ретроградов“. Но успешно делать это, наверное, можно лишь при внимательном наблюдении за происходящим в стране развитием, выбирая себе мишенью действительно зло (а не „правила игры“), не впадая в иллюзии и стараясь прежде всего понять объективный ход вещей, на который партия влияет уже не молистной волей, не монопольно и во многом вынуждена подчиняться его неизбежности.

«В рамках системы»

Роман РЕДЛИХ

Статья В. Поремского „Привет чешским реформаторам!“ в „Посеве“ № 12/1986 наводит на размышления. Блестящее ведение мысли и глубокий и честный анализ изложенного в ней материала заставляет признать: да, действительно, положение Горбачева в России в 1986 году во многом сходно с положением Дубчека в Чехословакии в 1968-ом. Требования научно-технической революции поданы Поремским ярко и выпукло, и утверждение, что, не подчинившись им, СССР перестанет быть великой державой, мне кажется убедительным. Нет сомнений и в том, что Горбачев, как в свое время Дубчек, стремится к преобразованиям *в рамках системы*. Верно и то, что в ЧССР в 1968 году к власти пришли люди, по определению Поремского „той же породы, как и партийцы в Москве, т. е. люди трезвые, расчетливые, не склонные идти на риск, не могущие, да и не желающие переходить границы терпимого“.

Верно, что в Чехословакии, как теперь и у нас, намечаемые преобразования сопро-

вождались достаточной порцией управляемой гласности, переходившей порой за границы дозволенного. Верно, что народ ждал реформ и сочувствовал реформаторам. (Степень этого сочувствия и напряженность надежд обнаружилась в том отчаянье, которое вызвало советское вмешательство.) Но верно и то, что он не проявлял сколько-нибудь весомой политической активности, что в Чехословакии, как и у нас, все ждут освобождения сверху.

Роман Редлих

СОЛИДАРНОСТЬ И СВОБОДА

Книга построена на основе философской и политической серии «Библиотечка солидариста». В ней рассматриваются проблемы мироустройства, философии и общественного развития, опираясь на труды С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, С. А. Левицкого, Б. П. Вышеславцева и И. А. Ильина.

В нашем технологическом отставании среди технической интеллигенции, как и среди правителей, едва ли остались сомнения. Можно ли преодолеть его в рамках системы, иначе говоря при условии, что технологическая перестройка не перекинется в другие не технологические сферы, что в технологии все станет по-новому, а в остальном останется по-старому?

Чехословацкий опыт показывает, что это невозможно. Во-первых, потому что даже „трезвые и расчетливые, не склонные переходить границы терпимого” чешские коммунисты вынуждены были планировать перестройку экономики, предполагающую и весьма существенную перестройку системы управления, а во-вторых, потому что однажды пробудившаяся гласность, — как сейчас и у нас, — развязывает критическую мысль и будит желания и требования, выполнимые только силами свободной общественности, а следовательно, несовместимые с руководящей ролью партии. Так называемая „доктрина Брежнева” и решение о вводе в ЧССР войск Варшавского договора — результат осознания этой несовместимости.

В нашей стране в еще гораздо большей степени, чем в Чехословакии, на повестке дня стоят не только вопросы научно-технической революции. Аргументация Поремского в принципе понятна каждому мыслящему человеку. Но если последний не только и не вполне технократ, то душа его болит сейчас не о роли нашей в дальнейшей истории мира и не о судьбах планеты в целом, но о судьбе России и населяющих ее народов, причем у армян о судьбе Армении, у литовцев о судьбе Литвы... Русский же человек, если он сколько-нибудь патриот, — по слову Солженицына, — „преимущественно озабочен судьбой именно русского и украинского народов, по пословице — где уродился, там и пригородился, а глубже тоже — из-за несравненных страданий, перенесенных нами”.

О догонялках с Америкой теперь не стоит и толковать. Догнали мы ее и перегнали только по производству оружия, да еще по опыту активной несвободы, поистине несравненному, ибо не знал еще такого ни один народ. И хоть, понятно, каждому хочется, чтобы его отечество шагало, как говорится, „в ногу с веком”, но понимаем мы тоже, что беда наша не только в недостатке фундаментальных научных исследований и неспособности полностью воспользоваться достиже-

ниями научно-технической революции и преодолеть с ее помощью дефицит услуг и товаров, но еще и в порожденном долготлетним режимом несвободы дефиците доброжелательства и доверия, без которых немислима элементарная человеческая солидарность, а следовательно, и сколько-нибудь эффективное общественное строительство.

Можно ли преодолеть материальный дефицит путем реформ по чехословацкому образцу? Думается, что было бы можно, но при неременном условии, что реформаторская деятельность будет вестись честно и последовательно и будет поддержана народом, что одновременно будет преодолеватся и духовный дефицит совестливой ответственности, доброжелательного отношения к окружающим, добросовестного исполнения принятых на себя обязательств, а главное, — потому что с нее-то и следует начинать, — дефицит честной, не причиснанной партийным грешком, а смело выговаривающей правду информации и элементарного *доверия к власти*, проявляющей подлинную заботу о благе страны и народа.

Реакция чехов и словаков на реформы Дубчека, если бы они начались, была бы, вероятно, положительной. Владычество коммунистов казалось им всего лишь новой формой иноземного господства, сталинский террор они испытали только в течение недолгих пяти лет (1948—53 гг.), люди еще работали по привычке добросовестно, их доверие к государственной власти еще не было потеряно, а социализм с человеческим лицом представлялся им, в сущности, просто возвратом к нормальному образу жизни.

Положительных реакций, — не на словах, а на деле, — на призывы Горбачева и на мольбы оказать ему доверие и начать наконец добросовестно трудиться, в населении не наблюдается. Цена партийной словесности слишком хорошо известна. Доверие к власти, о которой давно уже говорят „они”, в нашем народе разрушено. Появится ли оно вновь, если и в самом деле начнут реформы? В рамках системы, на намеченных Горбачевым условиях, нет, не появится.

*

Путь к полноценным реформам загроаждает нам наследие сталинщины, изживаемая, но не изжитая еще активная несвобода, адаптировавшиеся к несвободе формы жизни и

поведения, причем не столько в народных массах, сколько в правящей элите, на которой сосредоточено все внимание Поремского.

Позволю себе вкратце напомнить кривую развития:

— Замысел коммунистического общества, в котором свобода воспринимается как познанная необходимость.

— Реализация этого замысла, стратегически и тактически намеченная Лениным и успешно начатая им в короткие годы его владычества, а затем с блестящей последовательностью воплощенная Сталиным в системе мифов и фикций, гарантированных всеобщим превентивным террором и безусловным признанием полновластной непогрешимости Вождя, определяющего что и как должен думать и чувствовать „наш советский человек“.

Это — подъем, движение вверх с апогеем в тридцатых и сороковых годах.

Со смертью единовластного Хозяина — спуск.

— Отказ от превентивного террора с его таблицами признаков и ликвидацией целых групп населения, согласно этим признакам; так называемая „борьба с культом“ с неизбежно вытекающим из нее падением авторитета первого/генерального секретаря ЦК, но и власти в целом. Ослабление принудительного исповедания ряда фикций, частично потому, что они стали бесполезны, а частично потому, что в изменившихся условиях перестали действовать средства принуждения. Совершенно правильно отмеченное у Поремского вынужденное снятие запретов и расширение доступа к ряду важных источников информации. Постепенное нерешительное и болезненное пробуждение самостоятельного мышления, не адаптированного к партийным требованиям и стремящегося к непринужденному обмену мыслями.

— Все это при полном сохранении созданного Сталиным „великого государственного механизма“, детального планирования экономики и организационной монополии партии при безоговорочном подчинении воле начальства.

Стихийное развитие советского управления сползает постепенно к перерождению тоталитаризма в бюрократический авторитарный режим и сопровождается потерей тотального контроля над населением. Перерождение это происходит под господством так называемого „нового класса“, привилегиро-

ванных номенклатурных бюрократов, оказавшихся на сегодня хозяевами страны.

Господство этих бюрократов отнюдь не устойчиво и не свободно от противоречий, выражающихся в ряде вопросов, вызывающих разногласия между так называемыми „ястребками“ и „голубками“, „консерваторами“ и „либералами“, „догматиками“ и „вольнодумцами“, „стариками“, судорожно цепляющимися за сталинское наследие, и „молодыми“, желающими принять благоденствия технической революции.

Эти обозначения, конечно, условны, но при всей их условности они в определенном приближении отражают уמוнастроения в правящей элите и толкают к образованию клик или групп, ведущих борьбу за места и влияния.

Противоречия между ними, однако, мне кажется, не радикальны, и Сталин смело обозначил бы их как „неантагонистические“, ибо усилия как „догматиков“, так и „либералов“, как „стариков“, так и „молодых“ направлены в конечном счете на сохранение собственного господствующего положения и связанных с ним преимуществ, а разногласия между ними касаются только вопросов, как лучше это сделать. Все они все еще „винтики“ отстроеного Сталиным „великого государственного механизма“, и ломать этот механизм они не собираются.

Поремский между прочим отмечает, что попытки Косыгина начать экономическую реформу „натолкнулись на противодействие не только в среде товарищей его уровня, но и в значительной мере всего аппарата власти. Спротивление оказали как бы не люди, а вся система в целом“. Совершенно верное замечание! И думается, положение „молодого“ Горбачева не так уж радикально отличается от положения, в котором находился „старик“ Косыгин. Недаром он говорит лишь о преобразованиях в рамках системы. Это и есть задача, которую разногласно, но дружно хотели бы разрешить как догматики, озабоченные сохранением основ существующего режима, так и либералы, стремящиеся укрепить его с помощью современной технологии. В этом и только в этом заключается для них вызов истории.

Другого они не видят. И хоть, по словам Поремского, „заграница для этих новых людей (имеется в виду постсталинское поколение номенклатурной элиты. — Р. Р.) не 'terra incognita': они овладели иностран-

ными языками, часто выезжают за границу, что способствует их освобождению от оков догмы и получению информации из первых рук”, преданность их режиму это не поколебало. Что бы они про себя ни думали, но, выехав за границу, эти „новые люди” умело и убежденно продолжают работу „старых”: дипломаты отстаивают мирные предложения М. С. Горбачева, защищают прогресс и не поддаются на провокации реакционной империалистической военщины; журналисты ведут борьбу за мир, бичуют пороки загнивающего капиталистического строя; шпионы шпионят. Все вместе активно способствуют расширению влияния страны советов и вовлечению в орбиту социализма все большего числа объектов. Мало кто из них заражается буржуазной идеологией, и деятельность их нередко венчается успехом. Навряд ли они всегда верят всему, что им приходится говорить, но свои личные мнения и сомнения они сохраняют для личного пользования. Они знают, что реакционные, агрессивные и империалистические взгляды мешают, а передовые, прогрессивные взгляды способствуют разрешению стоящих перед ними задач, и стараются также и в собственном сознании придерживаться прогрессивного направления. Передовая миролюбивая советская политика, направленная на поддержку народной демократии, там, где она царит и где намерена воцариться, делается на практике именно ими. А ведь сказано, что „по делам их узнаете их”. В своей деятельности, а в значительной мере и в своих взглядах они активно несвободны, и трудно представить себе, чтобы в этой среде мог состояться некий заговор душ, нацеленный на отказ от привычного и в общем успешного направления деятельности, обеспечивающей Советскому Союзу положение сверхдержавы, стремящейся диктовать свою волю миру.

Они по-своему патриоты. Они чувствуют себя хозяевами сверхдержавы. Они гордятся ее мощью и своим положением в ней. Они понимают, что эта мощь — достижение и функция режима, сумевшего мобилизовать себе на службу великую страну. Они видят, что не все благополучно в этой стране, что сложившиеся социально-экономические структуры мешают овладению современной технологией. Отставание от передовых капиталистических стран их серьезно тревожит и вызывает потребность в соответственной перестройке, но думая о ней, они думают не

о процветании страны и ее народов, а о том, что на их языке называется „государственными интересами” и „объектами стратегического значения”, о военной мощи и внешнеполитической экспансии. Этими „интересами” оправдывается и господствующее положение бюрократической номенклатуры, да и вся „система”, в рамках которой задуманы горбачевские перестройки.

*

В одном личном письме из Москвы (см. „Русскую мысль” от 16 января 1987 г.) есть такой пассаж:

„Центральный персонаж пытается совершить резкие телодвижения в болотной среде. Болото почти не реагирует. Единственная сила в стране, которая все-таки ощущает на своей шкуре его „новый стиль”, реагирует двояко. Во-первых, инстинктивно старается пересидеть, либо отбиться (на что и рассчитывают его конкуренты). Во-вторых, рассудком хочет понять, блеф ли это или, действительно, шеф сошел с ума и желает разрушить ’основы’?”

Нет, подлинное антагонистическое противоречие лежит не внутри системы, не внутри „единственной силы”, не внутри партийной номенклатуры. Оно заложено в конфликте коммунистического замысла с его месторазвитием, в неизбежном противоречии между властью и народом. После коллективизации, после ГУЛага, после сталинщины и борьбы с культом, после хрущевских метаний и брежневского застоя, после бесчисленных, ни разу не исполненных обещаний, доверия к „ним”, к власти имущим, в населении нет и быть не может. Не будем смешивать надежды с доверием. Надежды неистребимы, надежды есть и сейчас, но они сопряжены с недоверием. Дешевым либеральничаньем, не угрожающими режиму побрякками, усиленной критикой недостатков и громогласным требованием преобразований (которым якобы мешает косность догматиков) Горбачев возбуждает надежды, но доверия к нему у людей нет.

*

Два параллельных процесса, протекающих сейчас в России, не зависят от партии и партийной власти. Это, во-первых, процесс разложения и распада, социальные джунгли, в которых властвует погоня за добычей и

хищники питаются травоядными. И это, вторых, процесс нравственного обновления, социальное чудо, последствия которого непредсказуемы.

Конечно, во всяком народе всегда есть ловкачи и халтурщики и всегда есть честные и работающие люди. Но строили свой социализм большевики силами тех, кто даже не любя, кто даже ненавидя советскую власть, просто не умел работать недобросовестно и жить нечестно. А в свои ряды принимали тех, кто готов был отдаться активной несвободе, отречься от чувства чести и от дара различия между добром и злом. Сменялись поколения и растрчивалось духовное наследство, и нарастал тот дефицит доброжелательства и доверия, о котором мы говорили в начале этой статьи. Большевики сами научили народ жить нечестно. И пришло, по слову Солоухина, „время собирать камни“...

Не будем объяснять необъяснимое. Откуда на самом позорном спуске своей истории взяла Россия Солженицына, Сахарова и других не прославившихся солженицыных и сахаровых? Откуда повысочили всякого рода инакомыслящие, девочки со школьной скамьи и мальчики — создатели тайных обществ? Кто научил их тянуться к правде и ненавидеть ложь? Кто толкнул много писателя отвернуться от матитых перспектив и писать в стол или для самиздата?

Но это случилось, и сейчас оба процесса, процесс разложения и распада и процесс обновления и возрождения пронизывают *весь народ*, включая и правящий слой. Коррупция, взяточничество, воровство и обман достигают до самых верхов. (Достаточно посмотреть для примера хотя бы статью „Миллион для Юры Брежнева“ в „Посеве“ № 1, 1987.) Но, конечно, и в правящем слое есть люди, неллицемерно стремящиеся к добру для России и ее народов. Готов допустить даже, пусть с ничтожнейшей долей вероятности, что и в самом деле „шеф сошел с ума и желает разрушить ‘основы’“. Говоря о конструктивных силах в нашей стране, мы имеем в виду движущие силы нравственного обновления, с железной логикой порождающие стремление к обновлению социальному и политическому. Их-то, очевидно, и подразумевает В. Поремский, описывая созревание воли к реформам.

Процесс разложения ведет к анархии. Страна всеобщего воровства и взяточничества, систематической фальсификации отчет-

ности и незаконных, а то и преступных сделок становится постепенно неуправляемой. Постановления ЦК и Совета министров все меньше влияют на практическую деятельность органов управления, стремящихся „пересидеть и отбиться“.

Процесс морального обновления движется идеалами, несовместимыми с „основами“ партийного лицемерия. Он начался уже при Хрущеве и с тех пор набирает силы. Стремление к личной порядочности и презрение к приспособленчеству выводит людей из-под ига активной несвободы, не позволяет им заниматься самообманом и направляет их поиск к ценностям искренней веры, самостоятельной мысли и неллицемерного общения. Их ищут в религии, в изучении прошлого и заветов предков, в нерасчетливой критике окружающей советской действительности. Наблюдая за развитием этого процесса, не перестаешь удивляться тому, сколько свободы и самостоятельности сохранилось еще в России после стольких десятилетий тоталитарного угнетения!

Здесь не место разбирать историю и оценивать стратегию и тактику демократического движения, но указать на личный героизм его участников совершенно необходимо. Его значение в том, что это была первая попытка открытой политической оппозиции, покочившаяся с фикцией так называемого „морально-политического единства советского народа“. Перефразируя Поремского, можно сказать, что в лице диссидентов Россия выдала на-гора людей противоположной породы, „не трезвых, не расчетливых, склонных идти на риск, могущих и желающих переходить границы терпимого“.

Беда демократического движения была в том, что героический выход на Пушкинскую площадь с лозунгом „Соблюдайте собственную Конституцию!“ был преждевременен и не туда направлен. Попытка свести справедливый протест к требованию личных свобод и политической демократии не могла еще найти должного отклика и опоры. Политический идеал демократов, перестройка российской государственности по правилам западноевропейской демократии не обнаружил достаточной притягательной силы. Он лежит на поверхности и призывает заимствовать готовое чужое решение. После большевистского опыта построения социализма он *воспринимается как утопия*.

Процесс духовного обновления сам по себе не политический процесс. Его политическое значение огромно, но особенность его в том, что он враждебен утопии и исходит из затоптанных большевиками идеалов и ценностей. В нем присутствует мощное религиозное и даже мистическое начало, хоть он им не исчерпывается. Восстановление разрушенных храмов для него символично. Он направлен не на преобразование мира, а на спасение собственного духовного дома, России. Взоры его носителей направлены не на мироустройство, а на *восстановление порванной большевиками связи времен* как в священном предании веры, так и в животворящем предании культуры и нравов.

*

Любой вид политической деятельности в современной России и любые силы, включенные в эту деятельность, если они не хотят ее гибели в результате анархического вырождения и распада, должны в той или иной форме солидаризироваться с процессом русского духовного обновления, постараться понять его и найти общий язык и общие ценности с его носителями. И это нужно в первую очередь тем, кого главным образом имеет в виду Поремский, — людям технического склада, стремящимся к полноценным реформам, а в конечном счете к благотворной перестройке существующего режима.

Реформаторам во главе с Горбачевым, если они и в самом деле задумали реформы, нужно было бы пойти на риск и сделать выводы из процитированных также и Поремским слов генсека, сказанных 31 июля прошлого года в Хабаровске: „Нынешняя перестройка охватывает не только экономику, но и другие стороны общественной жизни, социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и метод работы партии, всех наших кадров. Я бы поставил *знак равенства между словами перестройка и революция*” (курсив мой. — Р. Р.). Только если этот знак будет на самом деле поставлен, реформаторы могут рассчитывать на доверие и поддержку народа. Но Горбачев, наверное, и сам понимает, что революции не делаются в рамках существующего строя, что революционная перестройка означает *выход за рамки*, больше того, коренной перелом, отрицание прежней и утверждение новой, иной системы экономических,

политических и всех остальных отношений. Так мог бы он сделать вывод и догадаться, что многоопытного советского ворабья на словесной мякине не проведешь.

С тех пор прошли уже месяцы. Но выводов пока не сделано. Спор о том, будут или не будут реформы, и если да, то какие, начинает вызывать насмешки. Какая уж там революция, когда „Закон об индивидуальной трудовой деятельности” нацелен в первую очередь на то, чтобы зарегистривать и ограничить практически уже существующую деятельность, а „преобразование” сводится пока что к перетасовке компетенций в системе бюрократического управления?

Нет, единственная область, в которой abлюдается движение, — и бурное движение, — это критика недостатков и гласность. И как здесь не вспомнить, что прорыв к гласности, столь характерный для весенней Праги 1968 года, был, похоже, последним толчком к вводу туда войск Варшавского договора. Гласность еще не преобразования, но *гласность — путь к преобразованиям*. Она размывает одну из основ режима, информационную монополию партии, впрочем, и до того уже сильно расшатанную. Но она стихийно подмывает и две другие: монополию организационную и монополию экономическую. В направлении к свободе слова Горбачев, вольно или невольно, допустил крупный, быть может, решающий прорыв. Не вся и не полная правда, но все-таки правда, стала прорываться на страницы печати, на сцены театров, даже на экраны телевизоров. Партия еще может заблокировать этот прорыв, но обратит его вспять и вернуться к режиму активной несвободы она не может. Наступает пора, когда никто больше *не принужден говорить неправду*. Публичная ложь потеряла принудительную силу. Стало можно „жить не по лжи”.

Партия сможет еще продержаться силами тех, кто из бессовестного расчета будет обманывать себя и других и служить неправде. Но *партийная власть перестала быть тотальной властью*. Это никакая не реформа, но это бесспорно выход за рамки, это — важнейший шаг на пути к свободе.

Перефотографируйте
наиболее важные, по вашему мнению,
статьи и разошлите их по почте

Перестройка — реальность и фикции

Александр ЮГОВ

Провозглашенная Горбачевым "революционная перестройка" возникла не случайно — только оттого, что пришло к власти новое, более молодое, энергичное партийное руководство и принялось за перемены. Перемены эти вынужденные и запоздавшие. Конечно, в историческом плане они запоздали на шестьдесят с лишним лет. Но они запоздали даже в плане существующей реальности, ибо интенсивно развиваются и сопрягаются разрушительные тенденции, ввергающие страну в пучину больших экономических и социальных бед.

Об этих тенденциях мы в нашем журнале неоднократно говорили и писали. На экономической конференции в ЦК КПСС в июне 1985 года часть из них Горбачев довольно самокритично проиллюстрировал цифрами и фактами. Эта „иллюстрация" продолжалась и в ряде его последующих выступлений. Последние полтора года советская пресса ведет кампанию „обличительной гласности". Даже текстуально это во многом повторение того, что не один раз писалось на страницах нашего журнала и, разумеется, не только нашего, но и другой периодики российской политической эмиграции. Разница — правда, довольно существенная, — в том, что авторы в Советском Союзе, даже самые радикальные, не могут делать тех заключительных выводов, которые делаем мы.

1980-е годы — „вокзал" разрушительных тенденций

Под лавиной фактов и примеров 1980-е годы предстают как какой-то сгусток негативных явлений, разрушающих тело и дух страны. Если прибегнуть к сравнению, это напоминает крупный вокзал, куда сходятся железнодорожные линии с разных сторон. Если раньше негативные тенденции, выводы из них и результаты их не были столь заметны, были до известной степени замаскированы, особенно от рядового человека — не аналитика, не экономиста, оперирующего цифрами, — то теперь они стали видны буквально всем, они выступили на

поверхность. Разнообразные и разнохарактерные проблемы народного хозяйства сплелись в один тугой узел, они доведены до такой концентрации, что разрешать их можно подчас лишь „топором".

Объемный рост экономики подчеркнул объемный рост потерь. Эти потери — специфическая особенность социалистического производства, функционирующего, по сути, не для потребителя, а для выполнения формальных показателей. „Диктат производителя над потребителем" (характеристика, между прочим, самого Горбачева) неизбежно приводит к тому, что весь экономический механизм работает хоть и с огромным напряжением, но с чрезвычайно низким коэффициентом полезного действия.

В 1980-е годы стало очевидно, что сельское хозяйство страны стагнирует с небольшим ростом или небольшим падением, на низком уровне — несмотря на непрерывно растущие государственные вложения в сельское хозяйство. Продуктовые излишки в развитых странах, даже индустриальных, бурный рост сельского хозяйства в развивающихся странах — все это лишь подчеркивает, что мы имеем дело с кризисом советской сельскохозяйственной системы, явно не зависящим от каких-либо случайных факторов или явлений. И только решительные структурные изменения могут постепенно вывести сельское хозяйство страны из состояния хронического кризиса.

Все предыдущие пятилетки росло производство электроэнергии. По комплексной добыче самых разных энергоносителей Советский Союз стоит на первом месте в мире, далеко впереди других развитых и неразвитых стран. А по бытовому потреблению электроэнергии Советский Союз от всех развитых стран далеко отстал. В стране фактически энергетический кризис, жесткая экономия электроэнергии в быту. Как это возможно? Причина проста: почти двукратное, по сравнению со средним мировым, потребление энергии для производства условной единицы продукции. Тут никакие „неисчерпаемые запасы" не помогут. Тем более, что себестоимость добычи всех видов энергетического топлива в 80-е годы существенно выросла.

Добывающая промышленность страны работает с огромными потерями. В отвал идет

Расширенное изложение доклада, прочитанного на тридцать восьмой конференции „Посева" 16 ноября 1986 г. в Нью-Йорке.

руда, которую на 9/10 еще можно было бы использовать. Это данные советской же прессы, которая ныне пестрит примерами, один страшнее другого. Гигантские территории не только отнимают землю у сельскохозяйственного производителя (блага для государственного предприятия эта земля бесплатна), но и отравляют среду обитания на десятки километров вокруг. Вынесен и диагноз колоссальных потерь — ведомственный подход. Но ведь этот ведомственный подход неотделим от всего социалистического централизованного способа хозяйствования.

СССР выплавляет уже 160 млн. тонн стали, почти в 2 раза больше, чем Соединенные Штаты. Производство же автомобилей, этого основного потребителя металла, во много раз меньше, чем в США или в таких развитых странах, как ФРГ или Япония. Горбачев указывал на необходимость перехода к интенсивным технологическим методам, к уменьшению количества потребляемого металла. Тем не менее, металла все время не хватает, все ведомства требуют еще и еще.

Транспорт по количеству тонно-километра бьет все рекорды, но не справляется с растущими грузопотоками. Ведомственная структура экономики ведет к массе излишних и встречных перевозок. Особенно напряженно работает железнодорожный транспорт. Сверхтяжелые составы рашатывают колею, снижая среднюю скорость и увеличивая вероятность аварий. Перенапряженность и изношенность всех видов транспорта — наземного, морского, речного, воздушного — делает более частыми аварии и катастрофы. Но лишь те из них, которые сопровождаются большими человеческими потерями, становятся известны общественности.

В 1980-е годы расцвело новое, непривычное для социалистической экономики явление: покупатель перестал разбирать все, что появляется на полках магазинов. Происходит интенсивное заговаривание, особенно изделий швейной, обувной, легкой промышленности, бытовых изделий длительного пользования. Заводы, обслуживающие „частного“ потребителя, не могут удовлетворить его возросшие требования к качеству продукции, не могут приспособиться к быстроменяющейся моде. В условиях элементарного насыщения „работа на склад“ приобретает все более зловещий характер.

Именно в восьмидесятые годы стал интенсивно проявляться результат процесса, безостановочно идущего десятилетиями, — загрязнение среды обитания. Министерства

и ведомства, выполняя государственный план любой ценой, необратимо загрязняют реки и озера, хищнически уничтожают леса, истощают и портят землю, отравляют воздух. Процессы очистки и восстановления природных ресурсов зачастую вообще отсутствуют: на них нет ни времени, ни средств.

Характерный пример: в октябре 1986 г. высшие санитарные инстанции страны закрыли Приозерский целлюлозный завод. Этот завод давал четверть вискозной целлюлозы страны, кормовые дрожжи для Продовольственной программы, товаров народного потребления на 1,5 миллиарда рублей в год. И тем не менее его вынуждены были закрыть. 55 лет, наращивая мощности, завод работал без каких бы то ни было очистных сооружений! В результате дело дошло до полного загрязнения Ладожского озера, бывшего всегда символом чистоты русского Севера. А ведь из этого озера берут воду для своих нужд не только мелкие города и поселки, но и 5-миллионный Ленинград! Министр лесной и бумажной промышленности М. Бусыгин, возражая против закрытия Приозерского завода, мотивировал: „У меня подобных точек еще двести насчитать можно — такое хозяйство принял — что же, все закрывать?...“ („Советская Россия“, 16.10.1986). Таково положение вещей не только по одному министерству, и далеко не самому „загрязняющему“.

Существует распространенное мнение, что тоталитарная система может все, что ее возглавители могут наплевать на все последствия, на все побочные результаты и железной рукой проводить в жизнь свои планы. Но как раз середина восьмидесятых свидетельствует, что так больше не получается. Последствия Чернобыля, последствия Приозерска, стагнация Тюменской „нефтьедобчи любой ценой“ — лишь наиболее заметные примеры и символы.

Восьмидесятые годы отмечены еще и тем, что в стране практически исчерпаны трудовые резервы. В государственный производственный котел брошено все возможное — матери семейств, пенсионеры, учащиеся. Демографическая волна крайне невыгодная, прирост рабочих рук идет на снижение. Реальная рабочая неделя разными методами (сверхурочные, авралы, субботники, недоразвитая сфера обслуживания, перегруженный общественный транспорт и т.д.) доведена фактически до величины, абсолютно ненормальной для конца XX века.

В то же время не прекращается деструктивный процесс непомерного разбухания производительных сфер государственного управления и контроля. Охранительно-управленческий аппарат в СССР сейчас во много раз больше, чем аналогичный аппарат в любой, самой бюрократически распушенной стране некоммунистического мира. Бюрократическое разбухание продолжается и в „горбачевский” период, особенно на министерском уровне. На производительных участках народного хозяйства также создается совершенно ненормальное соотношение между непосредственными труженниками и стоящими над ними командирами и подталкивателями. Сознвая опасность этого бюрократического ожирения, на словах критика его, вот уже полдюжины генеральных секретарей бессильны что-либо изменить, бессильны выскочить из колеи системы. Система сильнее своих возглавителей.

Все эти социально-экономические ненормальности и пороки не только трансформируются в отставание жизненного уровня населения, это было бы еще полбеды. Медленно, но неуклонно воздвигая, они как бы входят в духовный организм народа, отравляют его кровь, разрушают его здоровье. Падают трудовая мораль, растет преступность, алкоголизм, наркомания, злоупотребления и коррупция на верхах, апатия и безынициативность в низах. В последние 10-15 лет социально-демографические и медицинские последствия приняли уже ярко выраженное статистическое оформление. Резко выросла детская и мужская смертность. Снизилась средняя продолжительность жизни, особенно у мужчин. Заметно упала рождаемость. Советский Союз — признанный чемпион по количеству разводов, по числу абортов на женскую душу населения. Растет число „беглых” отцов-алиментчиков, все больше молодых матерей-одиночек „сдают” своих младенцев в детские дома. Ненормально большой процент неполноценных детей среди новорожденных. Все это — прямое следствие таких запущенных явлений, как алкоголизм, тем более женский алкоголизм, плохое, авитаминозное питание, недостатки медицинского обслуживания и профилактики, отвратительные жилищные условия, ежемесячные стрессы у „выполнителей плана”.

„Наш паровоз вперед лети, в коммуне — остановка!” — пели молодые энтузиасты коммунистического строительства, не подзревая, конечно, куда завезет их детей этот „паровоз”. Сегодня зияющая впереди

пропасть отчетливо видна. Напряженно трудясь, страна на всех парах летит к материальному обнищанию и духовному вырождению своих граждан. „Вокзал восьмидесятых” должен стать последним предупреждением, решительным красным светом для летящего вперед коммунистического паровоза. Настоящие патриоты, истинные граждане своей страны все яснее сознают: этот „паровоз” необходимо не только остановить, но и повернуть на другой путь.

„Перестройка идет очень трудно”

Все сказанное выше делает очевидным: перестройка „экономического механизма” — не каприз горбачевского честолюбия, но суровая необходимость. Продолжение брежневской неподвижности грозит стране тотальным обвалом. Если не предпринять решительных шагов, то негативные, разрушительные силы и процессы, окончательно сойдясь вместе, неминуемо приведут не только к социально-экономической катастрофе — она уже налицо, — но и к катастрофе внешнеполитической, к катастрофе общегосударственной, к развалу и хаосу внутри страны.

Это понимают думающие люди во всех социальных группах — среди рабочих, крестьян, технической и гуманитарной интеллигенции. Это понимают и конструктивные силы в среднем и даже высшем правящем слое: сверху яснее видно, чем грозит системе реального социализма возврат к принципам выжидания и неподвижности. Ведь погружение в пучину идет с ускорением, и если брежневская экипа могла десятилетиями неподвижно „лежать на болоте” и наслаждаться властью, то нынешнее партруководство такой роскоши себе позволить не может.

Однако у сторонников решительных и кардинальных перемен есть мощные и влиятельные противники. Это та разбухшая номенклатура, которая занимает свои теплые места не по праву, не по уму, инициативе и таланту, а по анкете, партийной выслуге и пресмыкательству перед вышестоящими. Это те правящие эгоисты, которые живут по принципу „После нас хоть потоп!”. Противников перестройки откровенно описал и сам Горбачев:

„Между народом, который хочет изменений, который мечтает об изменениях, и руководством есть управленческий слой — аппарат министерств, партийный аппарат, который не хочет переделок,

не хочет лишения некоторых прав, связанных с привилегиями”.

Но, спросим, кто же выпестовал этот аппарат? Кто виноват в том, что этот непомерно разбухший аппарат ставит свои узкокорыстные кастовые интересы выше интересов общества, интересов всего народа? Борьба с привилегиями, эгоизмом и произволом партаппарата началась в 1920-е годы, еще при Ленине. И вот, в конце славного пути, генеральный секретарь КПСС беспомощно разводит руками перед этим разжиренным чудовищем, которым он должен управлять!

„Перестройка идет очень трудно. У нас нет оппозиции. Каким же образом мы можем контролировать сами себя? Только через критику и самокритику. Самое главное — через гласность. Не может быть общества без гласности.”

Иными словами, то, что существует в Советском Союзе, обществом называться не имеет права, так как гласности там вот уже почти 70 лет нет. Есть лишь „просачивающаяся” гласность, и утечки ее то немного увеличивают, то наглухо законопачивают. А уж о легальной оппозиции и говорить нечего. С момента своего возникновения коммунистическая власть каленным железом выжигала любую оппозицию, любое инакомыслие. Тоталитарная власть и контроль ее через оппозицию — это абсурд, нонсенс. Такого нет и не может быть ни в одной коммунистической стране. В отличие от просто авторитарных стран, коммунистическая власть не может хотя бы терпеть оппозицию, не сажая инакомыслящих в лагеря или изгоняя их из страны. Вот и остается только „критика и самокритика”. Признанным чемпионом по этому делу был товарищ Сталин, а пик „критики и самокритики” страна переживала как раз 50 лет назад...

Перестройка начинается с гласности. Но и противоречия перестройки начинаются с противоречия горбачевской гласности. Две вышеприведенные цитаты взяты из анонимной записи беседы Горбачева с группой писателей столицы и писателей-депутатов Верховного совета СССР. То, что говорил писателем Горбачев, полностью или в цитатах, публиковалось эмигрантскими изданиями, переведено иностранными газетами, передавалось „радиоголосами”. Но посмотрите, как пересказала выступление Горбачева „Правда” от 21 июня 1986 г.! Это так же похоже на то, что он говорил, как партийная гласность на просто гласность.

И ведь это не единственный случай, а норма. Из речей Горбачева исчезают наиболее острые абзацы, другие переделываются, смягчаются. Чем правдивее и честнее разговор, тем уже кворум „допускаемых” к нему. Откровенные ответы Ельцина на вопросы московских пропагандистов тоже попали на Запад лишь в самиздатской записи. Может быть, партийные вожди сознательно используют каналы Самиздата, чтобы обойти свой всемогущий „аппарат”, чтобы их слова хоть как-то увидели белый свет?

Весь период провозглашенной перестройки, то есть последние полтора года, отмечены подобной противоречивостью и непоследовательностью.

Горбачев говорит красивые слова о праве народов самим выбирать свою судьбу. Но преследования инакомыслящих продолжают с неослабевающей жестокостью и цинизмом.

Горбачев говорит — и пресса подхватывает — красивые слова о демократизации. Но подбор и выдвижение руководящих партийных кадров остается принципиально антидемократичным, безвыборным, полностью проводимым сверху.

Каких-то партийных бонз увольняют с работы и даже судят за коррупцию и взяточничество. Но система, позволяющая неограниченное и бесконтрольное злоупотребление властью, ни в чем не меняется.

Критикуют и даже увольняют с работы за обман, за приписки и очковтирательство. Но в то же время, более жестко требуя с ведомственной и территориальной администрации выполнения контрольных показателей, создают для очковтирательства еще большие предпосылки.

Несмотря на критику, впрочем, довольно робкую, система закрытых распределителей и специальных льгот для партийной элиты осталась непоколебленной.

Периодическая печать, нужно признать, стала острее и интереснее. Но критические выступления журналистов, как правило, хорошо аргументированные жизненными и цифровыми примерами, не приводят к принципиальным структурным переменам. Иногда устанавливается очередной „эксперимент”, их числу конца не видно. Выводы, к которым подводит жизненная практика, уже давно можно было бы сделать безо всяких экспериментов. Но они не подкрепляются, не фиксируются необходимыми законодательными акциями, никакими существенными структурными изменениями. Диссонанс между речами и делами, между теоретическими призывами и зако-

нодательной реальностью становятся все заметнее.

Характерный пример — „Закон по борьбе с нетрудовыми доходами”. Его отрицательные последствия сказались очень быстро. У владельцев приусадебных участков ломали „лишние” теплицы, запрещали вывозить продукты на рынок, особенно в „чужие области”. Шофера боялись совершать „левые” рейсы, мастеровые — делать „левые” ремонты, шабашники — шабашничать. Быстрые последствия: рост цен на продуктовых рынках, рост цен на нелегальные и полуперегальные формы обслуживания, рост цен на предметы спекуляции. И тут сказались противоречия „новой гласности”. Закон о нетрудовых доходах был принят в середине года, а уже в августе-сентябре в газетах стали появляться критические высказывания в адрес его последствий. 17 октября в „Литературной газете” появилась большая статья писателя Леонида Жуховицкого „Анатомия перегиба”. В ней писатель анализирует, почему преследуют „тепличников”, „огородников”, „шабашников”, „леваков”, и прочих тружеников, получающих хорошие (по советским масштабам) заработки за свой личный дополнительный труд. Жуховицкий, как и многие другие, хочет видеть в этом перегибы и злоупотребления партбюрократов среднего звена. Но те ведь всего лишь выполняют соответствующие ограничительные законы и постановления. Они с полным правом могут сказать своим критикам: „Меняйте законы!”.

Если быть последовательным, то к „перегибикам” нужно отнести и самого генерального секретаря. То, что он говорил на встрече с крестьянами-станичниками Краснодарского края, вполне подходило бы под определение „перегиба”, если бы одновременно не отражало руководящего кредо верхушки КПСС. Она хочет перестройки, но без какой-либо сдачи идеологических позиций. Ее желания хорошо передаются словами Салтыкова-Щедрина:

„Они сидели день и ночь и снова день и все время решали только один вопрос — как свое убыточное хозяйство превратить в прибыльное, ничего в оном не меняя”.

Между прочим, эти слова звучат со сцены московского театра им. Ленинского комсомола (М. Шатров, „Диктатура совести”) и вызывают бурные аплодисменты зрителей. Но разрешенная критика вскоре грозит превратиться в режелательную пародию.

См. статью А. Югова „Двуединая формула Горбачева” („Посев” № 11, 1986). — Ред.

Противоречия перестройки, все эти „перегибы”, откаты назад, отсутствие видных позитивных изменений в жизни и быту опускают население страны в состояние неверия и разочарования. Особенно это относится к мыслящей элите, к интеллигенции. И хочется верить и надеяться на перемены к лучшему, да трудно. В душе каждого мыслящего человека, болеющего о судьбе страны, идет мучительная борьба между надеждой и неверием, идет как бы нескончаемый внутренний диалог Оптимиста и Пессимиста:

— Такая глубокая критическая „вспашка” не может пройти бесследно. Размах и глубина „новой гласности” — залог того, что перестройка будет осуществлена.

— Разоблачения Сталина 30 лет назад были для народа гораздо большим шоком. И что из того?

— Никакого сравнения. Тогда удар был по личности, сейчас — по системе. 30 истекших лет выветрили многие иллюзии.

— А в чем, собственно, перемены? Пока что — слова, слова... Красивых слов и в прошлом было предостаточно.

— Но не таких. Не только Горбачев, — все Политбюро связало свою судьбу с судьбой перестройки. Кардинальные перемены должны последовать непременно.

— Это как сказать. Партийные вожди умеют перекручиваться, как хорошие акробаты. Это мы уже видели, и не один раз. Уж куда как серьезные изменения были при НЭПе. Разве это помешало потом все забрать обратно? Да еще как гайки закрутить!

— Опять-таки никакого сравнения. НЭП был сознательным временным отступлением Ленина и его соратников, они и не скрывали этого.

— Ну, а теперь что? Горбачев сам провозгласил: „Перемены возможны только в рамках социалистической системы”. Чуть шевельнул руку — на рамки и наткнулся. А ломать рамки — табу.

— Ломать, может быть, и нельзя, особенно сначала. Но их плавно и незаметно расширять — можно. Последовательно передвигать рамки системы — это, фактически, тоже ее ломка...

Этот диалог можно продолжать и продолжать. Спор Пессимиста и Оптимиста рассудит только сам процесс перестройки, его итог.

Построенная на фундаменте марксизма-ленинизма Система предстает перед миром в виде гигантского перепускного клапана. Она легко пропускает все меры ограничительного характера, многочисленные унтерпришибевские „держать и не пущать!” (запретить, пресечь, ограничить, повысить дисциплину, закрутить гайки и т.п.). Но ее

створки тут же сдвигаются, как только дело касается необходимости произвести создательные, стимулирующие структурные перемены, затрагивающие, тем более, идеологические догмы режима. Тогда сразу же вырастают труднопреодолимые барьеры — идеологические, социальные, психологические.

Можно ли перестроить эту одностороннюю направленность Системы? Можно ли сверху изменить ее, так сказать, генетическую запрограммированность?

Эти вопросы сейчас задают себе люди в Советском Союзе. Эти вопросы волнуют людей во всем мире, ибо нет более судьбоносной проблемы, чем перспектива мирной трансформации коммунистических режимов.

Трехсекторная экономика — обязательный рубж

Семейный подряд, бригадный подряд, артельный подряд — эти все попытки властей поднять трудовую эффективность масс не надежны, половинчаты и зачастую фиктивны. Попытки их внедрения сплошь и рядом носят кампанейский, а посему — хаотический и формальный характер. Они не в состоянии естественно вписаться в командную государственную собственность. Нет к ним и доверия потенциальных исполнителей подряда. Люди не хотят по-настоящему вкладывать свой труд, инициативу и предприимчивость, не имея достаточных материальных стимулов и опасаясь очередного обмана со стороны властей. Отсутствуют четкие юридические гарантии. Отсутствуют привилегии настоящих хозяев — возможность распоряжаться собственностью и производимой продукцией. Колхозы продолжают оставаться фиктивной групповой (кооперативной) формой собственности. Колхозные „собственники” не могут ни производить, что хотят, ни продавать, как хотят, ни делить свою собственность между отдельными семьями и группами семей. Отсутствует возможность приспосабливаться к потребительскому спросу, выбирая тип продукции и назначая цены. Там же, где это есть, на самом примитивном уровне („огородники”, „тепличники”, „шабашники” и пр.), там существует столько преград и ограничений, что большая часть потенциальной эффективности теряется.

Существующие в настоящий момент формы „подрядов” в лучшем случае можно называть зародышами настоящих ячеек частной и групповой форм собственности. Станут ли

они полноценными ячейками? А если станут, то когда? Но только тогда можно будет сказать, что провозглашенная перестройка привела к качественно новому результату.

Нужно, наконец, назвать вещи своими именами. Не только мы, из-за рубежа, но и весьма компетентные критики „экономического механизма” внутри страны сейчас уже вслух говорят о том, что необходимо более решительное стимулирование технического прогресса, инициативы и риска, о том, что необходимы рыночное ценообразование, децентрализация капиталовложений, автономность комплексных производственных решений, конкурентная борьба за потребителя. Но все это, не паллиативно и зыбко, а всерьез и постоянно, будет функционировать только тогда, когда помимо общегосударственной в стране полноправно будет существовать также частная и групповая (общественная) формы собственности. На горизонте перестройки появляется программное положение НТС о трехсекторной экономике. Если, конечно, сама перестройка — не мираж в пустыне, когда изнывающие от жажды путники видят то, что им больше всего хочется...

Частная трудовая собственность может быть на самом низком, „единоличном” уровне, для начала — в сельском хозяйстве и в сфере обслуживания. Но она должна быть конституционно защищена. Общественная собственность может быть на самом примитивном уровне, в артелях и добровольных кооперативах. Но она должна обладать всеми законными правами групповой собственности, она не должна быть фиктивной.

Словосочетание „структурные изменения” в последнее время встречается довольно часто, даже в советской прессе. Но что стоит за ним? Если не бояться идти до логического конца, то это — конституционно разрешенные иные формы собственности, кроме общегосударственной. Это — социально-экономический плюрализм, для начала хотя бы в форме трехсекторной экономики. „Структурные изменения” без маскировочного флера — это отказ от монополии государственной собственности, то есть фактически отказ от основной догмы марксизма-анакронизма.

Критическая волна, которая плещет сегодня на страницах советской печати, непривычно смелые высказывания Горбачева привели определенную часть западного общества в состояние эйфории. Иногда даже слышны голоса, что система в Советском Союзе перестала быть тоталитарной, а как бы ста-

ла авторитарной диктатурой. Это, конечно, совершенно не так. Подобную констатацию нельзя делать даже в отношении таких стран, как Венгрия или коммунистический Китай, хотя там перемены гораздо более значительны и существенны, чем в Советском Союзе. Но и там далеко еще до „авторитарного рубежа”. Таким рубежом, таким индикатором терминологической разницы единственно и может служить реально узаконенная многосекторность экономики.

Переход от фактически односекторной экономики к экономике трехсекторной и будет необходимым итогом „революционной перестройки”. В противном случае это не будет ни „революцией”, ни „перестройкой” вообще. В условиях однопартийной политической структуры, трехсекторная экономика — это то новое качество, которое знаменует переход от тоталитарной системы к системе авторитарной. Это необходимый минимум, определяющий социально-экономический плюрализм.

Если такой минимальный социально-экономический плюрализм восторжествует, если он практически и конституционно закрепится, то затем он непременно, в историческом плане — автоматически, потянет за собой и политический плюрализм. Требовать от тоталитаризма обратного пути к демократии — через политический плюрализм немедленно — видимо, нереально.

Необходима смена принципов

Горбачев говорит о перестройке как о явлении, которое можно охарактеризовать термином революция. Вслед за ним этим термином стали пользоваться некоторые наиболее смелые (или неосторожные?) журналисты. С другой стороны, НТС всегда, на протяжении всей своей истории призвал к кардинальным, революционным изменениям в стране. Стремятся ли руководство КПСС и руководство НТС к одному и тому же? Нет, они понимают прокламируемую „революцию” и ее результат наверняка по-разному. Но слово-то все-таки конкретное, им нельзя жонглировать как угодно. Революция может быть быстрая и растянутая по времени, кровавая или бескровная, внезапно вспыхнувшая снизу или направляемая сверху. Но во всех случаях *социально-общественная революция означает кардинальные, принципиальные перемены, означает замену одних принципов развития другими*. О каких принципах может идти речь, если мы говорим о переменах в Советском Союзе?

Речь может идти об отказе от принципов классовой борьбы, от принципов диктатуры одного класса над другими, менее „прогрессивными”. И этот отказ пора уже провозгласить открыто. Пора признать историческую ошибочность теории классовой борьбы. Необходимость „революционной перестройки” подписывает обвинительный приговор классовым теориям, приговор всей догматике марксизма-ленинизма.

Итог следования теориям классовой борьбы на практике оказался плачевным, более того — трагическим. Классовая борьба и ее последствия, весь ее жаргон („диктатура”, „разгромить”, „уничтожить как класс”, „экспроприровать”, „до полной победы”, „до окончательного поражения” и т.п.) сегодня демонстрируют нам не только свою антигуманную сущность — это ясно было всегда, в свое время коммунисты этим даже гордились, — но и, выражаясь классовой же терминологией, свое полное поражение во всех сферах жизни общества. Всюду, где коммунисты провели в жизнь творческие заветы Основоположников и Вождей, они — но вместе с ними, увы, и вся страна — пожинают сегодня горькие плоды.

Победили капиталистов-эксплуататоров — и сегодня тщетно зывают к предприимчивости и инициативе.

Разгромили национальный капитал — и постоянно стоят с протанутой рукой перед капиталом иностранным.

Уничтожили кулачество как класс — и десятки лет покупают сельскохозяйственные продукты во всех уголках земного шара.

Растоптали Церковь, заклеили религию как опиум — и тяжело вздыхают о стремительном падении морали, нравов, человеческих добродетелей.

Разрушили храмы и памятники ненавистного прошлого — и сегодня по камешку собирают жалкие остатки.

Уничтожили, раздавили и постоянно давливают культурную творческую элиту — и задыхаются от беспомощной серости.

Нет, здесь повинны не случайные ошибки. Мол, до какого-то момента все шло правильно, а просто затем миярек увлекся. Здесь закономерный итог порочного принципа. Здесь последствия примата принципа борьбы и уничтожения над принципом солидарности и компромисса.

Даже в демократических странах мы видим ту же зависимость. Там, где прорываются рецидивы классовой борьбы, где идеологически обостряются и поляризуются противоречия между различными социаль-

ными группами и общественными инсти-туциями, где разрешение проблем принимает баррикадно-забастовочный характер, — там дела идут плохо. И наоборот, гораздо выше общественное благополучие, гораздо здоровее моральный климат там, где общество неустанно ищет и находит компромиссно-сбалансированные решения. *Торжественно конструктивных, компромиссно-сбалансированных решений и определяет примат принципа солидарности над принципом борьбы.* И те страны добиваются максимальных успехов, которые следуют — пусть прагматически и стихийно, не возводя его в ранг идеологического постулата и даже не упоминая о нем — принципу классовой солидарности, принципу компромиссно-сбалансированных решений.

Это справедливо для всех абсолютно сфер человеческой жизни, для любых взаимоотношений: между государственной властью и обществом, между обществом и личностью, между предпринимателями и профсоюзами, между партиями, между Церковью и государством, между федеральной и местной властями, между национальностями в многонациональном государстве, между сторонниками технического прогресса и защитниками окружающей среды. *Нет ни единого типа групповых противоречий и противостояний, где исторически оправдалась бы „борьба до полного уничтожения“ одних другими.* Исключение представляет разве что борьба общества против принципиально враждебного ему политического и уголовного терроризма. Но именно здесь, увы, „полным уничтожением“ пока и не пахнет...

Возьмем трехсекторную экономику, о которой мы говорили. Три сектора, три формы собственности — та основа, на которой зиждется экономика любого развитого государства. Фактически, в ярко выраженном чистом виде формы собственности бывают лишь на крайних полюсах — „единоличная“ частная собственность и стопроцентно государственная собственность в тех отраслях, где иное решение труднодостижимо чисто технически (почта, телеграф, железные дороги и т.д.). Все остальное — это всевозможные комбинации форм собственности. У специалистов нет даже полного единодушия в вопросе, куда отнести, например, такие формы собственности, как акционерная или муниципальная. Чем более развита экономика данной страны, тем насыщеннее „инфраструктура“ форм собственности, тем больше они переплетены и связаны, тем легче они переходят одна в другую. Они конкурируют и соревнуются между собой, но одновременно они же —

в общественном плане — дополняют друг друга, взаимодействуют друг с другом, динамически, в связи с изменением ситуации, переходят одна в другую и обратно. Это и есть солидарное взаимодействие на практике. Чем оно теснее, чем свободнее, без искусственно выстроенных идеологических барьеров осуществляется переход из одной формы собственности в другую, чем этот переход незаметнее, — тем лучше, эффективнее, полезнее для всего общества функционирует экономика данной страны.

И наоборот. Если доминирует одна, идеологически заданная форма собственности, если она припечатывает к ковру все остальные, не давая им шевельнуться, то такая экономика обречена на застой. Монополия одной, общегосударственной формы собственности в коммунистических странах — это и есть „полная победа“ принципа борьбы над принципом солидарности. А необходимость коренной перестройки всего народного хозяйства — неизбежный исторический результат этой „полной победы“.

Жизнь принуждает к этому выводу даже партийных вождей и идеологов. Но вместо того, чтобы честно его признать, они всячески финтят и изворачиваются. Вот что говорил, например, Горбачев на встрече с группой деятелей мировой культуры, приехавшими по приглашению Чингиза Айтматова на „Иссык-Кульский форум“ (вот у нас уже как: кого хочет известный писатель, того и приглашает!..) :

„Ленин в свое время высказал мысль колоссальной глубины — о приоритетности интересов общественного развития, общечеловеческих ценностей над интересами того или иного класса“ („Литературная газета“, 5.11.1986).

Поскольку Горбачев сейчас, по его словам, „все время сидит с ленинскими томами“, то ему и цитаты в руки. Правда, он не называет, откуда взята эта „мысль колоссальной глубины“, из какого текста, а тем более — контекста. Но любой школьник знает, что можно составить целые тома из ленинских цитат как раз противоположного смысла. Ленин и его соратники ставили выше всякого развития, выше всяких там ценностей, буржуазных или общечеловеческих, „интересы рабочего класса“, „интересы пролетариата“. Более того, ради провозглашаемых интересов этого единственного „класса будущего“ другие классы, слои и прослойки беспощадно уничтожались.

То, что процитировал Горбачев, это не коммунистический принцип, это — соли-

даристический принцип. Горбачев здесь не просто передергивает, в историческом плане он выступает в роли карточного шулера, который незаметно „заимствует“ чужой козырь и невинно заявляет, что так всегда было. Нет, так не было, было как раз наоборот. И это всем хорошо известно. Рано или поздно „перестраиваться“ придется и в моральном плане, а это означает — *признать изначальную порочность своего основополагающего принципа классовой борьбы.*

Январский пленум ЦК КПСС

27-28 января состоялся, наконец, давно ожидавшийся пленум ЦК КПСС. Вопреки обыкновению и необычайной организационной активности Горбачева, этот высший руководящий гремий партии не созывался с середины июня прошлого года (семь с половиной месяцев!), и даже ноябрьская сессия Верховного совета СССР, утвердившая план и бюджет второго года пятилетки, а также закон об индивидуальной трудовой деятельности, прошла без обычной апробации пленумом ЦК правящей партии. Случай исключительный...

Организационные мероприятия пленума выразились в пяти решениях: Д. Кунаев выведен из состава Политбюро „в связи с его уходом на пенсию“ (это было предрешиено всем, что с ним происходило, о чем „Посев“ писал в январском номере); кандидат Политбюро Н. Слюньков (первый секретарь ЦК КП Белоруссии) избран в секретари ЦК КПСС; секретарь ЦК, зав. отделом пропаганды, А. Яковлев избран в кандидаты Политбюро; совершенно неожиданно секретарь ЦК, председатель Идеологической комиссии ЦК М. Зимянин выбыл „в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья“; в секретари ЦК выбран А. Лукьянов, б. начальник канцелярии Президиума ВС СССР.

Но основной и единственной темой пленума (если не считать простого вынесения „на всенародное обсуждение“ проекта закона о государственном предприятии) был доклад Горбачева „О перестройке и кадровой политике партии“.

Многочасовой доклад этот занял в „Правде“ (28.1) целых четыре газетных полосы довольно утомительного чтения — из-за бесконечных повторов в одном, недомолвок в

Можно ставить под сомнение искренность сегодняшних вождей КПСС в их намерении создать в стране действительно новый экономический механизм. Обоснован и скепсис — выйдет ли из этих намерений что-либо позитивное? Но одно представляется бесспорным: только решительные и принципиальные структурные изменения могут сделать перестройку успешной. Только смена основополагающих принципов сделает перестройку необратимой.

другом. Причем, примерно треть его занимает первая часть под заглавием „Перестройка — объективная необходимость“, в которой генсек-перестройщик который раз за два года своего руководства старается приструнить и убедить свою номенклатурную гвардию в необходимости и неизбежности рискованных перемен.

„Наши достижения огромны и неоспоримы“ — начинает он за здравие. Но: „на определенном этапе... появились застойные и другие чуждые социализму явления“. Вина, на сей раз, возлагается на голову партии: „ЦК КПСС, руководство страны прежде всего в силу субъективных (!) причин не смогли своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен“. Не помогла и марксистско-ленинская теория „научного социализма“, ибо: „Теоретические представления о социализме во многом оставались на уровне 30—40-х годов... авторитарные оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию... социальная структура общества избражалась схематично как лишенная противоречий и динамизма многообразных интересов его различных слоев и групп“. В результате: „Возникшие в последние годы элементы социальной коррозии негативно сказались на духовном настрое общества“.

Но кто же это субъективные факторы высшего руководства, и когда они, будучи у руля, завели дело в тупик? А вот: „На социально-экономической и политической ситуации, которая сложилась на рубеже 70—80-х годов, сказалось и состояние самой партии, ее кадрового корпуса“. Ясно: виноват „Ильич Второй“, то есть Брежнев, с его кадрами.

Это они допустили „элементы социальной коррозии”, которые „негативно сказались на духовном настрое общества”. Тут уж „нельзя умолчать и о справедливом возмущении трудящихся поведением тех облученных доверием и полномочиями руководящих работников, призванных стоять на страже интересов государства и граждан, которые сами злоупотребляли властью, глушили критику, наживались, а некоторые из них даже стали соучастниками, а то и организаторами преступных действий”.

Во второй части доклада — под заглавием „Углублять социалистический демократизм, развивать самоуправление народа” — Горбачев выдвигает, в качестве рычага оздоровительных перемен, принцип демократии. Сославшись на указание Ленина о свободе творчества народных масс, он говорит: „Да, демократия, суть которой составляет власть человека труда, — это форма реализации его широких политических и гражданских прав, заинтересованности в преобразованиях, практическом участии в их осуществлении”. Но тут же уточняется, что „Речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы. Мы должны с максимальной эффективностью использовать все ее возможности”. Практически предлагается следующее.

При выборах в Советы, на предвыборных собраниях избирателей обсуждать несколько кандидатур, а выборы проводить по укрупненному избирательному округам, от каждого из которых избиралось бы по несколько депутатов.

У людей старшего поколения это вызывает недоумение: ведь до сталинской конституции именно так проводились выборы в местные Советы. На общем собрании жителей села выдвигались и обсуждались кандидаты, потом проводилось голосование (тогда открытое), а по числу полученных голосов определялся состав сельсовета. Точно так же избирался местком (фабзавком) на предприятии. Только после сталинского „преобразования” село стали разбивать на участки, от каждого из которых избирался один депутат (однако теперь уже тайным голосованием).

Да что там говорить о первобытных временах, когда даже при сталинской конституции в общественных организациях (профсоюзы и пр.) выборы комитетов средних и верхних ступеней на делегатских съездах

проводились тем же порядком выдвижения и обсуждения кандидатов, голосования общего списка и определения избранных по числу голосов. Только голосование стало тайным, оно стало нормой повсюду.

И когда Горбачев теперь предлагает „подумать” о том, чтобы в партии „секретари, в том числе и первые, избирались тайным голосованием на пленумах соответствующих партийных комитетов”, то он лишь раскрывает отсталость „внутрипартийной демократии”.

Особое дело — выборность руководителей предприятий, о чем тоже говорится у Горбачева. Выборы директора завода, как и выборы командира воинской части, противоречат сущности дела, требующей единоначалия и дисциплины. Вряд ли это проглотит номенклатура. Тут пахнет „уклоном” к идеям Луи Блана в мировом социализме и „рабочей оппозиции” у большевиков при Ленине. Этот эксперимент может быть отнесен к проявлениям того „административного зуда”, в котором был обвинен „волюнтарист” Хрущев, и это может оказаться роковым для „Сергеевича Второго”.

В дальнейшем, по этому разделу доклада, Горбачев лишний раз повторяет призыв „поддержать усилия средств массовой информации по развитию критики и самокритики”, хотя тут же напоминает, что „социалистическая демократия не имеет ничего общего со вседозволенностью, безответственностью, анархией”. Так что, поводок натянут.

Третья часть доклада — „Кадровая политика в условиях перестройки” — носит больше технический характер и изобилует диалектическим жонглированием понуканиями и торжествами. Вот „С одной стороны, в кадровом корпусе довольно сильно проявились застойные явления”, а „С другой стороны, речь идет о большой сменяемости, настоящей чехарде”... И следует „предостеречь товарищей от искусственного форсирования событий, забегания вперед”, поскольку „роль субъективного, личностного момента и здесь достаточно велика. Влияние его может быть и положительным, и негативным” (то есть новые люди тоже могут быть плохими). Всё же суть — в „обновлении” и „переподготовке” кадров.

Просмотр кадров Горбачев заканчивает органами госбезопасности, которые „бдительно стоят на страже интересов Родины”, и вооруженными силами, которые „надежно

обеспечивают мирный труд народа и безопасность страны, с честью выполняют свой интернациональный долг”.

В качестве большого внутрипартийного мероприятия Горбачев намечает провести всесоюзную партконференцию в будущем году, на которой рассмотреть ход реализации решений XXVII партсъезда, подвести итоги первой половины пятилетки и обсудить „вопросы дальнейшей демократизации жизни партии, общества в целом”. Партконференции предусмотрены уставом партии, но не проводились с 1941 года.

В прениях выступило 34 человека — от главы государства до председателя колхоза. Тексты выступлений не опубликованы. Постановление пленума, несомненно подготовленное заранее, было заметно смягчено, и конкретные требования Горбачева кое-где в невралгических пунктах поданы в „алгебраических” формулировках. Так, в вопросе о расширении внутрипартийной демократии рекомендовано „совершенствование механизма формирования выборных партийных органов всех уровней в плане его дальнейшей демократизации”.

В заключительном слове Горбачев опять повторил свои настояния, причем обратился даже к излюбленному ленинскому словечку „архиважно”: „Для нас архиважна... констатация Пленумом того факта, что партия, все здоровые силы общества выступают за перестройку”. И еще припугнул, указав, что рекомендованные им средства „способны убедить партию от ошибок в политике. Цена этих ошибок всем нам известна”. Еще бы!

С пленумом были трудности. Тезисы доклада Горбачева, розданные заранее, перед самым докладом были заменены другими. По сообщению еженедельника „Московские новости” (в выпуске на английском языке), Горбачев на встрече с руководителями средств массовой информации 13 февраля рассказал, среди прочего, что пленум трижды откладывали, а на пленуме он заявил, что в случае отклонения его курса он никакой другой линии на себя не возьмет.

Сообщение об этой встрече в „Правде” (14.2) обо всем этом умалчивает. Но выступление Горбачева там изложено подробно. Естественно, он призвал популяризовать перестройку, опять в ленинском стиле: „Пропаганда живого опыта работы в условиях перестройки для нас сейчас — архиважное дело”...

Но там он добавил еще одну идею, объективно ценную. Осуждая лакировку действительности, он сказал, между прочим, что „забытых имен, белых пятен ни в истории, ни в литературе не должно быть”. И дальше: „не надо отодвигать в тень тех, кто революцию делал”. Стало быть, придется переделывать энциклопедические словари, где „троцкизм” есть, а „Троцкого” нет.

Деятельность Горбачева по-разному оценивается руководителями других коммунистических стран (в Румынии отрицательно, в ГДР критически). В плюралистическом мире — обычный веер суждений, от недоверия до восторгов со всеми преувеличениями (как в хрущевском разделении парткомов и Советов на „промышленные” и „сельскохозяйственные” видели подготовку двухпартийной системы).

О сопротивлении в номенклатуре КПСС известно от самого Горбачева. Но в данном случае обнаружилось прямое взаимодействие между лидером правящей партии и либеральной общественностью. Поддержка реформаторского курса против номенклатурных консерваторов и реакционеров порой принимает курьезные формы. Так, в журнале „ЭКО” (№ 1), издаваемом группой Аганбегяна, Заславской и других в Сибирском отделении Академии наук СССР, помещена статья профессора Г. Попова „Фасад и кухня ’великой’ реформы”, где описана борьба толкового царя-реформатора Александра Второго против бестолковых эгоистов дворян. 125-летие начала освободительных реформ было в прошлом году, но повествование и анализ тех процессов приобрели особую актуальность именно теперь.

Академик А. Д. Сахаров в недавнем интервью итальянскому телевидению („ЮС ньюс энд уорлд рипорт”, февраль) требовал радикализации реформ, но в принципе „от всей души” пожелал успехов Горбачеву.

Судьба маневров власти была неодинакова. Если ленинский нэп был начисто сметен сталинским строительством социализма, то хрущевская оттепель оставила незамерзшие прогалины. Имеется достаточно оснований для скепсиса, но реалистический скепсис в принципе оставляет место для оптимистических надежд, а главное — для активного включения в реализацию этих надежд, тем или иным путем.

А. Артемов

Февральская революция

После революции 1905 года начался думский период нашей истории, последовали реформы Столыпина, открывшие перед Россией путь социального и политического преобразования. В своей книге „Февральская революция” Г. М. Катков пишет: „Наконец на высшем уровне государственного планирования — необходимо опереться на широкую поддержку народа привела к реформе, связанной с именем Столыпина”. После убийства Столыпина (1911 год) ни у власти, ни у думских деятелей не нашлось достаточно решимости довести его дело до конца. Однако несмотря на тяжелое бремя войны, начавшейся в 1914 году, всяких причин для стихийной революции в феврале 1917 года не было. Родившаяся из стихийного, локального бунта в Петрограде, она скорее походила на запаздывающие, вторичные толчки прошедшего уже землетрясения. И все же...

В годы войны возникла смутная тревога, что революция — возможна. Ее ждали, и в то же время — в нее не верили. Вера в свой народ, не верил в нее царь. Но не верил в нее и Ленин, считая, что для его цели — разрушить государство — нет пока революционной ситуации. В январе 1917 года находясь еще в Цюрихе, Ленин считал, что революция произойдет, когда никого из его сверстников не будет в живых!

Когда в феврале вспыхнули беспорядки в Петрограде, все, от кого зависела судьба и сохранность государства, были в растерянности. Ни правительство, ни правые, ни либеральные круги не оказались способными объединиться и оказать сопротивление стихии. Исчезло сознание ответственности за власть, за страну. Сказалась, в частности, порочная позиция кадетской партии думского периода, что „слева” врагов нет. И только левые партии — меньшевики, всяких мастей социалисты, эсеры и примкнувшие к ним вначале большевики увидели в беспорядках свой „звездный час” и усилили свою агитацию в „массах”. Их „Совет рабочих и солдатских депутатов” оспаривал у Временного правительства право и возможность быть единственным правителем страны. Но и в этих сложных условиях, несмотря на многие свои слабости и даже политическую близорукость, Временное правительство создало себя преемником и продолжателем российской истории.

На резко противоположных позициях стоял Ленин, прибывший в апреле 1917 года в Петроград с помощью немецкого генерального штаба. Выхватив из рук „Совета” знамя революции, захватив Октябрьским переворотом власть и подчинив Совет большевистской политике, разогнав в январе 1918 года свободно избранное Учредительное собрание, он довел государство до обвала, надеясь на исчезновение нашего прошлого в исторической небытии. Ложь о „буржуазной” Февральской революции и о неизбежности Октябрьской революции испол-

зуется до сих пор как доказательство легитимности коммунистической власти. А Ленин — в каких бы обликах его ни предподносила власть за прошедшие семьдесят лет — остается символом разрыва нашей истории. Идеология власти по сей день отказывается признать, что органическая преемственность всей цепи нашей истории требует пересмотра лжи Октября и созданных вокруг него мифов.

Современник семидесятилетия революции смотрит на нее иными глазами, чем участник, находившийся в разгаре событий. И переоценка и переосмысление событий тех лет сегодня приобретает особое значение.

Этот нелегкий труд переосмысления был начат теми, кто нашел в себе мужество поставить под сомнение оправданность Февральской революции и своего участия в ней, а продолжен был такими русскими зарубежными историками, как С. П. Мельгунов и Г. М. Катков. И новые вехи на этом пути поставил А. И. Солженицын своим монументальным трудом — „Красное колесо”, в „Узлах” которого он с талантом большого писателя и интуицией историка пытается вскрыть не только политические, но и духовные и психологические двигатели, столкнувшие наше общество в вихрь революционных событий и национального падения.

Ниже мы публикуем отрывки из воспоминаний А. В. Тырковой-Вильямс, члена ЦК кадетской партии, подготовленных к печати и опубликованных Н. Рутычем в журнале „Грани” № 130, из книги С. П. Мельгунова „На путях к дворцовому перевороту” (Париж, 1931) и из книги Г. М. Каткова „Февральская революция” (ИМКА-Пресс, Париж, 1984).

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ИМКА-ПРЕСС

СОЛЖЕНИЦЫН А. «Красное колесо».

Повествование в отмеренных строках».

Узел 1-й: «Август четырнадцатого».

В 2-х томах

Том 1 467 с. 46 нм

Том 2 546 с. 44 нм

Узел 2-й: «Октябрь шестнадцатого».

В 2-х томах.

Том 1 590 с. 44 нм

Том 2 488 с. 36 нм

Узел 3-й: «Март семнадцатого». В 4-х томах.

Том 1 712 с. 50 нм

Том 2 758 с. 50 нм

Можно заказывать через „Посев”

Хроника февральских дней

14 февраля. Началась работа очередной сессии Государственной думы. Перед ее открытием в Петербурге шли слухи: согласно одному — царь выступит в Думе и объявит о создании правительства доверия, согласно другому — будут демонстрации у Таврического дворца.

15 февраля. Выступая в Думе, А. Ф. Керенский призвал перейти к открытой борьбе с властью.

20 февраля. А. И. Гучков, выступая в Государственном совете, обратил внимание, что расстройство транспорта угрожает снабжению столицы. По городу шли упорные слухи, что скоро не будет хлеба.

22 февраля. Николай II покинул столицу и выехал в Ставку.

23 февраля. У пекарен и булочных выстроились огромные очереди. Толпа скандировала: „Хлеба!“ Начались забастовки на петроградских заводах. Забастовку объявили 90 000 рабочих. Начались политические демонстрации. Появились плакаты с лозунгами: „Долой самодержавие“, „Долой войну“.

24 февраля. В газетах было помещено официальное сообщение, в котором объяснялось, что запасы муки вполне достаточны — военное ведомство уделило для нужд гражданского населения часть интендантских запасов, так что недостатка хлеба больше нет. Демонстрации продолжались. На заседании Совета министров демонстрации не стояли на повестке дня: правительство было занято конфликтом с Государственной думой — часть министров считала, что следует произвести перемены в кабинете и пойти на соглашение с думским Прогрессивным блоком.

25 февраля. Волнения распространились на Невский и на всю центральную часть Петрограда. Знаменская площадь перед Николаевским вокзалом превратилась в арену непрерывного митинга. На площади выстрелом из револьвера был убит пристав Крылов. Движение развивалось вначале без видимого плана. Крайние левые вклинились с зажигательными речами. По заводам распространялся лозунг — „Совет рабочих депутатов“. Министр внутренних дел Протопопов приказал арестовать около ста человек чле-

нов революционных партий, среди них пять членов петроградского комитета большевиков. Шляпников избежал ареста. Царь, получив в Ставке сообщение, что беспорядки в столице разрастаются, послал командующему Петроградского военного округа генералу Хабалову телеграмму: „Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии“.

26 февраля. Столкновение толпы с полицией, казаками и вызванными им в помощь учебными командами некоторых полков приняли кровавый характер. В Павловском гвардейском полку произошел бунт солдат, возмущившихся стрельбой по толпе. Офицером, с помощью полкового священника, удалось вернуть солдат в казармы, где они выдали зачинщиков. Председатель Совета министров кн. Голицын от имени правительства издал декрет об отсрочке работы Думы до апреля 1917 года.

27 февраля. В 7 часов утра восстал запасной батальон Волынского полка. Ночью унтер-офицер Кирпичников собрал солдат и убедил их подняться против самодержавия. Начальник учебной команды капитан Лашкевич был убит восставшими. Затем, кроме уланцев, восстали павловцы и литовцы. Вся Выборгская сторона была уже во власти рабочих. Через Литейный мост революционные толпы перешли на левый берег Невы, где они слились с восставшими полками. К середине дня восставшие овладели почти всей правобережной частью города, а также Литейной и Рождественской частями. В их руках были также южные рабочие кварталы.

Таврический дворец, место заседаний Думы, оказался в районе, захваченном восставшими. Толпа ворвалась во дворец. Представители социалистических и крайне левых партий образовали „Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов“. На заводах спешно были проведены выборы в Совет. На первом заседании был избран председателем Совета глава думской фракции меньшевиков Н. С. Чхеидзе. Толпа освободила из тюрьмы „Кресты“ арестованную в январе рабочую группу Военно-промышленного комитета. Желая спасти монархию, председатель Думы В. М. Родзянко просил вел. кн. Михаила Александровича, брата царя, стать временным регентом и назначить новое правительство. Это предложение было отвергнуто Николаем II, принявшим решение вер-

Даты даются по старому стилю.

нуться в столицу. Родзянко создает „Временный комитет Государственной думы”, перебивший власть. В Комитет вошли, кроме членов думского „блока”, — Керенский и Чхеидзе.

Весь день по городу шла стрельба. По распоряжению генерала Хабалова полковник л.-гв. Преображенского полка А. П. Кутепов, получив под свое командование гвардейскую роту, должен был занять весь район от Литейного моста до Николаевского вокзала, чтобы защитить центр города и восстановить порядок среди находящихся там частей. При создавшемся положении в городе Кутепов задумывался выполнить уже не мог.

28 февраля. Число бастующих рабочих достигло 240 тысяч. Утром весь город находился в руках восставших, кроме района Адмиралтейства, где до полудня держались войска (около 15 000 человек). Но морской министр Григорович просил не подвергать Адмиралтейство, где хранились ценные кораблестроительные чертежи, риску обстрела из орудий, — и отряд, сложив оружие, небольшими группами был распушен по казармам. Движение перекинулось на окрестности столицы. В Кронштадте матросы убили адмирала Вирена и десятки офицеров, остальных заточили в подземные казематы. В Царском Селе восставшие разграбили все склады спиртных напитков. Части, охраняющие дворец, в котором находилась царская семья, объявили себя нейтральными. Со своей стороны, царь решил отправить в Петроград генерала Н. И. Иванова и распорядился, чтобы одновременно с трех фронтов было отправлено по две кавалерийских дивизии, по два пехотных полка и по несколько пулеметных команд. Царь решил покинуть Ставку и выехать в Царское Село.

1 марта. Совет рабочих депутатов издал „Приказ № 1”, узаконивший „революционную свободу” в армии. Приказывалось: учреждение по всей армии комитетов „из выборных представителей от нижних чинов”. От них должны быть посланы депутаты в Петроградский совет. Политически гарнизоны подчиняются Совету. Решения Совета преобладают над приказами военной комиссии Думы. Оружие хранится в солдатских комитетах и не должно выдаваться офицерам. Царский поезд, шедший из Могилева, был остановлен на ст. Малая Вишера, направлен на ст. Дно и вечером прибыл в Псков,

где он был встречен главнокомандующим Северного фронта генералом Рузским.

2 марта. Генерал Рузский добился от Николая II согласия на конституционную реформу и на создание правительства, ответственного перед Думой. Движение генерала Иванова на Петроград было приостановлено. Текст царского манифеста генерал Рузский передал Родзянко, которому царь поручал создание нового правительства. Родзянко ответил, что манифест запоздал, необходимо отречение Николая II в пользу своего сына при регентстве вел. кн. Михаила. Главнокомандующие фронтами поддержали этот план, видя в нем спасение армии от развала. Ознакомившись с их мнением, государь дал согласие на отречение. Из Петрограда выехали в Псков представители Думского комитета Гучков и Шульгин. Им Николай II сообщил, что он принял решение отречься за себя и за сына в пользу брата Михаила Александровича. Одновременно с отречением Николай II подписал два указа: о назначении кн. Львова премьер-министром и вел. кн. Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим армии. В тот же день государь написал в своем дневнике: „Всюду вокруг трусость, обман и измена”...

3 марта. Великий князь Михаил Александрович отказался принять престол, считая, что образ правления и основные законы должны быть установлены Учредительным собранием. Он призвал граждан подчиниться Временному правительству. Первое сообщение о создании Временного правительства появилось в утреннем выпуске газет 3 марта. Совет рабочих депутатов продолжал существовать и действовать как вторая власть.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ

Составители В. Желягин и Н. Рутыч
1983, 2-е изд., карм. форм., 408 с.

28 нм

РОСС Николай Врангель в Крыму

1982, карм. форм., 368 с.

32 нм

Историческое исследование по архивам ген. Врангеля. Описание попытки создать в 1920 году национальное русское государство на Юге России. Богатая документация, множество фотографий, карта.

В поисках исторической правды

А. В. Тыркова-Вильямс

... За то, что в феврале 1917 года в России произошла революция, несет ответственность не русский народ, не низы, не так называемые массы, а верхи, интеллигенция, грамотные люди всех градаций, профессора, адвокаты, писатели, артисты, даже генералы.

Все они жаждали перемены, твердили, что дальше так жить нельзя. Но они не поняли необходимости, не сумели сразу образовать сильное правительство, способное вести войну и управлять страной, отдавать приказы, заставлять себя слушаться. Они обязаны были не допустить перерыва власти. С этой обязанностью русская интеллигенция не справилась.

Первыми на политический экзамен попали либеральные течения русской мысли, которая полнее всего выражалась кадетами. Потом выступили сравнительно умеренные социалисты под руководством Керенского. И та и другая попытка кончились ничем. Они только подготовили дорогу большевикам, которые сумели разрушить старую Россию и на ее развалинах создать на совершенно новых основаниях жестокую, но сильную власть...

Министерство народного доверия принимало власть в разгар борьбы с сильным внешним врагом. Россия переживала напряжение, сходное с напряжением 1812 года. Но за сто лет народ успел забыть опыт отечественной войны. Когда прогрессивный блок, широко поддержанный общественным мнением, добивался ответственного министерства, предполагалось, что оно будет назначено царем, что преемственность власти не будет нарушена. На самом деле царь отрекся. Власть выпала из его рук. Самодержавие свалилось, оставив после себя пустоту, новые министры были призваны спешно заполнить ее. Правда, аппарат власти остался, остались на местах чиновники и военные, поскольку их не разогнали солдаты. Но когда упала корона, многие с изумлением заметили, что ею заканчивался, на ней держался центральный свод русской государственности... Заполнить опустошение оказалось не по силам кадетам. Милюков уговаривал вел. кн. Михаила Александровича принять пре-

стол. Он это понимал и старался предотвратить /крушение/.

Следующая трудность вытекала уже не из резко оборвавшейся связи с прошлым, а из настоящего дня, из тех источников, откуда вышла власть.

Временное Правительство родилось по соглашению с президиумом и комитетом Государственной Думы. Но еще раньше, чем создавалось правительство, там же, в Таврическом Дворце, образовался Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, куда вошли все депутаты-социалисты. Его возглавлял член Думы Чхеидзе. Совет не имел ничего общего с президиумом Думы. В него сразу включились люди, ничего общего с Думой не имевшие. Все же это был отпрыск Государственной Думы, хотя и незаконный. Дума была первоначальным источником его авторитета. То, что Совет помещался в Таврическом Дворце, заседал в зале, где раньше происходили заседания Государственной Думы, где выступал Столыпин и другие министры, придавало Совету вес, накладывало на него печать почти государственного учреждения. Это действовало на воображение, усиливало самоуверенность членов Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, число которых все увеличивалось. Государственная Дума перестала собираться. Это было большой ошибкой. Исчезновение Думы увеличило опасную пустоту вокруг новой власти. Временное Правительство водворилось в Мариинском Дворце. Совет Солдатских и Рабочих Депутатов быстро оттеснил Комитет Государственной Думы куда-то на задворки и стал хозяином Таврического Дворца. Он очутился в центре внимания всей России. Мариинский Дворец (где заседало правительство) — это что-то чиновничье, связанное с прежним режимом, от которого мы, слава Богу, освободились. А Таврический Дворец — это народное завоевание. Там собираются народные представители. Прежде это были члены Государственной Думы, теперь это члены Совета С. и Р. Депутатов. Так незаметно и быстро Временное Правительство очутилось на втором плане.

Не знаю, была ли это заранее обдуманная тактика. В первом составе Петроградского Совета еще не было таких шустрых, ловких режиссеров, какими показали себя больше-

вики. Но социалисты вообще несравненно больше старались влиять на воображение масс, чем кадеты. И умели это делать. Мы хотели опираться главным образом на рас­судок, индивидуальный и коллективный. Мы считали себя обязанными доказывать, пояснять, предостерегать. А слева сыпались слова, возбуждающие чувства и аппетиты, давались обещания, неистощимые, как океан. И чем левее был оратор, тем щедрее обещаниями сыпал он обещание за обещанием. Не удивительно, что массы с несравненно большим удовольствием слушали советских ораторов, чем нас. Удивительно, что они нас все-таки слушали, а нередко и аплодировали.

Между тем у нас на все были оговорки. Мы тоже хотели мира, но не сразу. Сначала надо в единении с союзниками завоевать победу, а потом уже заключить мир.

Мы тоже обещали наградить крестьян земель, но мы хотели, чтобы государство не отобрало, а выкупило ее от помещиков, мы не объявляли, что земля Божья. Если бы кадетская программа была осуществлена, крестьяне сидели бы на своих участках крепко и просторно. Но митинговые состязания с социалистическими посулами кадетской программы было не выдержать.

Так же, как призыв воевать до победы не мог перебить формулы — мир без аннексий и контрибуций. Самая непонятность этих двух слов придавала им магическую пленительность. А тут еще предложение брататься с врагом, отказаться от дисциплины, выбирать или выгонять офицеров, не говоря уже о ленинском изречении — мир хижинам, война дворцам.

Ничего такого соблазнительного Временное Правительство и кадетская партия не обещали. Они призывали к борьбе, к дисциплине, к жертвам.

А там, налево от нас, перекатывался старый клич — все дозволено...

Не случись в петроградском гарнизоне бунта, армия могла бы продолжать воевать. Но, конечно, война всех утомила. Жажда мира была всеобщей. Когда до солдат стали доноситься речи о том, что надо воевать поскольку-постольку, что, в сущности, неизвестно, за что мы воюем, что неприятельские солдаты тоже устали и готовы сложить оружие, то сразу все эти миллионы солдат зашатались. Некому было их удержать, так как авторитет и сила командного состава были

подорваны, в сущности уничтожены, приказом номер первый.

И Временное Правительство, созданное для победоносной войны, оказалось без опоры в армии, повисло в воздухе. Тщетно кадетская партия, составляющая в нем руководящее большинство, распиналась, доказывая необходимость войны. Солдаты, распоясанные, с расстегнутыми воротниками, лущили семечки и пренебрежительно усмехались: нас не проведешь, довольно мы кровь проливали. Пренебрежительнее всего усмехались те, кто дальше запасных казарм еще не был и нигде еще крови не проливал.

Это противоречие во взглядах Правительства и Совета на войну сказалось с первых же дней. Но среди социалистов не все были пораженцами, некоторые стали оборонцами. Они с начала войны не хотели победы, считали, что это будет царская победа. Теперь у власти народ и народной победы они захотели. Но переделать себя и свою фразеологию оказалось не так легко...

Не знаю, как Керенский отчитывался перед Советом в своих речах, в своем участии в буржуазном правительстве, но другие члены Совета, а в особенности маленький коварный Чхеидзе, неустанно опорачивали, возбуждали недоверие к Временному Правительству в целом, к его кадетской части в особенности.

Это недоверие сказывалось с первых же дней, выразилось устно, печатно, отдельными лицами и целыми делегациями. Оно наложило печать на первое же программное обращение к народу Временного Правительства. Под давлением Совета Солдатских и Рабочих Депутатов в этом манифесте Правительство давало обещание не выводить из Петрограда запасных батальонов, этих „доблестных героев революции”.

Это была больше чем уступка, это была слабость, проявленная еще до перехода к ним власти. Запасных, конечно, необходимо было увести, вернуть их к дисциплине, заставить драться. Но Совет правильно решил, имея в виду свои интересы, что эти опыненные успехом и демагогической лестью солдаты будут для него опорой, для правительства угрозой, и удержал их около себя...

История с гарнизоном сразу показала слабость стороны правительства. Точнее сказать, кадетской партии. Я уже сказала, что за первый состав правительства, до ухода Милокова, отвечает именно партия. Присутствие Ке-

ренского (в правительстве) этой ответственности с нас не снимает. Так же и то, что возглавлявший кабинет кн. Г. Е. Львов не был кадетом.

Кн. Львов был толстовцем, если не пацифистом, то своего рода непротивленцем. Не мог такой человек вести взбаламученную Россию к победе. Но посадили его кадеты, может быть, потому, что взгляды у него были кадетообразные и можно было думать, что он победит туда, куда ему скажут. На самом деле кн. Львов, не проявляя своей инициативы, чужой инициативе не мешал... Это, конечно, тоже не облегчало работы нового правительства. Но если бы оно состояло из людей решительных, с твердой рукой, то с Львовым было бы нетрудно справиться.

Этой твердой руки не было, к несчастью кадет и России. Была цельность политического мирозерцания, честная и искренняя преданность идеям. Но не было того толчка, который заставляет волевых людей хватать власть и подчинять себе других. Кадеты были слишком щепетильны, слишком рассудочны. Они так тонко развивали, разбирали, украшали либеральные идеи, что их отпугивала необходимость заставлять, понуждать, приказывать. На себя они брали только убеждение, уговоры. А там пусть люди сами превращают эти слова в дела. Нельзя их насилловать. Добрую волю отдельных людей и масс надо уважать. В этом основной принцип либерализма.

На самом деле нельзя смешивать уважения к человеческой личности с уважением к человеческим поступкам и воле. Всякого человека надо уважать прежде всего потому, что он создан по образу Божьему, потому что в нем искра Божья. Но его поступки — это уже человеческое начало, которое можно и должно направлять в должную сторону...

Временное Правительство отменило в войсках смертную казнь, уступая настояниям Петроградского Совета, но большинство кадетских теоретиков права этой отмене сочувствовали. Что не мешало им в невинности сердечной призывать к войне до победного конца.

Милюков десять лет считался лидером кадетской партии. Теперь он стал министром в правительстве, где большинство состояло из кадет. Только министром, не главой правительства. Но будь у Милюкова уменье и потребность действовать, он мог бы повести за

собой всех остальных. В нем был большой запас честолюбия, желания первенствовать...

Он, конечно, считал себя государственным деятелем, но не мог им стать потому, что был лишен того органического ощущения государства, как живого существа, как любимого существа, которое есть в каждом английском политике, даже среднего калибра. Оттого с таким самонадеянным легкомыслием занес он молот над головой исторической власти, когда с трибуны Государственной Думы он бросил свое — глупость или измена*.

Оттого позже отшатнулся он от одного намека, что Временное Правительство должно запретить ленинскую пропаганду.

Милюков наивно верил, что он, как либерал, обязан отречься от всех царских методов управления. Наивно верил, что нет надобности приказывать и тем более запрещать. Свободный народ свободно выберет свои поступки. Надо только дать разумный совет...

Многолетняя оппозиция развела либералов. А в то же время, верные либеральным принципам, они были чересчур разборчивы в средствах. Поэтому они так добросовестно относились к своему названию — Временное Правительство. Они считали себя только доверенными, которым народ — временно, до Учредительного Собрания — поручил дела государственные. Все главные мероприятия, все существенные изменения в законах откладывались до созыва Учредилки. Об этом и на митингах говорилось постоянно. Министры подчеркивали, что они занимают свои места, только пока не придут настоящие хозяева, даже вроде как бы извинялись, что сидят на господских местах.

Ленин, тот никаких „пока“ не признавал, и уж, конечно, ни перед кем не извинялся. Он схватил власть, и сразу стало ясно, что он без боя ее никому не уступит. Вот этой боевой ясности не было ни в кадетских речах, ни в их поступках, ни в их сердцах...

По всему Петрограду открывались политические клубы. Открылся и кадетский клуб в огромной, нарядной квартире на Французской набережной, с высокими зеркальными окнами, через которые был чудесный вид на Неву. И на Петропавловскую

---

* Имеется в виду речь П. Н. Милюкова с думской трибуны 1 ноября 1916 г. — Ред.

крепость, где несколько месяцев спустя очутилась часть кадетского министерства. В клубе с утра до вечера толпился народ, особенно к вечеру, когда заседал ЦК и министры-кадеты приезжали из заседаний Временного Правительства. Я написала „народ“. Скорее следовало бы употребить вышедшее теперь из употребления выражение — чистая публика. Народ, в смысле толпы, массы, а уж тем более низов, по-прежнему был далек от кадетов. Только название это долетало до него все чаще. Левые агитаторы, владевшие вниманием толпы, большую часть своего красноречия тратили на разоблачение кадетов, империалистов и буржуев. Количественный успех был, несомненно, за этими ораторами. Около них все сгущалась толпа — в Таврическом Дворце, около особняка Кшесинской, где Ленин устроил свою штаб-квартиру, на фабриках, в мастерских, на улицах.

А к нам шли чиновники, профессора, доктор, люди разных интеллигентных профессий, которые ни рассудком, ни сердцем не могли принять несшиеся слева проповеди разрушения и внутренней войны.

К нам шли те, кто хотел сохранения основных договоров, продолжения войны.

К нам шли те, кому было противно насилие, кто хотел мирным, законным путем установить в России либеральный строй. Многие вперед соглашались и на коренные социальные перевороты, если такова будет воля народа, свободно выраженная в Учредительном Собрании...

Каждый день революции приносил новые эпизоды, и каждый эпизод закреплял во мне горькое чувство виновности перед Россией, перед русским народом. Особенно когда из низов доносились голоса, несравненно более трезвые, здравомыслящие, чем то, что слышалось на митингах, в газетах, в Совете Солдатских и Рабочих Депутатов.

Вокруг нас на Вергеже (имение отца) крестьяне оставались спокойны. Мама и Аркадий (брат) по-прежнему вели хозяйство. Его порядок не нарушался. По-прежнему управляли каждый день молоко в Петроград, что требует твердо установленной работы. По-прежнему нанимались рабочие руки. Молодежь вся была на фронте...

Кооператоры бережно следили за тем, чтобы у Аркадия не было никаких неприятностей от соседей. Да у местных крестьян не было еще агрессивности, только некоторая

хмурость. Точно прислушивались, боялись что-то пропустить. А сами никуда и ни на что пока не бросались.

В один из наших приездов мы с Вильямсом разговорились в поле с крестьянином из соседней деревни, Остров... С землей, принадлежавшей островским, соприкасались бывшие давно тырковские владения. Их от моего дяди давно купил купец Дыренков. Он никакого хозяйства не вел, отдавал луга исполу крестьянам. Во многих местах такие земли, в которые владельцы не вкладывали никаких забот, крестьяне уже захватили. Я вздумала спросить островского мужика:

— Ну, а как с дыренковскими угодьями?

Он посмотрел на меня исподлобья укоризненно:

— Что с дыренковскими? Мы их не трогаем. Мы нового закона ждем.

Это было сказано тогда, когда из всех политических центров летели приказы:

— Долой помещиков. Берите у них все. Земля Божья.

Только в этом случае левые партии и употребляли имя Божье.

Особенно запомнились два мимоходом подхваченные замечания. Оба я слышала дорогой на Кавказ...

На одной из станций, уже в казачьих землях, кажется, на Дону, мы с Вильямсом вышли рано утром на платформу. Кругом сияла весенняя красота. Казачки, блестя белыми зубами, продавали проезжим пирожки, ватрушки, жареных цыплят, утят. Я набрала у одной из них вкусных вещей, за какую-то совершенно ничтожную цену. По закоренелой интеллигентской привычке захотелось узнать, кто думает эта степная красавица.

— Ну вот, теперь все будет по-новому, как народу лучше. Вот и царя нет, все стали свободными, — довольно неуклюже сказала я.

Из-под черных бровей быстрые глаза посмотрели на меня с укоризной.

— Да... Нет царя... А мы его за Бога почитали, — тихо сказала она и в ее голосе не было ни тени торжества.

Только печаль.

Уже раньше, в том же поезде, был у нас очень любопытный разговор с крестьянином. Мы ехали в первом классе. Пассажиров почти не было. Где-то за Москвой, приблизительно в Курской губернии, в нашем коридоре очутился мужик, не старый, но и не молодой, одетый в те кустарные ткани, которые в той местности еще носили в деревне.

Поездная дисциплина уже была расшатана, в вагоны набивались люди без билетов. Ни мы, ни кондуктор не обращали внимания на этого серенького мужичка. Потом от нечего делать заговорили с ним и были поражены спокойной твердостью его суждений. Он был малоземельный, признавал, что мужикам надо земли дать, но прибавлял:

— Вот как немца выгоним, тогда все эти дела разберем. А пока погодить надо.

Потом вдруг среди разговора что-то блеснуло в небольших серых глазах, точно молния на мгновение озарила загорелое лицо, изрытое глубокими морщинами, которые на лицах землеробов всех стран прорезает солнце, ветер, дождь и потная, напряженная работа в ведро и непогода.

Мужик молча, внимательно осмотрел нас обоих, потом с расстановкой, с угрюмой медлительностью сказал:

— Какая была держава, а что, господа, вы с ней сделали...

С. П. Мельгунов

... Много причин привели Россию к революции. Должна ли „беспристрастная история” отыскивать виновных, и найдутся ли такие? Философы истории будут искать корни в глубоком прошлом русского народа и, быть может, за много десятилетий до революции найдут те основы развернувшегося кризиса, которые не давали надежды на мирный исход. Из их изысканий мы узнаём, например, что „аморализмом была поражена более или менее вся Россия” (Федотов. „Революция идет”. „Современные Записки”). Логические соображения никогда, однако, не убеждают, если они не основаны на фактах. Их нет и в „надзвездной романтике” Степуна, отыскивающего „религиозный смысл” русской революции. Я не думаю, чтобы когда-нибудь книжные кудесники сумели действительно доказать, что „русский народ восстал на царя и Бога во славу Маркса и интернационала”. Не знаю, сумеют ли они представить русскую революцию и грандиозным экспериментом *reductio ad absurdum*, нигилизма, безверия и „секуляристического начала” (Франк в „Русской мысли”).

Все эти тонкости человеческого ума, игра мысли и воображения не объяснят нам ни хода февральской революции, ни причин ее

происхождения. Является ли февральский переворот „зрелым плодом, упавшим от тяжести”, как говорил Гучков 8 марта 17 г. на митинге представителей торговли и промышленности; является он завершением „неизбежного исторического процесса”, как думает Деникин — во всяком случае для объяснения февральских дней нет надобности искать ни марки *made in Germany**, ни провокаторской руки Протопопова. Последнюю легенду так же легко разоруть, как и все другие, но это уже история февральских дней, которая может быть рассмотрена только особо.

*

Что произошло в февральскую революцию? Произошло то, что, по верному замечанию Шульгина, во всем огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти. „Керенский сказал много правды, и все мы думаем о многом, как он”, — писала Родзянко З. М. Юсуповой 12 февраля. „Деятели прежнего правительства восстановили все классы”, — подводит как бы итог ген. Лукомский в письме к Каледину в первые дни наступившей уже революции. Вот символ настроений широких кругов. Могла ли при таких условиях удался „мировая” прогрессивного блока с правительством — попытка, о которой мы уже упоминали и о которой рассказывал и Протопопов в показаниях перед Следственной Комиссией Временного Правительства. Родзянко, стоявший несколько далеко от прогрессивного блока, не был, очевидно, осведомлен об этих начавшихся закулисных переговорах; по крайней мере, в показаниях Следственной Комиссии он изображает дело так, что последний председатель Совета Министров кн. Голицын просил его устроить 25-го совещание членов правительства с лидерами партий для того, чтобы устроить „мировую”.

Для характеристики момента гораздо более значительна обстановка, при которой протекало созданное 26 февраля в Городской Думе совещание о введении карточной системы на хлеб. Собрание сейчас же приняло характер „памятных по 1905 году революционных митингов”. Среди других высту-

* Не только для Милюкова, но и для Струве русская революция задумана и подстроена Германией („Размышления о русской революции”).

пает М. В. Бернацкий, уверенный в том, что, если и „уголить голод“, все равно начавшееся движение не остановится, а „валом докатится до конца“. Поддерживая рабочих, оратор предлагает всем „делать свое дело явочным порядком“. В это время появляется Керенский, и аудитория встречает его „бурными аплодисментами“...

Общество и народ на короткий миг как бы сливаются. Всякие хитроумные политические комбинации оказываются уже запоздавшими. Это и называется революцией. Происходит братание народа и армии. Рождается энтузиазм, скороспелый, может быть, наносный, искусственно вызванный, но все же стихийный. Повторяется на другой почве, в другой обстановке патриотический угар дней объявления войны. Военная власть не предвидела опасности перехода запасных батальонов на сторону рабочих, и Петроград в начале 17 г. был превращен в крупную резервную базу для северо-западного фронта. Правительство не обратило достаточного внимания на замечание гр. Игнатьева в Совете Министров еще в августе 15 г.: армия перестала быть армией, а превратилась в вооруженный народ. И произошло то, что предсказывал Бьюкенен в преддверии 17 г.: если будут беспорядки, войска не будут стрелять.

Никто уже не мог руководить стихией — ей легче было потворствовать. На демагогии делается политическая карьера — не только отдельных людей, но и целых партий. В истории, однако, нет фатализма. Поэтому никакая стихия не может оправдать тех, кто в революционную бурю взяли власть государственного корабля. Прав в этом отношении был Арцыбашев, сурово судивший современников. Званые гости, на пиру, уготованном судьбою, не выполнили предназначенной им миссии. Они все на первых порах, сознательно или бессознательно, потакали стихии и курили фимиами великой бескровной русской революции. Лидер прогрессивного блока, как и другие, быстро сменил свою прежнюю „правительственную“ тогу, приняв революцию и воздвиг ей пьедестал. Милюков решительно возражал Набокову на утверждение последнего, что одной из основных причин стихийной революции являлось утомление войной, нежелание ее продолжать. Для Милюкова революция становилась положительным фактором для войны. Из увлечения этой фикцией вытекала прямолинейная политика первого министра иностранных дел революционного правительства, которая рас-

ширяла и так уже обострившиеся социальные противоречия революции...

Книга судеб — сказал кто-то — не открывает своих страниц перед глазами даже прозорливых современников. Глубокой исторической фальшью звучит в наше время концепция, утверждающая, что революция была сделана во имя войны, выставляющая руководящей идеей революции 17 года победу над германским империализмом (речь Гучкова в Государственном Совете). Перефразируя слова председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства Н. К. Муравьева, можно сказать, что для успеха войны нельзя было сменять власть. „Переворот“ дезорганизовывал, а не организовывал победу. Неизвестно еще — выдержала бы Россия четвертую зиму войны, но известно, что она не выдержала испытаний стихийной революции во время войны.

Г. М. Катков

„Значение того, что произошло на запасном железнодорожном пути в Пскове ночью 2 марта, было неизмеримо и далеко превосходило воображение участников драмы. Отречение предотвратило немедленную вспышку гражданской войны, со всеми ее международными последствиями, но оно также выбило почву из-под ног всех военных и гражданских властей, то есть всех тех, кто в других условиях как раз мог организовать сопротивление поднимающемуся валу революции. Единодушный восторг, с которым вся страна в последующие дни приветствовала революцию в Петрограде, не должен заставлял нас думать, что уже 2 марта сопротивляться революции было невозможно. На самом деле многие приняли революцию именно вследствие отречения: раз сам царь согласен с необходимостью изменений, что же могут сделать те, кто собирался переменам сопротивляться? И тогда, и после часто утверждали, что перед лицом народного недовольства сопротивление было невозможно, но у этого утверждения абсолютно нет оснований. Никаких признаков стихийного восстания было нигде, кроме Петрограда, Москвы и непосредственных окрестностей столицы. Когда объявлено было о революции, люди приняли это, как известие о событии, в котором они никакого прямого участия не принимали...”

Советские перебежчики

В начале 1986 г. в издательстве „Хувер Институт Пресс“ при Станфордском университете (США) вышла по-английски книга „Советские перебежчики“, написанная Владиславом Георгиевичем Красновым, попросившем в октябре 1962 г., в возрасте 25-ти лет, политическое убежище в Швеции. В настоящее время В. Г. Краснов — профессор одного из университетов США.

Книга „Советские перебежчики“ — своего рода уникам, так как автор рассматривает эту важную тему не с индивидуальной точки зрения (о личных переживаниях того или иного перебежчика написано довольно много и по-русски, и на других языках), а с научно-исследовательских позиций.

Хотя перебежчики появились с момента зарождения советской власти, автор книги берет для своего исследования последние 40 лет, начиная с 1945 года, и делит их на два периода: 1945—69 гг. и 1969—85 гг. Он анализирует данные о 670 перебежчиках.

Автор книги отмечает, что главным источником информации о перебежчиках был для него „Розыскной список КГБ“, который попал в руки НТС в 1977 году и частично публиковался в журнале „Посев“ в 1977—78 гг.

Автор пишет, что если Соединенные Штаты и другие западные демократии обеспокоены наплывом нелегальных эмигрантов из стран Азии, Африки и Восточной Европы, то Советский Союз беспокоится о том, как пресечь побег советских граждан за границу. Несмотря на разные мероприятия, „железный занавес“ оказался не таким уж непроницаемым. Побег таких людей, как, например, Анатолий Федосеев, Наталья Макарова, Рудольф Нуреев, Михаил Барышников, Виктор Беленко, Аркадий Шевченко, свидетельствует о неэффективности советской системы: власть не может положиться даже на привилегированные группы населения.

Корень проблемы лежит в том, что советское правительство нарушает основные человеческие права, включая право на выезд и возвращение в собственную страну. Каждый побег разоблачает советскую систему, выяв-

ляя несоблюдение Декларации Прав Человека и Хельсинкского Соглашения. Тема о перебежчиках — табу в Советском Союзе, и советские власти делают все, чтобы замолчать или исказить причины побега.

При анализе материалов о перебежчиках автор констатирует, что свободный мир очень часто способствует советским усилиям. Например, возводя вокруг перебежчиков „стену секретности“, не давая им возможности мобилизовать в свою защиту общественность. США и другие западные страны на этом проигрывают, т. к. и перебежчики, в свою очередь, никому не доверяют. Они обижены и уязвлены, т. к. мотивы побега — зачастую патриотические и политические — ставятся на Западе под сомнение.

Книга В. Г. Краснова разделена на три части. В первой части автор приводит документацию широко известную: что писали о перебежчиках в прессе, что перебежчики написали или сказали о себе. Идея написать книгу о перебежчиках появилась у В. Краснова вскоре после его перехода на Запад, но реализацией этой идеи он серьезно занялся только в 1977 году. В поисках данных о перебежчиках он обращался в разные частные и государственные американские инстанции. Но только Госдепартамент откликнулся на запрос, прислав копии интервью с советскими перебежчиками за период 1950—60 гг., они были изданы ограниченным тиражом, для научных сотрудников и специалистов по Советскому Союзу, под общим названием: „Советский Союз по сообщениям бывших советских граждан“.

В связи с этим автор пишет:

„Я не был удивлен нежеланием американских государственных инстанций участвовать в проекте, от которого США могли только выиграть... Больше всего я был удручен тем, что Госдепартамент прекратил интервью с перебежчиками в 1960 г. Это лишь подтверждало мое подозрение, что большого интереса к перебежчикам никогда не было и что с 1960 г., когда Советский Союз стал проповедовать „мирное сосуществование и разрядку“, интерес к перебежчикам стал падать. И даже случай с Кудиркой в 1970 г. не мог остановить этой тенденции. А когда в 1978 г. бежал дипломат Аркадий Шевченко, то в американской прессе появились высказывания вроде: „Нежеланный перебежчик: помеха для обеих сторон““.

Vlad. Krasnov. Soviet defectors. — Hoover Institution, Stanford University, 1986.

В. Краснов перечисляет некоторые книги, написанные о перебежчиках западными авторами (Броок-Шепхерд, Хинклей, Джон Баррон, Харвардский проект и т. д.), а затем наиболее известные книги самих перебежчиков: Виктора Кравченко, Игоря Гузенко, Ольги Касенкиной, Петра Пирогова, Петра Дерябина, Николая Хохлова, Евдокии и Владимира Петровых, Юрия Кроткова и других. Выбирая эти книги из многих, автор придерживался „Розыского списка КГБ 1945—69 г.», где об этих перебежчиках содержатся более полные данные, включая и меру наказания.

В. Краснов приводит краткие биографии десятка видных перебежчиков, рассказывает о том, как сложилась их жизнь на Западе. В этой же первой части автор излагает мотивы побега, отношение перебежчиков к режиму, их мнение о морали советской армии, о национальном вопросе, их видение будущей России, их отношение к США, их пожелания, касающиеся внешней политики США по отношению к Советскому Союзу.

Вот некоторые выводы автора:

„Все перебежчики сходились на том, что советская власть сама по себе не улучшится и поэтому должна быть уничтожена”.

„Уверены, что в конце концов будут найдены пути для установления демократии в России. Предпосылкой к этому должен быть свободный обмен идеями”.

„Большинство сходились на том, что идею борьбы (революция) должно распространять в широких массах. Когда эта идея созреет, народ разработает методы сопротивления. Считали, что принципиальные установки, изложенные в Программе НТС, и видение будущего строя очень ценны”.

*

Во второй части книги В. Краснов подробно анализирует „Розыский список КГБ”. Например, дает данные о национальной принадлежности перебежчиков. Так, русские из 470 человек составляют 42,5%, украинцы 19,2%, евреи 8,5%, эстонцы 7% и на последнем месте армяне — 3,1%; данные об образовании: 108 с начальным образованием, 128 с неполным средним, 131 со средним и 67 с университетским, остальные — неизвестно; данные о профессии: свыше 50% военные (из 470 перебежчиков — 244, среди которых 7 моряков, 35 из авиации и 17 из органов армейской безопасности).

У большинства перебежчиков остались родственники: жены, дети и другие родственники. Так каждый пятый оставил жену, каждый шестой — детей. Данные о родственниках приводятся в „Розыском списке КГБ”. Таким образом, в „Розыской список КГБ”, кроме 470 перебежчиков, включены еще 1.376 только потому, что они — родственники перебежчиков.

„Розыский список КГБ” для В. Краснова был весьма ценным источником данных. С точностью можно было установить день, месяц и год побега, страну. Автор дает перечень 33 стран, куда были совершены побеги: на первом месте стоит Западная Германия (включая Берлин) — 201 перебежчик, то есть 44%, на втором месте Австрия — 59. На эти две страны падает 57% всех побегов, что понятно, т. к. они были оккупированы советскими войсками, что позволило военнослужащим войти в более тесный контакт с местным населением и установить связь с Западом. В Австрии побеги были в основном до 1955 г., в Западной Германии — до 1961 г., до постройки Берлинской стены. Если учесть послевоенные зоны оккупации, то в американскую бежало больше всего, то есть 120 человек, в английскую — 66 и во французскую — 5.

Перечисляя способы побега, автор установил, что 312 беглецов пересекли сухопутную границу, то есть 71%, 18 человек бежали на лодках и 5 самолетом, 65 человек остались за границей во время туристической или служебной поездки. Интересен факт, что 316 человек, то есть две трети из общего числа, бежали, рассчитывая только на самих себя, в случае других 154 имеются указания: „заговор”, „содействие” со стороны друзей, родственников и т. д. После побега большинство перебежчиков устроилось в США — 107, в Западной Германии — 88, в Канаде — 42, в Швеции — 28, в Англии — 25 и т. д. Что касается деятельности на Западе, то по данным „Розыского списка КГБ” только 44 человека, то есть меньше чем 10%, устроились на службы, которые КГБ характеризует как „предательские”. Это работа на радиостанциях, связь с западными спецслужбами и служба в иностранной армии.

Автор книги пишет, что, как правило, советские власти всех перебежчиков называют преступниками, при этом совершившими преступления уголовные, вроде кражи кассы, насилия, разглашения „секрета”, хотя

никогда не указывается, в чем заключается этот „секрет”. Часто перебежчику пытаются пришить „преступное прошлое”, например, пребывание в Германии во время войны в качестве военнопленного, „остарбейтера” или беженца в лагере перемещенных лиц.

После побега перечень „преступлений” увеличивается, например:

- а) принадлежность или участие в деятельности антисоветских эмигрантских групп;
- б) участие в „антисоветской пропаганде”: пресса, радио, написание книг и т. д.;
- в) связь с разными западными разведками.

Всего, по трем выше перечисленным группам, в списке КГБ числится 158 человек, из них 20 обвиняют в принадлежности к НТС; 14 — к другим национальным или политическим эмигрантским группировкам (СБОНР, ЦОПЭ, ОУН, дашнаки и др.). Второй группе ставится в обвинение дача интервью в прессе и по радио, а также написание „антисоветских” книг, хотя само название книг в „Розыскном списке КГБ” не приводится. Третьей группе ставится обвинение в связи с СИС (военная контрразведка США), ЦРУ, а также с английской и французской разведками.

По советским законам побег входит в категорию государственных преступлений (измена родине!) и поэтому карается высшей мерой наказания. Поэтому из 470 человек 284, то есть 60%, заочно приговорены к смертной казни. В других случаях смертная казнь заменена концлагерем (исправительно-трудовым лагерем) от 15 до 25 лет.

Анализируя данные „Розыскного списка КГБ”, автор книги приходит к выводу, что приговоры выносились не за тяжесть преступления, а лишь за сам факт побега. Пример:

„Русский, рожд. 1929, образование начальное, член комсомола. Служа в воинской части 15337 в Германии, 2 октября 1955 г. бежал в Зап. Германию со своей сожительницей Х. Заочно 29 декабря 1956 г. военным трибуналом 48240 приговорен к расстрелу”.

В другом случае, когда налицо более тяжелое преступление — выдача военных секретов — перебежчика осуждают заочно только на 25 лет. Пример:

„Украинец, рожд. 1926 г., находясь на службе в войсках МГБ в Австрии, 23 декабря 1947 г. бежал в американскую зону. Во время допросов в американской контрразведке выдал все известные ему секретные сведения о его воинской части. Вместе с

другим предателем Родины нарисовал эскиз государственной системы связи и передал разведывательным органам. Позже связался с антисоветской организацией... Военный трибунал 28990 12 мая 1949 г. приговорил заочно к 25-ти годам исправительно-трудовых лагерей”.

Из „Розыскного списка КГБ” также видно, что в 1965 г. произошли некоторые изменения в отношении наказания перебежчиков, особенно гражданских. Заочный суд был заменен „указом об аресте”.

*

В третьей части книги автор анализирует побег с 1969 г. до наших дней на примере 230 человек. Их список составлен главным образом на базе данных западной, преимущественно американской, прессы. В среднем это составляет 15 перебежчиков в год, с тенденцией к увеличению. Так, например, только в 1984 году было уже 25 перебежчиков. Автор отмечает, что при Сталине за последние 8 лет средняя составляла 33 перебежчика в год, но в основном за счет оккупационной армии. При Хрущеве годовая средняя составляла 11 перебежчиков и при Брежнев — 16. Но еще более важно, отмечает автор, что среди новых перебежчиков высокий процент составляет интеллигенция, т. е. советская элита. Так, на базе данных до 1982 г., среди 149 перебежчиков были: 31 научный сотрудник, 32 артиста, 24 музыканта, 12 танцоров и 21 дипломат. То есть две трети составляли те, кого принято в советском обществе считать привилегированным классом, опорой власти. Это резкий контраст с перебежчиками 1945—69 гг., большинство которых составляли простые солдаты.

Автор отмечает, что увеличился также процент перебежчиков женского пола. Так, с 1969 г. бежало 32 женщины, в то время как до 1969 г., то есть за 24-летний период, бежало только 20 женщин. Бегут более молодые, более решительные. Так, например, 18-летняя Лилияна Гасинская, бежавшая с советского судна в Австралии, в интервью заявила, что планировала побег с четырнадцатилетнего возраста: „Я поняла, что коммунизм построен на лжи и пропаганде, и я его возненавидела”.

Несмотря на то, что в первой половине семидесятых годов началась легальная эмиграция этнических групп, в основном евреев, армян и немцев, это не остановило попыток

побега лиц, принадлежавших к этим меньшинствам. Наиболее известно „дело ленинградских самолетчиков“. В 1979 году была сделана попытка группового побега самолетом, возглавлявшаяся Вадимом Эренбергом, кончившаяся неудачей. Четверо беглецов были схвачены в аэропорту Пулково и получили сроки от 2 до 13 лет. Их стремление к свободе кончилось трагедией, в то время как в том же 1979 году 51 тысяча евреев покинули Советский Союз легальным путем.

В своей книге В. Краснов также отмечает, что во время разрядки 1970—80 гг. отношение к перебежчикам со стороны США заметно ухудшилось, особенно по сравнению с периодом т. н. „холодной войны“. Было несколько случаев насильственных выдач: к примеру, дело Кудирки в ноябре 1970 г., дело Анатолия Чеботарева в октябре 1971 г., дело матроса Медведа в октябре 1985 г., дело советского солдата Александра Круглова в Кабуле или Юрия Власенко, убитого на территории американского посольства в Москве. Автор подкрепляет этот свой вывод выдержками из американской прессы, например, из „Нью Рипаблик“, в связи с переходом в 1978 году Аркадия Шевченко:

„В дни холодной войны каждый перебежчик из Восточной Европы приветствовался на Западе как „живая амуниция“ в большом пропагандном сражении, как доказательство тирании на той стороне и свободы на нашей. В дни разрядки перебежчик рассматривается как затруднение, как фактор, который может отрицательно повлиять на баланс американо-советских переговоров по целому ряду вопросов. Американские чиновники не ведут больше учета перебежчиков; правительственные инструкции призывают к снижению их значимости“. И далее тот же журналист добавляет: „Инструкции Госдепартамента содержат рекомендации уговаривать потенциальных перебежчиков из Восточной Европы не переходить на Запад, а стараться улучшить коммунистическую систему, оставаясь в стране. Если же перебежчик все же решает остаться на Западе, то может рассчитывать только на экономическую поддержку, на устройство, но с условием, что не будет выступать с громогласными осуждениями и разоблачениями коммунистической системы“.

Автор книги „Советские перебежчики“ делает вывод, что разрядка, во всяком случае при президенте Картере, была куплена за счет перебежчиков. Хотя, как отмечает автор, и до 1969 г., в период „холодной войны“, перебежчиков тоже не поили „молоком и медом“.

Такое недружелюбное отношение к перебежчикам из Советского Союза было проявлено не только со стороны США, но и ряда других стран, в частности Турции, Ирана, Финляндии и Швеции, которые насильственно выдвигали советских перебежчиков в руки КГБ или содействовали их „добровольному возвращению“. Так „добровольно вернулась“, например, в октябре 1981 г. жена второго секретаря советского посольства в Вашингтоне Ирина Мамедова с пятилетней дочерью; в июле 1981 г. — балерина Большого театра Галина Чурсина в Истамбуле; шестнадцатилетний Андрей Бережков, сын советского дипломата в США, который даже написал письмо президенту Рейгану с просьбой его не выдавать. Не помогло!

Все это свидетельствует о том, что США, как страна, возглавляющая Свободный мир, к сожалению, не справились с задачей выиграть сражение за судьбы людей, бросивших вызов советской системе, коммунизму, представляющему сегодня главную опасность для Соединенных Штатов Америки. Позиции обеих партий, демократов и республиканцев, в этом вопросе примерно одинаковы.

Принимая во внимание все вышеприведенные факты, пишет автор, приходишь к выводу, что свободный мир, включая Соединенные Штаты Америки, не в состоянии проводить полностью и последовательно принцип предоставления политического убежища в отношении перебежчиков из Советского Союза. В последнее десятилетие никаких существенных улучшений не последовало. Даже элементарные права перебежчиков часто, без всякой необходимости нарушались. Нередко это происходило потому, что чиновники, ради личного спокойствия или политической выгоды, поддавались грубому советскому давлению.

В заключение хочется отметить, что книга В. Краснова „Советские перебежчики“ — серьезное пособие для всех, кто занимается изучением Советского Союза. Хотя книга исследовательская и содержит много статистических данных, читается она легко и понятно каждому. Остается только пожелать, чтобы автор продолжил это ценное и нужное исследование.

Н. Петров

В западных странах книги и журналы, выходящие в эмиграции, можно заказать через любой крупный книжный магазин

Передовица редактора посвящена общественному лицу Русской православной Церкви в наши дни. Н. А. Струве убедительно оспаривает взгляд, что вопросы „общественного устройства” Церкви касаться не должны, и в том, что „Вестник” этим вопросам уделяет мало места, не видит „никакой заслуги, наоборот: вопросы земного устройства касаются совести каждого из нас”. Пример Чернобыльской катастрофы, о причинах и следствиях которой РПЦ стыдливо промолчала, показывает, что „Церковь говорит не своим голосом, не сообразуясь с правдой, а, страха ради иудейска, повинувшись государству, чьи установки в основе ей противоположны”.

В отделе „Богословие и философия” особый интерес привлекают примерная проповедь свщ. В. Лапковского о св. Григории Паламе и „Опыт характеристики” о. Павла Флоренского Б. С. Белова.

Учение Григория Паламы (XIV век) — последнего из отцов Восточной Церкви — удивительно созвучно восприятию мира и человека рядом современных ученых и мыслителей. Оно основано на понятии „Божественной энергии” — свободном даре и самовыражении Бога человеку. Божественная энергия — средство познания непознаваемого и приобщения человека к жизни Божества. Понятие Божественной энергии не только помогает осмыслить назначение и сущность человеческого бытия: оно чрезвычайно созвучно основным гипотезам современной физики и научной космологии.

„Мир сцементирован из веществ, уверяет нынешняя физика, все вещи не что иное, как сгусток энергии”, а для Паламы (и православной Церкви) „Божественная энергия первичнее материи, независима от нее. Энергия Бога — зодчий вселенной, она поддерживает жизнь. 'Бог именуется светом не по Своей сущности, а по Своей энергии', — назидал Палама. Энергия, заявляет физика атомного века, — это свет. 'Свет Божий во тьме светит, и тьма не объяла его!'... „И гениальный современный физик, и отец Церкви в поисках Истины исходили из веры во внутреннюю гармонию и тайну вселенной. Без такой веры нет ни творческой науки, ни подлинной религии. Бог и мир для нас в один и тот же миг доступны и недоступны”.

В „Опыте характеристики” о. Павла Флоренского (1882—1943) Б. С. Белов справедливо отмечает, что редко встречалось такое сочетание даров Божиих в одном человеке, как у него: „Математик и мистик, страстно верующий православный и трезво рассуждающий ученый, искусный экспериментатор-физик и глубокий богослов, техник-изобретатель и лирический поэт, тонкий ценитель прекрасного, оригинальный философ и изумительный полиглот-филолог”. В очерке Белова о „русском Паскале” сочетаются биографические данные с характеристиками о. Павла его друзьями и современниками, их оценки его творчества. О знаменитой книге Флоренского „Столп и утверждение истины” (Москва, 1914) Е. Н. Трубецкой писал, что „может быть, во всей мировой литературе, кроме „Исповеди” бл. Августина, нет более яркого и мучительного изображения души, раздираемой грехом и сомнениями, нигде так ясно не выступает необходимость помощи Свыше для человеческого спасения, чем у о. Павла”.

Качества ума и сердца о. Павла привлекали к нему многих выдающихся современников. У него в доме бывали С. Н. Булгаков, Вл. Эрн, М. В. Нестеров, Н. О. Лосский, Андрей Белый и Вячеслав Иванов, В. В. Розанов и другие (он изображен вместе с С. Н. Булгаковым на известной картине Нестерова „Философы”, хранящейся в Третьяковской галерее). Но в предреволюционные годы популярность Флоренского отнюдь не ограничивалась узким кругом столичной религиозной интеллигенции. Московское студенчество забывало аудиторию в Московской Духовной академии (в Троице-Сергиевой лавре), когда он читал лекции, несмотря на двухчасовую, в то время, поездку из Москвы.

В 1933 году о. Павел был арестован (не в первый раз) и направлен на „дальние острова” ГУЛага, с которых он уже не вернулся: „Павел Александрович с удивительным смирением нес свой тяжелый крест. Он считал: это воля Божия, чтобы он был не дома, за письменным столом, а там — в гуще народных страданий, среди невинно осужденных, где он, по мере сил своих, помогал словом утешения, своим примером необычного мужества и стойкости перед всеми не-

взгодами лагерной жизни, вселял веру и надежду потерявшим их, укреплял волю слабых, впадавших в отчаяние, и спасал некоторых от самоубийства”.

Начатое в 1985 году издание Собрания сочинений о. Павла Флоренского (в издательстве YMCA-Press) будет ценным вкладом в дело возвращения России творчества одного из наиболее замечательных мыслителей современности.

Очерк Н. М. „Елабужские дни” — свидетельство о последних днях Марины Цветаевой, рассказ о той „нежизни”, от которой она спаслась смертью. Построение коммунизма и духовный дар поэзии несовместимы. Цветаева рано ушла в мир иной из бездуховного советского общества, как до нее почти все наши великие поэты современности — Гумилев, Блок, Есенин, Маяковский, Мандельштам. Гибель их была неизбежной, как неизбежна земная гибель каждого истинного мастера, соприкоснувшегося с дьяволом, независимо от того, проданся он ему или отказался от сделки. Цветаева повесилась „в сенях, на кованом, четырехгранном гвозде, вбитом в балку”. В Советском Союзе она была лишней потому, что, как она писала в своем последнем письме: „Кроме моей литературной профессии у меня нет никакой”.

Центральным, в духовном смысле, материалом „Вестника” № 147 можно признать „Жизнеописание иеромонаха Яранского Пророчицкого монастыря отца Матфея (1858—1927)”. Автор его, игумен Иоасаф (1889—1961), ученик отца Матфея, сам строгий инок, автор канонов и акафистов, в неторопливом своем повествовании, написанном житейным, но вполне созвучным современности слогом, вводит читателя в удивительно привлекательный мир подлинно церковного быта и духовных подвигов. Этот мир всегда питал все лучшее в русской Церкви и, будем надеяться, послужит и в будущем почвой для духовного возрождения России. Слишком часто в наше время у людей образованных церковная жизнь вырождается в псевдоцерковный интеллектуализм и эстетизм, в лучшем случае сочетающийся с богослужебной практикой, приспособленной к „требованиям жизни”. Упражнение в Иисусовой молитве становится видом спорта, а язык отцов Церкви опошляется безрассудным приложением его ко всем на свете явлениям и событиям. Нам надо учиться духов-

ной собранности и трезвости у подвижников, подобных отцу Матфею, в уединении на монастырской лесной пасеки достигающих всенародной славы, больше, чем у суматошных церковных деятелей, носящихся с конгресса на симпозиум, духовно опустошенных „богословским туризмом”.

Из „Отчета о состоянии Московской Духовной академии за 1919/20 и 1920/21 годы”, опубликованного по случаю трехсотлетия академии (основана в 1685 году), мы узнаем, что наше самое старое высшее учебное заведение в полулегальном, полуучастном порядке (но с благословения патриарха Тихона) продолжало свои занятия и в первые годы советской власти. Академии непрерывно приходилось менять помещение, занятия происходили по вечерам, с 6 по 9 часов вечера. И хотя большинству студентов приходилось добираться издалека, после работы (и нередко — пешком), в августе 1921 года на первый курс было принято 65 студентов и 13 вольнослушателей. В этом учебном заведении, вообще „не могущем быть” по тогдашнему резко антирелигиозному законодательству, преподавало около тридцати высококвалифицированных, уцелевших от гонений преподавателей...

В заключение нашего (очень неполного) обзора необходимо упомянуть и о материалах, посвященных памяти архиепископа Василия Брюссельского (1900—1985). Из биографического очерка о покойном владыке мы узнаем, что он был сыном А. В. Кривошеина, министра земледелия и землеустройства последнего российского императора. Студентом (в миру) Всеволод ушел в Добровольческую армию, в 1919 году эвакуировался из Новороссийска. Затем жил сперва во Франции, учился в Сорбонне, но в 1924 году поселился на Афоне, в русском монастыре св. Пантелеймона, где оставался до 1950-х годов. Архиеп. Василий — автор многих богословских трудов, в частности исследований о св. Григории Паламе и преп. Симеоне Новом Богослове. После нескольких лет, проведенных в Оксфорде, в 1959 году состоялась его хиротония на бельгийскую епископскую кафедру Московской патриархии. До своей кончины архиеп. Василий жил в Брюсселе.

Будучи иерархом Московской патриархии, архиепископ Василий не придерживался тактики „лжи во спасение”, господствующей среди его российских (а порой, увы, и

зарубежных) коллег по епископству и священству. На Московском Поместном соборе 1971 года его голос прозвучал достаточно резким диссонансом среди голосов большинства участников собора, запуганных властью или одурманенных ее лживыми обещаниями. Почти единственный, владыка Василий публично возражал против открытого (а не тайного) голосования, при утверждении Собором правительственных постановлений о приходе 1961 года, подчинивших властям приходскую жизнь и духовенство, а также против пропагандных, политических высказываний Собора.

В опубликованных отрывках из его воспоминаний (полную публикацию которых можно было бы только приветствовать) да-

ны проницательные, порой хлесткие зарисовки и характеристики ряда участников Собора. „Испуганно озираясь по сторонам“, „полушепотом“ видные иерархи благодарили его за „смелость“, оправдывая свое собственное молчание прошлыми страданиями (большинство епископов старшего поколения — многолетние узники ГУЛага) или опасением, что своей несоговорчивостью с властью они вызовут гонения на Церковь. Впечатление от этих разговоров — очень тяжелое. Дай Бог, чтобы эти малодушные, искалеченные жизнью пастыри не передали свои настроения преемникам и чтобы в будущей Русскую Церковь возглавляли люди иного склада...

Н. П о с с

«А что, если это способ торжества таких идей?..»

Роман Чингиза Айтматова „Плаха“, * опубликованный в журнале „Новый мир“, вполне можно считать литературным событием 1986 года в Советском Союзе. Не только потому, что не затихает его обсуждение в официальной печати — это далеко не всегда показатель талантливости. Роман и в самом деле заслуживает внимательного отношения, поскольку автору удалось сочетать в нем новую степень социальной остроты с настоящей художественностью и более глубоко, чем ранее допускалось в советской литературе, затронуть философско-религиозную проблематику.

С художественной точки зрения прекрасны страницы о волках: описание, их глазами, окружающего мира и человека, который, бездумно используя дарованную ему свободу делать добро или зло, разрушает этот мир.

Основные проявления зла писатель рассматривает в рамках социальной проблематики, связанной с двумя главными героями.

Первый из них, Авдий Каллистратов, бывший семинарист, решает бороться против такого общественного зла, как наркомания, которая описана Айтматовым столь открыто и со знанием дела, что просто поражает размаху этого явления в Советском Союзе, где оно еще совсем недавно, как офи-

циально заявляли „ради престижа“, — „не существовало“. Но „зачем он нужен, этот престиж, — восклицает Авдий, — если за него надо платить такую цену!“

Вот будни милиции только на одной железнодорожной станции в Казахстане, куда Авдий едет тайным корреспондентом газеты с группой профессиональных сборщиков дикорастущей конопли, содержащей наркотик. Миллионер рассказывает ему:

„Верите ли, только в прошлый сезон по нашему участку дороги мы судили более ста подростков, а сколько мы пропустили, не смогли задержать, а они все едут и едут отовсюду, от Архангельска до Камчатки, прут, как рыба на нерест... У них возникла целая система промысла...“

Авдий собирает в поездке богатый материал для газеты, но редакция отказывается его печатать. „До каких пор мы будем уверять, что даже катастрофы у нас самые лучшие?“ — горько спрашивает Авдий редактора...

Второй герой романа — казахский чабан Бостон Уркунчиев. Он принадлежит к той породе людей, не исчезнувшей и при социализме, которые не умеют работать плохо. Бостон больно переживает невозможность быть хозяином на своей земле, пытается утвердить здравый смысл в своей работе, — но его представления об этом, с которыми согласен и директор совхоза, воспринимают-

* Чингиз Айтматов. Плаха. Роман. — Москва: журн. „Новый мир“ №№ 6, 8 и 9, 1986 г.

ся парторгом как „посягательство на священные принципы социализма”.

„Скажи, — говорит чабан директору, — тебе очень нужен парторг в хозяйстве? Никак не можешь обойтись без него?.. Вот, скажем, есть у телеги четыре колеса — и все на месте, а если взять и приделать пятое колесо, оно и само не катится, и другим не дает. Так нужно это колесо или нет?”

Но эта острота социально-политической проблематики не самое интересное в романе Айтматова. Об этом теперь много пишут в газетах, говорят по радио. Интереснее глубинные слои произведения.

На первый взгляд, сюжетные линии Авдия и Бостона совершенно не связаны друг с другом. Это словно две разных истории, обрамленных третьей — историей волков. Но тем не менее, все части „Плахи” соединены одной общей темой, которая, как подводное течение, направляет ход событий в каждой из них.

Начинается все с темы разрушения природы, олицетворяемой волками. Природа у Айтматова предстает как духовная субстанция, тесно связанная с духовным миром человека и страдающая от его неустойчивости. Но разрушение природы произойдет не столько отдельным человеком, сколько чем-то более мощным — материалистической системой, не чувствующей этой духовной связи. Потрясающие сцены романа, когда руководящие представители этой системы, ради выполнения плана по сдаче мяса, решают при помощи вертолетов и машин устроить бойню сайгаков в степи, во время которой волки и сайгаки, утерев страх друг перед другом, сбиваются в единую, наполненную лишь ужасом плоть истребляемой природы. Другие руководители выжигают тысячи гектаров древних камышей на озере Алдаш, вместе со всем живущим в них, чтобы строить какой-то очередной „почтовый ящик”.

И природа невольно мстит человеку. Рокосное стечение обстоятельств в столкновении между наступающими на царство природы людьми и волками приводит к тому, что взамен отнятых человеком детенышей волчица покидает человеческое дитя, единственного сына Бостона, и, стремясь спасти сына, отец нечаянно убивает его вместе с волчицей. Описание этой трагедии столь символично, что кажется, где-то за ней живет скрытый от русского читателя, но близкий Айтматову мир древних сказаний и легенд его родины...

Но ушли в прошлое времена древности, когда люди уважали, обожествляли природу, чувствовали ее взаимосвязь с собой. Сегодня лишь идеалисты идут в ее защиту против течения, как Авдий, судьба которого тоже символична: пощаженный волчицей в нечаянном столкновении в степи, он погибает мучительной смертью от человеческих рук: заготовки мяса, которых он хотел именем Христа отгнать от зла, садистски убивают его, глумясь над предложенными им идеалами добра, любви, милосердия.

И в этом заключается главная, общая тема всего романа: „Отчего зло почти всегда побеждает добро?” — спрашивает Айтматов, проводя этот вопрос через все повествование и соединяя им воедино и трагедию волков, и трагедию Авдия, и трагедию Бостона. И как против этого зла бороться?

Поступки Бостона и Авдия предлагают читателю два разных ответа на этот последний вопрос.

Бостон берет ружье и убивает косвенного виновника своей трагедии, человека, отнявшего у волчицы детенышей. „...И ему открылась страшная истина”, — пишет Айтматов: „весь мир до сих пор заключался в нем самом и ему, этому миру, пришел конец”. Выстрелом в другого человека он убил этот мир в себе, теперь „...будет иной мир, а его мир, неповторимый, невозобновимый, утрачен и не возродится ни в ком и ни в чем. Это и была его великая катастрофа, это и был конец его света”, — заключает Айтматов, показывая, сколь бесперспективен и саморазрушителен этот путь.

Авдий, оставивший семинарию из-за неудовлетворенности традиционными догматами христианства, пытается создать новую, в его представлении более современную, религию, основанную на тех же моральных заповедях и учении Христа. Алесь Адамович в „Литературной газете” от 1 января 1987 г. подметил схожесть образа Авдия Каллистратова с Алешей Карамазовым, „более того, в романе она провоцирующе подчеркнута (автор даже сохранил инициалы — А. К.)”. Авдий дважды вступает в сражение со злом, пытаясь победить его, подобно Христу, призывом к добру, призывом к людям одуматься и прекратить преступление. Сначала этот призыв он обращает к так называемым „гонцам”, добытчикам анаши, и те выбрасывают его на полном ходу из поезда. Чудом выжив, он точно так же пытается обратиться к добру

расстрельную бригаду по заготовке сайгачьего мяса — и те, пьяные, распинают Авдия, как Христа, на дереве. И, распяв, — продолжая свое дело.

Таким образом, этот, обратный Бостону, метод борьбы со злом оказывается тоже безрезультатным. Но почему же тогда Авдий идет за него на смерть? Ведь он мог бы спасти себя:

„Скажи, что Бога нет! — требовали, издеваясь, убийцы. — Отрекись от Бога своего, а иначе тебе конец, сволочь здакая!”

„Есть Бог! — слабо простонал Авдий...”

Так же в романе мог себя спасти и Христос, отказавшись, по требованию Пилата, от своего учения. Айтматов, подобно Михаилу Булгакову в „Мастере и Маргарите”, включает в роман вводную главу, изображающую разговор Христа с Понтием Пилатом в его представлении. Но и Христос, предстающий в романе, — не такой ли Он неудачник-идеалист, как и Авдий?

Вот колебания, размышления Авдия о Его жертве:

„...ведь ради счастья будущих поколений наложили Он на себя тот гибельный долг... Однако можно ли достичь цели таким антиисторичным способом и есть ли уверенность в том, что этот урок Учителя не будет забыт всякий раз, когда, преследуя свою корысть, человек хочет забыть Учителя, заглушить и подавить свою совесть и найдет себе множество оправданий: мол, он-де вынужден был якобы злом отвечать на зло...

...ведь те, ради которых Ты пойдешь на крест, на мученическую смерть, они же потом над Тобой надсмеются. Да, да, иные будут просто хохотать, иные будут издеваться над тшетой Твоей спустя тысячелетия, когда материалистическая наука, не оставив от веры в Бога камня на камне, объявит небылицей все, что с Тобой было: „Чудак! Глупец! Кто его присил? зачем, к чему было устраивать тот спектакль с распятием?... Что это дало, что изменило в человеке хотя бы на волосок, хотя бы на йоту?” Так будут думать те поколения, которым твой подвиг будет казаться чуть ли не нелепым, которые к тому времени постигнут устройство материи до ее изначальной сущности и, преодолев земное тяготение, вступив в космические сферы, оспаривать будут вселенную друг у друга в алчбе кошмарной, стремясь к галактическому господству, и хоть и бесконечно пространство, но им и вселенной будет мало, ибо в отместку за неудачу на земле они готовы будут в угоду своим амбициям саму планету развезть в прах, планету, на которой Ты пытался возвестить культ милосердия”

И Авдий переносится в бреду в ночной Иерусалим, ищет Христа, чтобы уберечь Его от напрасной жертвы, ведь если бы Он остался жив, может быть, —

„...Он прозрел бы новый путь человечеству в даль времен и даровал бы людям божественное совершенство, дабы путь к мессинской цели, возложенной Им на себя как непреложный долг, лежал бы не через кровь, и не пришлось бы расплачиваться за него мучениями и унижениями, которые Он, безумный, готов принять ради людей, за правду, опасную гонителям и потому искореняемую беспощадно...”

Однако напрасно советский критик Е. Сурков в „Правде” от 22 декабря 1986 г. усматривает во всем этом социальную бесперспективность христианской идеи самопожертвования, ведущей Христа и Авдия на плаху. Айтматов не дает на этот вопрос однозначного ответа, в размышлениях Авдия можно найти и такие строки:

„Но кто же такой был Иисус, от которого идет отсчет, как от нуля, в трагическом самосознании духа? И зачем все это надо было? Неужто лишь для того, чтобы была у нас причина для вечного покаяния? И почему с тех пор, как он вззошел на крест, так долго не успокоятся умы? Ведь с тех дней многое, что претендовало на бессмертие, забылось и обратилось в прах. ...так почему же сказанное Иисусом не устареет и не теряет силу?”

„...а что, если это есть форма существования и способ торжества таких идей? Что, если это так? Что, если именно в этом цена такой победы?”

В этом и кроется смысл названия романа: „Плаха” — синоним Голгофы. И в романе приглашение к раздумью о ней.

*

Конечно, айтматовский Христос сильно отличается от евангельского Богочеловека. Нужно сказать, что глава о Христе самое слабое место романа, ибо писатель совершенно лишает Христа божественных черт, его уверенность в себе, вкладывает ему в уста противоречащие евангельским текстам представления Авдия о христианстве, о смысле второго пришествия, и даже заставляет его провозглашать „Царство справедливости без власти кесарей”, к которому Христос, подобно коммунистам (или скорее анархистам), „намерен вести людей и народы”, — как будто Он не разделил четко эти две сферы: „Отдайте Богу Божье, а кесарю кесарево”.

Конечно, писатель в художественном произведении имеет право на любое допущение,

любой вымысел и на свои правила игры в создаваемом им мире. Например, Христос у Булгакова тоже не настоящий Христос. Но хочется согласиться с критиком Сергеем Ломинадзе, который в газете „Литературная Россия” от 28 ноября 1986 г. сказал об этом так:

„Если коснуться христианской проблематики в романе, то меня не смущает, что Айтматов к ней обратился. Меня смущает то, что из этого получилось. Думаю, что художественность тут принесена в жертву злободневности. Читать о Пилате и Христе невозможно... Когда мы говорим о Христе на языке газетных переводов, то, может, вообще о нем лучше не говорить?”

Примерно такое же мнение высказали известный литературовед Сергей Аверинцев („Лит. газета”, 15.11.1986) и уже упомянутый выше Алесь Адамович („Лит. газета”, 1.1.1987), чей отзыв на „Плаху” был лучшим из прочитанных нами в советской прессе.

Но не будем столь строги к Айтматову. Не забудем, что все это напечатано в Советском Союзе, где границы дозволенного в литературе все еще недостойны таланта очень многих хороших писателей (хотя в оценке их произведений все труднее удается применять урезанные, специфически-советские критерии, оторванные от критериев свободного общества).

Несмотря на столь вольную трактовку Айтматовым образа Христа, необходимо отметить и оценить совершенно новое для советской официальной литературы *положительное* отношение к религии, когда слово Бог пишется с большой буквы (до сих пор даже в цитатах богословских текстов не дозволялось) и когда о вере в Бога, которую Маркс назвал „опиумом народа”, а Ленин — „мерзостью невыразимейшей”, теперь говорится так:

„Вера — продукт страданий многих поколений, над верой трудиться надо тысячелетиями и ежедневно”.

Необходимо „раскрепощение от догматизма, предоставление человеческому духу свободы в познании Бога как высшей сути собственного бытия”.

„Божья благодать выражает себя в нашей воле. Он в нас, он через наше сознание воздействует на нас... ищите примирения с тем, кто носит имя Бога и единым разумом объединяет нас...”

„Бог, являя себя через любовь, дарует тем самым человеку наивысшее счастье бытия, и щедрость Бога

тут бесконечна, как бесконечно течение времени, а предназначение любви неповторимо в каждом случае и в каждом человеке...”

Все эти слова принадлежат Авдию, ушедшему из семинарии из-за расхождений с традиционным христианством, ибо Авдий почти по-материалистически полагает, что Бог существует как продукт нашего духовного мира. Почти — потому что в отличие от подлинного материализма, утверждающего, что Бог существует только в невежественных головах и что это ошибочное и вредное представление о мире, айтматовский Авдий утверждает, что Бог — самое ценное и лучшее из созданного человеческим разумом, в этом взлет человеческого духа, без этого человек духовно неполноценен. Бог необходим человеку, „очень хотелось, чтоб Он был”. И в сущности Он есть: человек создал Бога, который зажил собственной жизнью. Таково к нему отношение Авдия и автора во многих местах книги: не как к „продукту нашей мысли”, а как к независимой Личности.

Материалистическая наука отвергла Бога, — пишет Айтматов. — „Но к чему мы пришли, что у нас есть взамен той милосердной, жертвенной, давно отброшенной на обочину, злорадно вымышленной реалистическими воззрениями идеи? Что у нас есть подобное, превосходящее? Ведь новое несомненно должно быть лучше старого. И оно есть... На подходе новая могучая религия — религия превосходящей военной силы...”.

Очевидно, подобно своему герою, Айтматов пытается „...найти некую приемлемую форму, некую пограничную идеологическую полосу, позволившую бы ему высказывать столь актуальные и столь жизненно важные, по его убеждению, новомысленнические представления о Боге и человеке в современную эпоху”.

В известной мере писатель пытается примирить государственный атеизм и религию, сделать первый более терпимым и культурным, а вторую — менее божественной, более гуманистичной, превратить ее в часть культуры.

Оценивать эту попытку разные люди будут по-разному.

Например, ветеран „Союза воинствующих безбожников” Крывелев в „Комсомольской правде” (30.7.1986) сурово осуждает Айтматова за „кокетничанье с боженькой” и за некомпетентность в вопросе о положении рели-

гии в СССР: „Неправдоподобно, чтобы газета взяла в свои специальные корреспонденты случайного человека, притом явного путаника-богоискателя”, — одним словом, Айтматов и плохой писатель, и вредный: считает, что „именно при помощи религиозных установок можно и нужно оздоравливать нравы и нравственность людей”.

Другие люди, даже не вполне верующие, именно в этом способствовании оздоровления нравственности увидят основное достоинство романа.

Убежденные христиане, несомненно, не примут самодельного Бога Авдия, скажут, что все-таки прав руководитель семинарии в споре с Авдием: „Ты мнишь, несчастный, что Бог лишь плод твоего воображения, а потому сам человек почти Бог над Богом... Ты, якобы улучшая Бога новомыслием, на самом деле игнорируешь Его. И ты готов собою подменить Его! Но благо не от тебя и не от подобных тебе зависит, как Богу с нами быть...”

Но, несмотря на это, многие верующие, наверное, отнесутся к этой обнадеживающей

советской публикации положительно: если бы такое благосклонное отношение к религии удалось осуществить в советской государственной практике, это был бы большой шаг вперед. Роман создает важный прецедент для этого, давая понять, что не только примитивный (типа ленинского) атеизм, но и атеизм вообще — перегиб. Ибо существование Бога „научными” методами нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Честнее уж сказать: „не знаю”. „Плаха” Айтматова, несомненно, будет способствовать распространению нормального отношения к религии.

Религиозно образованные критики-философы покачают на это головой: уровень рассуждений Авдия о христианстве все же низковат для того, чтобы быть вкладом в русскую религиозную философию; похоже, он не только в семинарии плохо учился, но и Евангелия внимательно не прочел, не прочувствовал...

То есть критерии, как мы уже писали выше, могут быть разными. Интересно, какой из них хотел бы видеть примененным к своему роману сам Айтматов?

М. Назаров

● КУЛЬТУРА

Рóковый вопрос

А. ЖУКОВСКИЙ

„Что же это за рок такой? Да не что иное, как разновидность буржуазной массовой субкультуры, порожденной капиталистическим образом жизни. Известны ее вдохновители. Это воротилы военно-промышленного комплекса, холопы и охранники гостиних дворов империализма, со стола которых они кормятся. Это гофмейстеры подрывных центров, дирижируемые ЦРУ”.

„Советская Белоруссия” от 29 августа 1986 г.

„Постепенно стрелка симпатий молодежной аудитории поворачивается от популярных „итальянцев” в сторону отечественных самодельных групп, доморожденных бардов. Неудивительно, ведь лишь в РСФСР насчитывается ни много ни мало — 160 тысяч рок-групп!”

„Молодежь Молдавии” от 9 октября 1986 г.

Сто шестьдесят тысяч! И ведь это только зарегистрированных! В созданном около пяти лет назад при Ленинградском доме самодеятельного творчества рок-клубе сейчас выступает 70 групп и 300 числятся в кандида-

тах. Составить точный список всех групп страны навряд ли сможет и КГБ. Всесоюзный научно-методический центр при министерстве культуры в свое время ограничился инструкцией с перечислением тех ВИА (Вокально-инструментальных ансамблей), чьи песни запрещены в Москве — за то, что в их творчестве „допускается искаженное отражение советской действительности, пропагандируются чуждые обществу идеалы и настроения”. Инструкция была выпущена на основании приказа № 361 от 25 июля 1984 года „Об упорядочении деятельности ВИА, повышении идейно-художественного уровня их репертуара в свете требования икольского Пленума ЦК КПСС”. Правда, это было еще при Черненко.

Но политика партии в отношении рок-музыки не так уж прямолинейна: некоторые зубры предлагают просто „тащить и не пущать”, другие выступают только против тяжелого и металлического рока, третьи —

вообще за признание этого явления, так как рок может бороться за мир и собирать деньги в пользу пострадавших Чернобыля.

„Но вот, кажется, наконец мы начали признавать, что оглуное поругание модных новшеств успеха не приносит, а даже, наоборот, возбуждает повышенный интерес к предмету порицания. Стало ясно, что запретить что-либо полностью не удастся: это „что-то“ уходит в подполье и продолжает существовать” („Известия”, 10 ноября 1986 г.).

Наконец-то они поняли, что миллионы советской молодежи живут своей, мало совпадающей с официально изображаемой жизнью, и вмешаться и перестроить эту жизнь с помощью одних только запретов, инструкций и приказов невозможно.

А русский рок может существовать и существует в подполье, группы могут петь в подвалах и деревенских клубах, записываться в частных полулегальных студиях, выпускать свои записи (включая даже изготовленные „фирменных” конвертов для пластинок и кассет) без помощи фирмы „Мелодия” (хотя качество будет хуже), и сбывать их через черный рынок. От производителя до потребителя — без вмешательства государства. И это — при живом-то социализме!

Идеологический аспект „роковой проблемы” еще серьезнее: некоторые ВИА поют так кое... Но об этом позднее.

На сегодня самая популярная рок-группа в СССР это „Машина времени”, организованная в 1968 году. С самого начала ее руководителем был Андрей Макаревич (по профессии — архитектор), он же — автор текста всех песен группы. Сам состав ВИА менялся неоднократно, сейчас в нем четыре музыканта.

В 1985 году на Запад дошли слухи, что группу разогнали, а трех музыкантов привлекли к уголовной ответственности „за нарушение финансовой дисциплины”. Возможно, что похожий инцидент имел место, но многочисленные статьи последнего времени, а также участие „Машины” в озвучивании фильмов „Душа” и „Начни сначала”, не говоря уже о многочисленных интервью Макаревича различным советским газетам, свидетельствуют о том, что „слухи о смерти ее сильно преувеличены”.

Бесспорно, что в середине шестидесятых — начале семидесятых советские рок-группы были явными „подраженцами” западной му-

зыке: по-западному примитивные тексты песен не блестяще сочетались с советским качеством аппаратуры. Существовал также неофициальный запрет на пение по-английски (основной язык рок-музыки). Как ни странно, но может быть, именно он отчасти способствовал развитию отечественного рока.

И вот, после стольких лет разных „Дружб”, „Пламеней” и прочей советской эстрады, в России зазвучали непривычные, режущие слух ревнителей соцреализма в музыке, названия групп: „Аквариум”, „Примус”, „Центр”, „Високосное лето”, „Динамик”, „Кино”, „Поп-механика”, „Алиса”, „Странные игры”, „Мануфактура”, „Зоопарк”, „Мухомор”, „Автоудовлетворители”...

Он живет на Петроградской
В коммунальном коридоре,
Между кухней и уборной.
А уборная всегда полным-полна.

И к нему приходят люди
С чемоданами портвейна
И проводят время жизни
За сравнительным анализом вина...

Так саркастически описывает день в жизни своего героя известный ленинградский ВИА „Аквариум”. Группа существует уже 14 лет, ее руководитель и солист — Борис Гребенщиков. „Аквариум” для Питера это то же, что „Машина времени” для Москвы, разве что тексты песен более изысканны, во многих чувствуется влияние поэзии обзриутов, сатирический абсурд. Но с официальным признанием „Машины времени” повезло больше — до самого последнего времени советская пресса об „Аквариуме” не писала вообще.

Но это — Москва и Ленинград (оставив в стороне Эстонию, где рок существует дольше). А как обстоит дело на периферии?

Привольна наша сторона:
Стоит покой и тишина —
Навоз целует сапоги,
Кого-то „мочат” у реки...

Контора пьяных дембелей,
За ребра лапая девчат,
О службе матерно кричат
И отгоняют кобелей.

Заборы, улицы, дома...
Кино опять не привезли,

Завклубом наш сошел с ума
От безысходнейшей тоски.

Вот трактор промчался, давя поросят, –
В соседней деревне есть спирт, говорят!
Всю ночь не смыкают в правлении глаз:
Прислали приказ – посадить ананас!
Периферия!

Поет группа „ДДТ” из Уфы. Периферия
тоже не отстаёт.

Рок-музыка — явление социальное, почему
же тогда не петь о социальных проблемах?
Как не вспомнить дело Рашидова, слушая
рок-н-ролл „Сулейман Сулейманч”:

Все есть у Сулеймана:
Дома — икебана
Личная охрана,
Как у Митгерана!
Денег — чемоданы!
А если денег — чемоданы,
То проблем на свете не было и нет у Сулеймана!

По поводу отставания нашей рок-музыки
от западной Андрей Макаревич сказал в сво-
ем интересъ журналу „Смена” (№ 14, июль
1986 г.):

„Нет, конечно, это не так. Но я могу сказать, что,
если бы их (западных. — А. Ж.) музыкантов перене-
сти в условия, в которых работают наши ВИА, они
бы отстали от нас лет на 50. Нет хорошо оснащён-
ных студий, фирма „Мелодия” упорно не замечает
молодые коллективы, примерно такое же „внимани-
е” уделяет ВИА и телевидение. Никто не подвер-
гается такой критике, как ВИА. Видимо, это про-
исходит от зависти к их популярности. Есть плохие
певцы, есть плохие танцевальные группы, но о них
не пишут, никого это так не раздражает, как неуда-
чные работы рок-групп... Но упрямые рок-музыкан-
ты продолжают работать тихо и несчастно...”

Некоторые группы направления панк-рок
или „тяжёлый металл” выражают свое отно-
шение к действительности даже своими на-
званиями: „Народное ополчение”, „ДК”
(Дворец культуры), „ЦК” (Центральный ка-
бак), „99%”, „Крематорий” и т. п. (можно
было бы посоветовать вновь возникающим
группам принимать названия в духе Горба-
чевской эпохи: „Человеческий фактор”, „Ус-
корение”, „Перестройка”...).

„На стене дома увидел надпись, сделанную струей
краски: „Умрем за ‘металл’”. Хоть фраза и ассоции-
ровалась с куплетами Мефистофеля, понял сразу,
что сделали ее не любители оперы — свою метку

оставил поклонник тяжёлого металлического рока”
(„Советская Россия”, 26 октября 1986 года).

„В вагон ввалились компании подростков. Кожаные куртки и безрукавки, цепи и медальоны на груди, на руках — браслеты, перчатки с металлическими шипами... Пассажиры насторожились” („Комсомольская правда”, 26 октября 1986 года).

Вот они — „металлисты”! В возникнове-
нии неофициальных объединений поклонни-
ков „металла” советская пресса обвиняет
плохо поставленную комсомольско-воспита-
тельную работу, дескать, от скуки обвесе-
лись ребята цепями и браслетами, собирают-
ся по подвалам и частным квартирам. Хотят
выделиться из окружающей среды, „фанате-
ть”, а подрывные центры Запада этим
пользуются (кто же придумал тяжёлый рок,
как не ЦРУ!).

Внимание, хоть и небольшое, которое уде-
ляют русскому року западные радиостанции,
вещающие на русском языке, заставляет
власти искать компромисса: уж лучше са-
мым уделить внимание ВИА, чем слушать их
песни по Би-Би-Си (самим ведь можно и цен-
зуру навести). Название этой тактики не но-
вое — приурочение.

Одна из карт власти в этой игре — „Группа
Стаса Намина” (под руководством племян-
ника Микояна), которая не только признана
власть имущими, но даже без проблем гас-
тролировала в ФРГ. Песни этого музыкально-
го филиала „Березки” не то чтобы просовет-
ские, а просто банальные: „о счастье, о люб-
ви, о дружбе”, а свой последний альбом „Мы
желаем счастья вам” группа посвятила Меж-
дународному году мира, включившись та-
ким образом в борьбу за разрядку. Где уж
всяким „Примусам” до миллионных тира-
жей пластинок Намина!

Многие в России сейчас сравнивают по-
вальное увлечение рок-музыкой с популяр-
ностью песен Высоцкого, Окуджавы и Гали-
ча в 60-70-х годах. Что касается социального
аспекта и выражения настроений молодежи,
то это верно, хотя литературное качество
текстов еще далеко от уровня бардов.

В заключение этой статьи мы приводим
одну из последних песен „Машины времени”.
В текстах многих песен этого ВИА встре-
чаются образы корабля, дома и города, как
символы нашей страны, общества. Но, как
сказал в упомянутом выше интервью сам
Макаревич:

„Даже басни всегда подаются в аллегорической форме. Было бы ужасно скучно общаться с человеком, который говорит одними истинами: это хорошо, а то плохо... В моих песнях, я надеюсь, всегда ясно выражено мое отношение, позиция, а остальное пусть додумывает каждый сам за себя. Нельзя оглуплять слушателя”.

А СУДНО ИЗ ГАВАНИ – НИ НА ШАГ

По морю – плавать, по суше – гулять,
Но всех нас манит водная гладь.
И вот, в результате дела и слова
Новое судно почти готово.
Там – и мачты, и ванты, и даже флаг,
А только из гавани – ни на шаг!

Резонно заметить, что все это – странно!
Решила команда сменить капитана.
Сказано – сделано, „прошлому – бой!”
И вот у штурвала капитан другой.

Он и молод и красив, и совсем не дурак.
А только судно из гавани – ни на шаг.

Резонно заметить, что что-то неладно.
Решил капитан, что виновата команда.
Новая метла чисто метет –
И тысяча матросов получила расчет.
И новая команда поднимает флаг,
А только судно из гавани – ни на шаг!

Резонно заметить, что что-то неверно.
Решили, что судно покрашено скверно.
Художнику дали задание, он
Все перекрасил в праздничный тон.
Метался, старался, устал как ишак.
А только судно из гавани – ни на шаг!

По морю – плавать, по суше – гулять.
Сели думать над причиной опять...
А было дело в одной причине:
Все забыли, что паруса нет в помине!
Без паруса никак не объехать мир –
Поможет или чудо, или буксир!

Умер Андрей Тарковский

„... Во всяком случае, я не верю в смерть. Существует только страдание и боль, и часто человек путает это – смерть и страдание. Не знаю. Может быть, когда я с этим столкнусь впрямую, мне станет страшно, и я буду рассуждать иначе...”

Андрей Тарковский

29 декабря 1986 года в Париже, после длительной болезни, скончался всемирно известный русский режиссер Андрей Арсеньевич Тарковский. Ему было 54 года.

Союз кинематографистов СССР, вопреки ожиданиям, опубликовал некролог, полный теплых слов в адрес режиссера-невозвращенца. В заключение было две фразы: „В последние годы, трудное кризисное для него время, Тарковский жил и работал за пределами Родины, о чем приходилось думать с горечью и сожалением. С этим невозможно было ни согласиться, ни примириться”.

Трудно было примириться с житьем на чужбине и самому Тарковскому, не случайно его предпоследний фильм „Ностальгия” (1983), снятый в Италии, наполнен тоской по Родине, стремлением найти знакомые черточки в чужом пейзаже. Конечно, это не единственная идея фильма, у Тарковского

не было однозначных фильмов. Так почему же он, пожалуй, единственный советский режиссер, которому, благодаря его всемирной известности, власти разрешали снимать так, как даже в самые либеральные времена не разрешали снимать никому, все же решил остаться на Западе?

В России, после выхода на экран очередной картины Тарковского, сразу же начались слухи и споры о том, сколько лет фильм лежал в прокате и сколько минут из него вырезала цензура. Разрешить или нет его последний, снятый в СССР фильм „Сталкер” (1980), решалось на уровне Верховного совета. Если не задавить или приручить, так хоть обкорнать до предела – таков был лозунг ревнителей соцреализма.

Тарковский был многогранной личностью: учился музыке, три года занимался живописью, был студентом Института восточных языков в Москве, с 1956 года изучал геологию.

В 1960 году он сделал свой первый, дипломный фильм „Каток и скрипка”. В 1962 году его первый полнометражный фильм „Иваново детство” получил „Золотого льва” на Венецианском кинофестивале.

По возвращении в Москву тогдашний министр культуры Фурцева позвонила Тарковскому и потребовала сдать приз, как это обычно делается. На что Тарковский ответил ей, что „льва” вручили ему, а не ей, и повесил трубку. „Золотой лев” остался у Тарковского.

В 1967 году его новая картина „Андрей Рублев” была запрошена организаторами Каннского фестиваля, но советские кураторы кинематографии ответили отказом. Только двумя годами позже эта работа была прислана (в сокращенном варианте и вне конкурса, чтобы не допустить возможности получения Тарковским Первой премии).

В 1972 году вышел „Солярис”, где, в форме научно-фантастического фильма, показывалось глубокое противоречие между духовным несовершенством человека и технической цивилизации. В образе „мыслящего океана” четко виделись идеалистические мотивы.

Одним из самых удачных (и самых спорных) фильмов был „Зеркало” (1974), полный ярких и не всегда реалистичных картин, видимых глазами автора-ребенка. В этом фильме можно найти наслонение всех стилей, присущих скорее живописи, чем кинематографу: от серого реализма до импрессионизма и сюрреализма. И как сложную картину фильм этот можно смотреть по несколько раз, все время находя в нем новое, не замеченные или не понятые ранее „мазки”.

Потом был „Сталкер”, снятый по мотивам повести Стругацких „Пикник на обочине” — путешествие Сталкера, Ученого и Писателя по ЗОНЕ — области, оставленной пришельцами из космоса в непонятном и опасном для землян состоянии.

Выехав за границу для участия в совместных с итальянским телевидением съемках в 1984 году, Андрей Тарковский решил остаться на Западе. Его семью власти долго не выпускали, несмотря на протесты крупных культурных деятелей западных стран. После его смерти те же чиновники лицемерно выражали этой семье свое соболезнование, а советское посольство прислало на похороны своего представителя.

За двадцать пять лет работы в кино Тарковский снял только семь полнометражных фильмов, но каждый из них был событием в мировой кинематографии. Две последних ленты — „Ностальгия” и „Жертвоприноше-

ние”, были сделаны на Западе. Покажут ли их когда-нибудь на родине?

В надгробном слове, прочитанном на церковном дворе Свято-Александро-Невского собора Владимиром Максимовым, последний сказал, что в разговоре о широкой демонстрации фильмов Тарковского в СССР Андрей Арсеньевич ответил:

„Они делают вид, что ничего не случилось, что они не душили меня почти двадцать лет, что я не просил здесь политического убежища и что я продолжаю находиться в творческой командировке за рубежом, надеются, что я растрогаюсь от умиления и брошусь им в объятия? Ну, нет, этого от меня не ждут, я, как и Шалапин, ни живым, ни мертвым, и надеюсь, дети у меня окажутся потверже Шалапинских”.

5 января 1987 года Андрей Арсеньевич Тарковский был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем.

А. К.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

№ 142

Проза и поэзия

Александр АНТОНОВИЧ. Отпуск. *Повесть*
Елена ШВАРЦ. Фрагменты из поэмы
Игнатий ШЕНФЕЛЬД. Бармалей. *Рассказ*

Памяти Леонида Ржевского

Екатерина БРЕЙТБАРТ. Радость творческого слова
Леонид РЖЕВСКИЙ. Мотив жалости в поэтике Достоевского

Дневники. Воспоминания. Документы

Николай ЛИХАЧЕВ. Записки о войне

Публицистика

Андрей САМОХИН. Амурская война

Библиография

Михаил НАЗАРОВ. Борьба со злом — зная его природу
Юрий ШТЕЙН. Плоды коллективной мысли

Коротко о книгах

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. Мировоззрение Гюг-чева
Н. А. Толковая Псалтырь Евфимия Зигабена

Общая позиция: выжидательно-недоверчивая

Очень рад этой возможности вам написать. Постараюсь ответить на вопросы, излагая свое и моего круга мнение. Говорить за весь Ленинград — не имею права, люди крайне разные, мнения тоже.

Чернобыль. Обычное советское разгильдяйство, столкнувшееся с серьезностью работы на атомной станции. Огромная жалость и сочувствие к населению тех мест. Все рынки города до самой осени проверялись дозиметрами, все пассажиры поездов тех направлений отправлялись в специальные бани. Этой осенью люди остерегались есть грибы, ягоды. Газета „Ленинградская правда“ опровергала существующие страхи. Все, имевшие родственников и знакомых в Киеве, приняли их на 1-2 месяца. Знаю один институт в Киеве, где всем женщинам с детьми дали отпуск за свой счет на все лето.

У людей осталось презрение к действиям властей, за дезинформацию первых 4-х дней, за проведение демонстрации 1 мая под сильным радиоактивным дождем, как утверждают, за насильственный денежный сбор со всех работающих в размере дневного заработка (3-7 руб.) в Фонд помощи Чернобылю. Все хотели бы дать лично конкретным людям и видеть результат.

Осенью, когда газетная шумиха затихла, начались наборы резервистов, офицеров запаса, якобы — „на сборы“. В действительности, их посылали на 6 месяцев в Чернобыль. Брали химиков-дозиметристов, врачей, строителей. Повестку приносили домой в 23.00, позже нельзя по закону. Утром — медкомиссия, сдача крови на анализ (при обычных сборах никогда такого нет). На следующий день отправляли самолетом в Киев. В октябре—ноябре отправлялся один самолет в неделю. По рассказам врачей, из 6 месяцев люди два работали, а четыре — находились в больнице. Причина военных наборов — отсутствие „добровольцев“, несмотря на очень высокую зарплату. Общее мнение: то, что известно сегодня, — лишь часть будущих бед и последствий Чернобыля.

Угроза войны с США или Китаем. Интеллигенция немногих больших городов не верит в войну и не боится США. Устрашения власти

рассматриваются как дешевый пропагандный трюк. Но большая часть населения, примерно 95%, верит всей пропагандной информации. Скажем, почти все мои знакомые на Кавказе видят в Рейгане врага, мешающего нам сконцентрироваться на внутренних делах, и пьют за его смерть (!). Милитаризация экономики США — источник „их“ благосостояния, так это объясняется. Силен еще страх, связанный с несчастьями Второй мировой войны; и Рейган (США) у многих ассоциируется с перспективой повторения этих несчастий.

Китай снова становится другом. У нас открыто консульство, много студентов, стажеров. В том числе и пережившие „культурную революцию“. Однако вся информация и книги о Китае еще идут в спецхран.

О переменах. В положительные перемены окружающие меня люди, честно говоря, не верят, хотя такие перемены необходимы. Большинство разучилось работать, очень некомпетентно руководство. На производстве как будто большая активность и поддержка нового, но о результатах можно будет говорить не раньше, чем через год. Основные новые законодательства вводятся, начиная с 1 января. Наш город перемены коснулись мало. Вся старая „мафия“ — исполком, обком — прежняя. Этим людям поддерживает их бывший шеф Зайков, сделавший „мгновенную“ карьеру на идее программы „Интенсификация-90“, фактически совпавшей с лозунгами Горбачева.

О цензуре. Послабления цензуры очевидны. Официально она освобождена от идеологических функций. Все публикации и статьи просят переделывать в духе времени — с критикой всего. Например, в подготовленную брошюру об охране памятников (к 70-летию советской власти) попросили внести все уничтоженные церкви и сказать, что охранялось все неважно. Так что, с моей точки зрения, — литература пока самая „выигрывающая“ область.

Политика. Разговоры о политике — основная тема всех частных и кулуарных бесед. Общая позиция, наблюдаемая мной, — выжидательно-недоверчивая. Из тех уст, которые вдруг доносят добро и здравый смысл, исходило столько вранья, чванства, глупости, что должно пройти много лет, прежде чем будет сломлен „барьер между народом и партией“. Больше обсуждают внутреннюю политику: это рядом, вокруг все запущено до предела. Внешняя политика для большин-

ства непонятна, недосыгаема — „космос“, смотреть на который нет сил и времени. Это любопытная информация, но не реальность. Резкой критики не очень много, новые лозунги и законы — уместны и нужны.

Из интересных экологических событий последних осени-лета: загнивание Финского залива из-за строящейся дамбы от наводнений. А также демонстрации в Клайпеде (Литва) против добычи нефти на знаменитой Куршской песчаной косе в Балтийском море.

С наилучшими пожеланиями,

ваш Н.

Ленинград, февраль 1987 г.

Чудо в городе Львове

Ниже мы публикуем полученный из страны рассказ о чуде на Пасху в 1985 году в городе Львове, который отражает ту атмосферу духовной напряженности, в которой живет народ.

Во время богослужения в храме во имя Пресвятой Богородицы в просвете окна появилось облако, сияющее, как яркий луч солнца. И в этом облаке молящиеся увидели человеческую фигуру и признали в ней Богородицу. Людей в храме было человек двести. Присутствовал и начальник милиции г. Львова Игнатюк.

В духовном порыве люди стали громко молиться и звать о помощи. Стоявшие снаружи также увидели в окне Богоматерь. Все усилия милиции разогнать молящихся оказались тщетными. Толпа быстро росла, и слух о чуде распространился с быстротой молнии. Власти г. Львова запросили Москву прислать на помощь военных и научных работников. Все было выполнено. Приехали доктора наук и другие светила. Ученые авторитетно заявляли, что никаких чудес быть не может, а военные старались разогнать молящихся. Люди не унимались и не уходили ни домой, ни на работу, а молились, молились...

И тут Богородица заговорила: „Я пришла к вам во имя Сына моего Иисуса Христа. Молитесь, кайтесь, осталось вам немного времени. Приближаются страшные бедствия — огонь, голод, гибель и другие несчастья. Будет страшная война. Народ устремился на восток, но оттуда не вернется никто. После всех несчастий наступит Страшный Божий Суд. Я молю Сына Своего помиловать вас, а

вы не каетесь и не молитесь. Покайтесь, и кто не крещен — креститесь. Пришествие Сына моего для суда над людьми будет последним, восьмым днем для вселенной. Все нераскаившиеся грешники будут наказаны, а праведникам Господь устроит новую жизнь”.

Богородица исцелила многих больных и калек.

Милиция начала обливать стены храма керосином и разными химикалиями. Забила окно, через которое видна была Богородица, а Видение передвинулось к другому окну. Начальник военных из Москвы отдал приказ поджечь храм, но как только другой начальник зажег спичку, над его головой повис Сатана, и он тут же потерял рассудок. Звали этого человека Попов.

Очевидцев вызывали в КГБ и принуждали подписать бумагу, что все — провокация и выдумка. Никто таких бумаг не подписал, а наоборот, все говорили, что если нужно, то умрут за правду Божию.

Видение Богородицы и исцеления продолжались три с половиной недели, и, узнав о них, стали прибывать люди из Киева, из Почаевской Лавры, из Москвы, Тифлиса и других городов.

Советские граждане, временно находящиеся на Западе, могут получить наши издания бесплатно, обратившись по адресу (или телефону) „Посева“ к А. А. Кандаурову

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПОСЕВ“

Главный редактор Е. Р. Миркович
Ответственный секретарь В. М. Рыбаков

Редакционная коллегия: А. Н. Артемов, М. В. Назаров, Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов, Р. Н. Редлик, Я. А. Трушнович, А. М. Югов (Франкфурт-на-Майне); Г. Г. Бонафедэ (Австралия); В. Г. Ламздорф (Испания); Б. С. Пушкарев (США); Н. Н. Рутыч, А. П. Столыпин (Франция); прот. Кирилл Фотиев (ФРГ).

Адрес редакции: Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M.—80

Телефон: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов „Посева“ в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимы разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран — приветствуется.

О некоторых проблемах религиозного пробуждения

А. БУТАКОВ

.../ Когда в середине 70- гг. разгорелся костер религиозных семинаров, собранный и самиздатских публикаций, его уже предварили далекие и ближние всполохи — нашумевшее письмо о. Якунина и о. Эпифана, раскаты "Из-под глыб", проповеди о. Дудко, евангельские чтения на квартирах и все нараставший интерес к духовным проблемам. Среди интеллигенции уже в прешествующем десятилетии обращений становилось все больше, слово "Бог" в беседах звучало все чаще. Постепенно складывалась атмосфера, благоприятная для дел и действий. Складывалась она, правда, в двух главных культурных центрах — Москве и Ленинграде и много слабее ощущалась еще в нескольких городах: Киеве, Саратове, Новосибирске. В других, причем огромных, городах европейской России, таких как Горький, Пермь, Казань, Ярославль, с крупными университетами и многочисленной интеллигенцией, никакого заметного религиозного оживления не наблюдалось. Следовательно, оно сразу носило не только локальный, но даже узко-локальный характер и *никогда* — вопреки некоторым утверждениям — не было повсеместным.

Надо, однако, напомнить, что в России, как и в других странах, решающими всегда были события в столице, а провинция отставала или принимала уже происшедшие перемены. Хотя роль провинции сейчас, несомненно, заметно выросла и в ней все чаще возникают самобытные явления, основная духовная жизнь по-прежнему протекает в Москве и Ленинграде, где с появлением неофициальной культуры начали формироваться независимое общественное мнение, разными окольными путями распространяющееся по всей стране. Вот отчего все, что делается в этих городах, очень важно, задает тон, служат примером... /.../

Данный текст представлял собой отрывки из статьи „Возрождение, оживление или пробуждение?“, появившейся в 1984 г. в издательском журнале „Лента“ (Москва) и переизданной в 1986 г. в 148-м номере журнала „Вестник РХД“ (Париж). К сожалению, мы здесь не могли поместить столь большую статью полностью; отрывки выбраны соответственно новому заголовку, данному составителями квартального „Посев“.

Размеры же были и остаются довольно скромными. Религиозными (не обязательно христианскими!) идеями затронута пока очень узкая прослойка интеллигенции, в основном творческой, и гораздо меньше — технической, в обществе численно преобладающей. Последняя вообще еще далека от духовных проблем и не изжила стереотипы "прогрессивно-либерального" мышления с его тяготой к конкретным социальным решениям. Ее интерес к религии зачастую остается на уровне интеллектуального любопытства, благожелательного, но не трепетного. Религиозными идеями увлеклись главным образом литературно-художественные круги, но не изыто ступившихся у казенного корыта, а ботема, отщепенцы и агон, которые в поисках свободы самовыражения сознательно порвали с системой. Для советского общества они были париями и неудачниками, которые мешали жить своими непонятными стихами, картинками и подозрительными рассуждениями. Извне, из душевной атмосферы, тянулись к ним те, кому опостыела казенная идеология и мертвающая бездуховность, и они обратились попутчиками, которых в конце концов оказалось раз в три больше, чем самой неофициальной интеллигенции, насчитывавшей в обеих столицах всего несколько сот человек. Но ведь и лавина приходит в движение от небольшого камня.

Духовное пробуждение шло параллельно, хотя не синхронно, с общественным подъемом, который начался среди части интеллигенции во второй половине 60-х гг. из-за нарастающего кризиса и разложения веры в построение "земного рая". Не секрет, что во время "оттепели" многие интеллигенты искренне поверили или захотели поверить, что к прошлому возврата нет, марксистские идеалы очищены и партия вперед будет их свято и неуклонно блюсти. Поверила, правда, в основном "образованщина", т.е. люди, выросшие в советском обществе и в его понятиях, которые целой пропастью отделены от истинного стремления к истине прежней русской интеллигенции. Чтобы разочароваться, потребовалось целых десять лет и ряд жестоких исторических доказательств. Когда же советские пробудились, то сторонники эгалитарно-демократических взглядов стали правозащитниками и обрели себя на суровую и страстную борьбу, а ищущие не внешних, а духовных альтернатив повернули к традициям и религии. Начались несанкционированные выступления поэтов и художников за свободу творчества и активные религиозные поиски, о которых за прошедшие полвека успело изрядно забыть русское общество.

На первых порах этих ищущих упрекали в сознательном отказе от общественных проблем и "борьбы", хотя репрессив хватало и на

во время оставили и обратили к истинному Богу, долго еще колкой занозой хранит в себе усвоенное, если считает его не губительным, а плодотворным для христианской жизни. Об этом "своеобразии" надо всегда помнить, чтобы верно понять характер нынешней религиозности интеллигенции.

Для многих путешественников к Богу (не обязательно Триединному!) стала русская религиозная философия и литература "серебряного века", интерес к которым одно время достиг размеров неистового поклонения. Подбор авторов тогда и здесь был не случаен: Бердяев с его идеей равной Богу свободы, Розанов с сомнительными рассуждениями о "темном лике" Церкви, Мережковский, стремившийся обогатить христианство апологетским началом. Блок, для которого Христос тоже был вне Церкви, и, конечно, Вл. Соловьев — алфа и омега во всех религиозно-философских спекуляциях. Их труды тоже штудировались ночами с большим усердием, чем Евангелие; Бердяев и Соловьев приравнивались к св. отцам, Блок — к великим духовидам. Влекла к ним не столько глубина и смелость мысли, сколько оправдание человеческой свободы и "творческий" подход к христианству. Всякого, кто осмеливался указывать на односторонность и опасность такого отношения, ждал яркий схоласт, книжник, догматик, которому, естественно, не место среди "думающих" деятелей "возрождения".

Если бы "серебряный век" оказывал только освобождающее от бездуховности влияние, то несправедливо было бы его критиковать, но он сильно виновен в том, что среди богоскателей до сих пор процветает безответственное красноречие, когда человек, плохо знающий учение Церкви, заранее, с порога, отвергает в нем многое и наслаждается витиеватыми антиклерикальными выпадками, блистая парадоксами в стиле Бердяева. Многие левые души так и остались на этом уровне и о христианстве судят по литературно-религиозной публицистике почти стопетней давности, которая для них — высший авторитет. Подобное положение — опасно, ибо при религиозном невежестве в нынешней России неискренние принимают подчас за слово Истины предложенные им со стороны, обусловленные датским временем умопостроения. Подмена первичного вторичным (в данном случае религиозной философией)... /.../

Из "серебряного века" пришла к богоскателям из творческой интеллигенции и идея религиозного оправдания искусства, согласно которой "творческий опыт так же религиозен, как молитва, а аскеза" (Булгаков), а творец равен Творцу. Условно ее, неофициальный пост и художник стали мыслить себя и восприниматься бли-

их долю, ибо в испуге авангардистов поначалу приняли за замаскированный отряд правозащитников, хотя общими у них были лишь отдельные и не очень радикальные требования. Оломившись, функционеры постепенно справились с "культурным движением" — одних отпавив на желанный Запад, других стянув в поднадзорные объединения, которым даровали кое-что из требуемого. Если творческой свободе была в конце концов предложена некая ограниченная альтернатива, то на чисто религиозные искания никакой официальной реакции не последовало, да и не могло последовать. Культурное движение, во-первых, было много шумнее и настоятельнее и потому обратило на себя внутри и вне страны гораздо больше внимания; во-вторых, оно выдвигало совершенно конкретные цели, тогда как богоскатели предпочитали читать, а не дискутировать с властями, размышлять, а не действовать против них, медитировать, а не демонстрировать. Поскольку перед собою они ставили в основном задачи духовного самосовершенствования и спасения души, то репрессии против них были *относительно* слабыми и обрушивались главным образом тогда, когда, поддавшись общим настроениям, отдельные лидеры смеяло выходили на общественное поприще. Благодаря этому и своей распыленности, религиозное "движение" сейчас сохранилось в лучшем виде, чем правозащитное, и в более чистом, чем культурное, все-таки заклятые враги с властями ненадежный компромисс.

Начавшись среди неофициальной интеллигенции, религиозные поиски 70-х гг. шли под знаком "духовности", которая — признаем честно — была во многом вне- или даже антихристианской, notable "альтернативный" религий на Западе. Двери храмов стояли открытыми, но поначалу богоскатели направились не к ним; св. Писание было доступно, но не с него они начали. Кто не помнит, с каким упованием читались затрепанные сочинения по Йоте, дзен-буддизму и тибетской магии, с каким жаром и восхищением штудировались Штейнер, Блаватская, Гурджиев и Кришнамурти! Сколько было на это потрачено усилий, времени и энергии! Соответствующие книги найти, кстати, было гораздо сложнее, чем св. Писание, а изучать восточные учения — труднее, чем христианское наследие. В результате, эти поиски привели ко Христу едва ли четверть ишущих, а большинство впало в пагубные соблазны или — что еще печальнее — перешло к психическому надлому, ибо нефиты неумелыми духовными упражнениями открывали внутри себя дорогу демоническим силам, от которых не имели никакой крепкой защиты. Но даже тот, кто, понав тешу этих блуждающих,

жайшим окружением как демиурги, смело воздвигающие новые миры и ценности и пророчески вещающие о грядущих судьбах. Без всяких колебаний они поставили знак равенства между религией и творчеством, а поскольку творчество — привяичнее и гораздо свободнее, то в нем-то и стала свержаться "теургия". Раню, а не поздно спрашивал себя такой демиург: должен ли он следовать установлениям Церкви? И давал в основном отрицательный ответ. Редео, разве что в Рождество или Пасху, увидишь его в храме, а иконы стоят в его квартире среди разных безделушек на книжной полке. Может быть, возмещает пренебрежение богослужением и таинствами усиленной молитвой? Увы, нет. Спрашивается, будут ли поэзия или живопись "христианскими" без молитвенного и sacramentalного опыта? Не удивительно поэтому, сколько появилось стихов, наполненных торлевым самообожением поэта под видом высших "наитий", и картин, где евангельский сюжет служит самопроявлению живописца. /.../

Утрачив кругозор своих предшественников, нынешний богоскается не утратил, однако, его амбиций учить и проповедовать, а поскольку важным стало не "что", а "как" проповедовать, невежество обычно прикрывается выспренней демагогией, унаследованной формально, хотя и с другим знаком, от официального манипулирования умами. Возникла определенная "декоративность" /.../

Закономерен вопрос: можно ли происходящее вообще именовать "возрождением"? Сегодня гиперкритики склонны отрицать даже само явление. Обращения, мол, никогда не прекращались; после хрущевских гонений стало снова легче дышать, и они усилились, а последующая мода их только подстегнула. Когда же мода прошла и повеяло холодом, то процесс опять приостановился, чтобы по закону ритма через некоторое время возобновиться с новой силой. /.../

Религиозность населения, действительно, подтвержена колебаниями, которые могут носить равно-волновой или резко-стремительный характер. Большинство живет пока по первому ритму, тогда как у интеллигенции, столь долго равнодушной ко Христу, произошел определенный, хотя и не резкий подъем религиозных настроений, отмеченный, кстати, и советской прессой. Впервые с 20-х гг. возродились забытые ценности и начался трудный переход от веры предков, народных преданий и вековой культуры. Сколько огромных усилий пришлось потратить, чтобы впервые взять в руки Евангелие, проанести молитву и переступить порог

храма! У образованного слоя нации, казалось, были навсегда задуманы устойчиво-порочной "либерально-демократической традицией" религиозный инстинкт и трансцендентное начало, и, казалось, правы атеисты, будто онае — продукт социальных условий. И разве не достойно радостного удивления, что именно в этой духовно обнищавшей среде забил наконец-то живой родник, хотя забил пока не на горе, а в овраге и не столь многоструен и прозрачен.

Чтобы не раздувать понятие, справедливее было бы вместо "возрождение" говорить "пробуждение", которое настало после долгой спячки безверия и равнодушия. Пробуждение — более медленный и начальный процесс, не заключающийся в себе бурного натиска, который обычно приметен в возрождении. Интеллигенция сделала только *первый и робкий шаг* к вере и Церкви, и на этом пути ждут ее многие привалы, провалы и отступления. Вступили на него отважнейшие и совестливейшие, а большинство с понурой головой стоит еще на обочине, ожидая обаяющего знака. Кому-то хотелось бы ускорить этот процесс, чтобы пораньше увидеть Пасху среди лета, предсказанную преп. Серафимом Саровским, хотя такое понуждение грозит нарушить естественное выздоровление и ослабить и без того зыбкое чувство вины и покаяния, которое необходимым образом должно предшествовать подлинному обращению. Даровав России силу вынести столь долгое, жестокое и искупительное испытание, Господь, несомненно, даст ей и терпение, чтобы не поскользнуться опасно на историческом повороте.

"Пробуждению" соответствуют и видимые результаты последнего десятилетия. Из десятков посетителей семинаров лишь горстка пришла в Церковь и живет ныне по-христиански; у остальных благая весть упала на каменную почву суеты или затерялась в житейском тернии. Кто-то вспоминает о своем обращении только в пасхальную ночь, кто-то, забыв совершенно о крещении, ведет прежний беспутный образ жизни, кто-то вновь страстно увлекся восточными учениями, кто-то бережно вставил христианство в культурно-этнографическую рамку, наслаждаясь им втихомолку и в одиночку. Для большинства крайне трудно оказалось перейти от слов к делу, от деклараций — к христианской жизни. У одних "православных" принятая вера обернулась открытой хлыстовщиной, где распутство причудливо сплелось с елейным лицемерием, у других — опознавательным знаком принадлежности к "избранной" микрогруппе, свысока взраошей на духовно отсталую толпу. Поведение некоторых видных деятелей "пробуждения" было настолько далеко даже от обычного нравственного, что

вызвало соблазн у одних и злорадство у других, для которых ненавистно само слово "православие".

Тем не менее само явление было *значительным и отрядным*. Если в начале века богословы в основном были настроены антиклерикально и к исторической Церкви относились сверхкритически, то ныне произошёл важный, хотя и не решающий перелом, и христиански настроенная интеллигенция — пусть с оговорками и условиями — признала авторитет и необходимость Церкви, её святых таинств и священнослужителей. Истина "без Церкви нет спасения", похоже, принята и понята теми, кто после долгих усилий пошёл в храм. Правда, и тут интеллигенция была верна себе, создав вокруг отдельных батюшек своеобразный "культ", который им нисколько не пошел на пользу (вспомним печальную участь о. Дудко). Некоторые храмы сделали подвием модных театров, куда стекались не молиться, а поглазеть и послушать "смелую" проповедь, и каким-то клубом по "обмену опытом". И все же, обуздав гордость и высокоумие, со смирением стоим прослушавший интеллигент в благоговении участвуя в богослужении. Дорого стоило ему это смирение, но трудный путь воцерковления начал, и дай Бог, чтобы на него вступало все больше новообращенных, либо прежде всего вошедшие в Церковь смугут, как показали опыт, устоять при испытаниях, которые с избытком имеются в сегодняшней России.

*

Одни из них вошли в Церковь, плотно закрыв глаза и уши. Для них все в ней было свято, богоугодно и целесообразно, ничто не подлежало ни малейшей критике. Даже самоочевидные изъяны церковной жизни эти неопиты безоговорочно оправдывают и, чтобы воочию продемонстрировать свою правослаvnность, искренне порой умоляют перед ними. Все лучшее осталось у нас в прошлом и от прошлого, и надо лишь бережно хранить сохранившиеся реликвии. На все связанное с Церковью накладывается строжайшее табу и любое критическое замечание воспринимается как происки фармакона или еретика, от которого "истинно православному" надо держаться подальше, чтобы не заразиться или не замараться.

/.../ Анафема культуре доходит до крайностей: телевизор как орудие дьявола сдается в комиссионный, светские книги — в антиквариат, порываются все связи с лежашим во эле миром.

В данном случае мы, несомненно, имеем также дело с определенным вариантом фарисейства, когда культура-грешница пригова-

ривается к смерти и беспощадно побивается камнями, ибо побивающие самодовольны и уверены в собственной чистоте и правоте. /.../

В противоположность описанной группе, тесно и открыто связанной с почвой и традицией, другие неопиты пришли в Церковь из интеллигенции, не только широко раскрыв глаза, но ежeminутно критически озираясь по сторонам. От сербярного века именно они в какой-то мере унаследовали антиклерикальные предрсждения. /.../ Сильнее чем храм любят эти интеллигенты бесконечные словопленения, наполненные ядовитыми нападками на Церковь и её установления, причем чаще всего звучат слова "отсталость" и "косность". /.../ Промежуточное положение между обеими описанными группами занимают православные интеллигенты, которых, пожалуй, нельзя полностью называть неопитами, ибо часть их выросла в репигиозных семьях и не испытала эффекта неожиданного обращения, который порой ответствен за некоторые крайности. Она тоже стоит на охранительных, хотя весьма умеренных позициях, признавая, что эволюция нужна, но при благоприятных условиях и обязательно с учетом вековых традиций. В целом разделяя взгляды поучеников, эти христиане хотят практически содействовать выздоровлению народа путем постепенного восстановления утраченных или обветшалых духовных ценностей, которые некогда крепили народный состав и характер, т.е. выступают не за одно сохранение уцелевшего, а за всестороннюю *реингинозно-нравственную*, в широких масштабах, реставрацию всего разбитого, попорченного и опороченного.

Это главным образом относится к ценностям веры, которые в атеистическом государстве за долгие годы подверглись неизбежной эррозии и опасной формализации, приобрели относительный характер и из норм жизни превратились в нечто декоративное и необязательное. Успешно и безболезненно восстановить эти ценности можно — как то не раз бывало в прошлом — через новое, обогащенное всем христианским опытом, обращение к евангельским, апостольским и святоотеческим первоисточникам в свете насущных проблем русской действительности и через личный молитвенно-аскетический подвиг, опирающийся на Христову помощь и пример прежних и недавних святых и ведущих к жизни, которая не на словах, а на деле соответствовала бы строгой, а не облегченной христианской морали, которая иногда проповедуется в качестве современной и якобы единственно возможной.

Восстановлению подлежат также культурные и исторические ценности, обоглаженные и неизменно искаженные, и не только

в фактическом содержании (о ком теперь пекутся и совести-вейшие представители официальной культуры), но прежде всего в их христианской сути и свойствах, которые из-за всепроникающего секулярного диктата долго и почти повсеместно игнорировались и игнорируются. Заново переосмыслить с этих позиций не отдельные стороны, а всю русскую культуру и историю, утверждая христианские начала как положительно-ориентирующие, — весьма насущно для того сильноного процесса, который начался и несомненно будет нарастать среди национально настроенной русской интеллигенции. Благодаря этому, может быть, с Божьей помощью удастся избежать в дальнейшем некоторых досадных отклонений и крайностей, роковым образом преследующих русское сознание: от бездумного преклонения перед народом, в котором, кстати, ныне сильно ослабли прежние положительные качества и развилось прямо противоположные и язычески жестокие, до иступленно-безумного экстремизма, который при определенных условиях может и в православной среде вызвать в будущем печальные и кровавые эксцессы. /.../

В современной России для христиан одной из наиболее сложных современных проблем представляется эклектичный в своей основе и все усиливающийся национал-большевизм, который хотел бы возродить народ без христианства, не отказываясь от марксизма, исключительно с помощью лозунгов земли, крови и расы, временами удивительно перекликающихся с национал-социалистическими. С этой целью небогатая история языческой Руси и ее последующие автавизмы намеренно выпячиваются, а многовековая роль христианства замалчивается, по-ничищеански третируется и искажается. /.../

В этих построениях язычество упрямно противопоставляет религии, импонирующей как автохтонная, почвенная и инстинктивная религия, импонирующая гедонистически настроенным толпам своим витализмом, грубой силой и свободой от моральных ограничений. Христианство якобы отжило свой век и его, по закону цикла, должно сменить обновленное язычество, которое укрепит изнеженный (на Западе) и истомленный (в России) народный дух. /.../ Попытки гальванизировать язычество мы встречаем уже в "серебряном веке", но тогда они были умозрительны и пропитаны утопичной декадентской ностальгией, понятной лишь узкому кругу, ныне же некоторые официальные литераторы и художники, чья душа ожесточена и отравлена материализмом, усиленно распро-страняют их в "очищенном" (от этики и эстетики) виде среди рели-

гиозно невежественной образованщины, играя на ее патриотизме и одновременно толкая на путь исторического регресса, каково — возвращение к язычеству. Как бы не замечая явной и злобной антихристианской направленности национал-большевизма, наивные церковные интеллигенты (их немало!), мечтая о невозможной "симфонии", стремятся заключить с ним тактический компромисс на основе общего бесполойства за судьбы наши и интереса к ее истории и культуре, чтобы опираться на него как на реальную силу. /.../

Другое дело — тайные христиане среди присяжной интеллигенции и даже функционеров, которые, несомненно, могут содействовать христианскому делу, хотя им — об этом всегда следует помнить — никогда не удастся приобрести заметного влияния на официальную политику. /.../ Изменить этот климат может только духовная реставрация, за которую ратуют, как говорилось, умеренные, отрицательно относящиеся к национал-большевистским тенденциям, которые, по их мнению, являются сильной помехой нынешнему религиозному пробуждению. Они, однако, не драматизируют ситуацию и возражают тем крикливым русофобам, которые ради своих корыстных целей всячески раздувают национал-большевизм до зловещего символа и жупела, не оставляя русскому народу иного выхода и сознательно дезориентируя западную общественность. С Божьей помощью и этот соблазн можно преодолеть, как были преодолены уже некоторые, еще более опасные. /.../

Поскольку роль мирянин в церковной жизни возросла и будет возрастать, то, сотрудничая с наиболее живой частью духовенства (его около трети), они могут возвести вокруг Церкви ограду, которая была бы открыта всем в нее приходящим, но могла бы одновременно защищать от враждебных сил, будучи оплотом для верных и твердейшей против безбожников и хулиганей. Хотя в принципе Церковь всегда была такой, в атеистическом государстве ей нужен еще один крепкий рубеж, вынесенный далеко к ее стене, чтобы с него лучше видеть и быстрее в будущем наступать. Пыл и дерзание должны занять место пассивности и пугливости, которые не отвечают духу Церкви и ничего общего не имеют с истинным смиренном; пыл и дерзание, которые отвечают бесмертным словам Христовым: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари" (Мк.16.15), обращенным ко всякому верующему. Помяни эти слова, новая церковная интеллигенция может исполнить свою самую главную и ожидаемую от нее миссию.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ“:

АВТОРХАНОВ А. *Загадка смерти Сталина* (Заговор Берия). Анализ документов и событий, связанных со смертью Сталина. *Происхождение партократии* (два тома). Историческое исследование, показывающее, что сталинщина — лишь логичное завершение ленинизма. *Технология власти*. Классический труд по истории сталинизма. *Мемуары*.

БОРОДИН Л. Повести *Год чуда и печали*, *Третья правда*, роман *Расставание*. Автор, отсидевший в лагере 6 лет (1967–73) за участие в подпольной организации ВХСОН), в 1982 г. приговорен к новому сроку — 10 лет заключения и 5 лет ссылки.

БУЛГАКОВ М. *Мастер и Маргарита*. Места, выпущенные цензурой в первом советском издании, напечатаны курсивом.

БУНИНЫ И. А. и В. Н. Устами Буниных. Дневники, под ред. М. Грин, в 3 томах.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. Воспроизведение издания 1909 года. Статьи Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

ВЛАДИМОВ Г. *Верный Руслан*. История караванной собаки. *Три минуты молчания*. Восстановлено все, выброшенное советской цензурой. *Большая руда*. Зарубежное переиздание с послесловием автора. *Не обращайтесь внимания, мастер*. Сюжет — осада квартиры писателя органами КГБ — взят из жизни самого Владимова.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Постоянно переиздающийся и пополняемый сборник статей. Анализ боевых действий, причин войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход.

ВРАНГЕЛЬ П., генерал. *Воспоминания*.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. *Философская нищета марксизма*. Классический труд по критике марксизма, автор которого, известный русский философ, был выслан из СССР в 20-е годы.

ГАЛИЧ А. *Когда я вернусь*. Полное собрание стихов и песен трагически погибшего барда, члена НТС.

ЗЕНЬКОВСКИЙ В., протонерей. *Основы христианской философии* (в 2-х томах).

КОМАРОВ Б. *Уничтожение природы*. Обостренные экологического кризиса в СССР.

ЛЕВИЦКИЙ С. *Основы органического мировоззрения*. Автор книги — известный русский философ-солидарист. *Трагедия свободы*. В предисловии Н. О. Лосского к этой книге отмечена ее преемственность по отношению к философской линии В. Соловьева. *Очерки по истории русской философской и общественной мысли*.

ЛОССКИЙ Н. *Характер русского народа*. Один из известнейших русских философов XX в. анализирует положительные и отрицательные черты характера своего народа. *Общедоступное введение в философию*.

МАКСИМОВ В. *Собрание сочинений*: 1. *Сага о Сааве*. 2. *Семь дней творения*. 3. *Карантин*. 4. *Процание из ниоткуда*. 5. *Жив человек*. Пьесы. 6. *Ковчег для незваных*.

НАДЕЖДА, Христианское чтение. Самиздатский православный сборник, выходит 2–3 раза в год.

НЕЗНАНСКИЙ Ф. *Журналист для Брежнева, Ярмарка в Сокольниках*. Детективы, основанные на реальных фактах преступлений в номенклатурных верхах.

НЕИЗВЕСТНЫЙ Э. *Говорит Неизвестный*. Знаменитый скульптор говорит о себе, о своем творчестве, о сущности сов. режима.

НЕКРАСОВ В. *Сталинград* (повесть „В окопах Сталинграда“ и рассказы). Зарубежное переиздание с послесловием автора.

ОКУДЖАВА Б. *Проза и поэзия*. Повесть *Будь здоров, школяр*, рассказ «Промоксис», стихотворения, песни.

ОСИПОВ В. *Три отношения к родине*. Сборник статей осужденного в 1975 г. на 8 лет лагерей редактора самиздатского русского национального журнала «Вече».

ОРВЕЛЛ Дж. 1984. Русский перевод всемирно известного утопического романа, изображающего тоталитарную систему, доведенную до своего логического завершения. *Скотский хутор*. Сатирическая повесть о коммунистическом обществе.

ПАСТЕРНАК Б. *Доктор Живаго*.

ПУШКАРЕВ С. *Самоуправление и свобода в России*. О развитии форм народного самоуправления от древней Руси до их крушения в 1917 г. *Роль Православной Церкви в истории России*.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ. Составленный в Самиздате фотоальбом с послесловием «Пределы вандализма».

РЕДЛИХ Р. *Сталинщина как духовный феномен*. Советские мифы и фикции, психика советского человека, нравственный облик сталинизма. *Советское общество*. Социологический анализ советского общества. *Солидарность и свобода*. Изложение идеологии НТС.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ. Сборник исторических статей. Составители: В. Желятин и Н. Рутыч.

А. САХАРОВ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Статьи, выступления, письма А. Д. Сахарова.

СОЛЖЕНИЦЫН А. *Собрание сочинений* в 6-ти томах: 1. *Один день Ивана Денисовича* и рассказы. 2. *Раковый корпус*. 3 и 4. *В круге первом*. 5. Пьесы, рассказы, статьи. 6. «*Дело Солженицына*», *Нобелевская премия*, *О творчестве Солженицына*.

«СОЛИДАРНОСТЬ». 3-е изд. Анализ польских событий 1980-82 гг. с выводами, которые должно сделать для себя рабочее движение в России.

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных ограничений. Из широко известных авторов в „Гранях” были опубликованы произведения А. Авторханова, В. Аксенова, митрополита Анастасия (Грибановского), Н. Арсеньева, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Л. Копелева, Н. Коржавина, В. Корнилова, З. Крахмальниковой, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Манделштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, И. Ратушинской, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, Вл. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина и др.

Периодически выходят сборники — „Грани. Избранное” — книжечки карманного формата, на тонкой бумаге, содержащие избранные произведения из опубликованного в „Гранях” за два года и предназначенные для распространения внутри страны.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Дорогие друзья! Наши возможности переправки в Россию литературы из зарубежья пока невелики. Коммунистический режим содержит на границах огромный аппарат цензуры и таможи, на преодоление которого требуется много усилий. Каждый экземпляр журнала, проникший в страну через эти заслоны — это труд и риск многих людей. Поэтому — берегите литературу. После прочтения передавайте другим. Пока такая литература не может свободно издаваться в нашей стране, — она не может быть личной собственностью. Фотографируйте журнал, размножайте его доступными способами и рассылайте по почте. Это будет вашим вкладом в наше общее дело.